

ВВВ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

5

2016

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

5/2016 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- И.Е. Барыкина** — Проекты усовершенствования системы государственного управления Российской империи второй половины 1860-х гг. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Н.В. Башнин** — Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон 16

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- А.В. Майоров** — Лондонский лицевой список Сказания о Мамаевом побоище 42

СООБЩЕНИЯ

- В.К. Романовский** — Poleмика о национализме на страницах русской либеральной печати в 1916—1917 гг. 53

- Ю.М. Азикова** — Статус Кабарды во взаимоотношениях с региональными державами в XVI—XVIII вв. 60

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- Н.Р. Гезалова** — О посольстве генерала А.П. Ермолова в кадджарском Иране 74

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Л.В. Пономаренко, Ныгусие Кассае В. Микаэль** —
Иван Филаретович Бабичев 90

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А.В. Зотова** — Советские банки в годы Великой Отечественной войны 103
- Т.Х. Матиев** — Взаимоотношения войск и гражданского населения в период Малгобекской оборонительной операции 113
- Е.А. Карпов** — Межнациональные отношения в артиллерийских подготовительных училищах в 1946—1955 гг. ... 119
- А.Х. Халилов** — Внутренние противоречия и борьба в руководстве Азербайджанской ЧК в 1920—1922 гг. 125

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- О.В. Терёшина** — Украинская автокефальная православная церковь в 1942—1944 гг. 130

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А.Ю. Ильин** — Догоняющая урбанизация и городское хозяйство в истории России (размышления по поводу работ немецкого историка Т.М. Бона) 143
- Л.П. Лаптева** — А. Баженова. Историки Императорского Варшавского университета: просвещение, наука, политика 156
- Р.С. Зуйков** — Всемирная история в 6 томах. ИВИ РАН. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока ... 164
- С.В. Кретинин** — К. Вебер. Война преступников. Массовые расстрелы под Катыню 169
- С.М. Гаврилова** — Т.В. Зонова. История внешней политики Италии 171

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Проекты усовершенствования системы государственного управления Российской империи второй половины 1860-х гг.

И.Е. Барыкина

Аннотация. В статье рассматриваются проекты усовершенствования государственного управления, разработанные общественными деятелями и представителями профессиональной бюрократии во второй половине 1860-х годов. В период проведения великих реформ самодержавная власть была поставлена перед необходимостью модернизации государственного механизма. В проектах предлагались как кардинальные перемены в государственном устройстве, так и паллиативные меры по улучшению работы отдельных государственных структур. Однако монарх не намерен был пересматривать свои прерогативы, а паллиативные меры не могли искоренить недостатки правительственного механизма. Поэтому правительственные круги были вынуждены постоянно возвращаться к этой проблеме в следующие десятилетия.

Ключевые слова: Российская империя, внутренняя политика, самодержавие, реформы и контрреформы, система государственного управления, правительственный механизм, модернизация, бюрократия.

Abstract. The article deals with public administration improvement projects developed by public figures and representatives of the professional bureaucracy in the second half of the 1860s. During the period of the great reforms of autocratic power it was given to the necessity of modernization of the state mechanism. The project proposes a radical change in the political system, as well as palliative measures to improve the operation of certain state structures. However, the monarch did not intend to revise its prerogatives, and palliative measures could not eradicate the shortcomings of the government mechanism. Therefore, government circles were forced to return to this issue in the next decade.

Key words: Russian Empire, internal policies, autocracy, reform and counter-reform, public administration, government mechanism, modernization, bureaucracy.

---

8 сентября 1802 г. Высочайший манифест объявил о введении в Российской империи министерств. Таким образом, было провозглашено начало кардинального преобразования системы государственного управления. Однако для реализации этой реформы потребовалось почти

Барыкина Инна Евгеньевна — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, докторант-соискатель Санкт-Петербургского института истории РАН. E-mail: ibarykina@mail.ru.

Barykina Inna E. — candidate of historical sciences, assistant professor of St. Petersburg Academy of Postgraduate Teacher Education, doctoral of St. Petersburg Institute of History RAS. E-mail: ibarykina@mail.ru.

десятилетие, в течение которого были конституированы новые государственные институты — Комитет министров и Государственный совет. 25 июня 1811 г. Общее учреждение министерств официально установило принципы деятельности министерской системы и определило действия министров практически на все случаи жизни, вплоть до «форм письмоводства» (шаблонов делопроизводственных бумаг) ¹.

Еще в ходе подготовки Учреждения министерств начали раздаваться критические замечания в адрес складывающейся системы управления и стали появляться предложения по ее доработке ². Главными проблемами, выявленными на первом этапе существования министерской системы, являлись излишняя централизация, канцелярская волокита, отсутствие единства и коллегиального обсуждения решений, необходимость четкого разграничения функций каждой ветви власти. Во второй четверти столетия попытки разрешения этих проблем привели к созданию Комитета 6 декабря 1826 г. для «пересмотра нынешнего государственного управления» под председательством В.П. Кочубея. Однако кардинальные меры в сфере государственного управления приняты не были, и сложившаяся в первой половине XIX в. система с ее достоинствами и недостатками была унаследована следующим царствованием.

Проекты преобразования системы государственного управления продолжали разрабатываться в правительственных верхах на протяжении второй половины XIX столетия. Особое место среди них занимали проекты создания правительственного кабинета и центрального представительного учреждения. Они неоднократно становились предметом научного исследования и были подвергнуты анализу в работах выдающихся отечественных историков — Ю.В. Готье, П.А. Зайончковского, С.Н. Валка, В.Г. Чернухи. Наряду с попытками усовершенствовать государственное устройство предлагались меры, направленные на активизацию работы государственного аппарата, модернизацию управленческого механизма.

На появление и содержание подобных проектов оказывал влияние целый ряд факторов. Очередная смена монарха всегда сопровождалась надеждами на наступление перемен. Воцарение Александра II, помимо этого, совпало с поражением в Крымской войне, явившимся своеобразной «шоковой терапией» для российского общества. Эти два обстоятельства обусловили всплеск общественно-политической активности, выразившийся, в том числе, и в большом количестве записок, направленных императору во второй половине 1850-х годов.

Необходимость проведения целого комплекса реформ в разных сферах жизни общества в начале 1860-х гг. поставила перед властью вопрос о разработке правительственной программы. Эта задача возлагалась, в первую очередь, на Министерство внутренних дел, выполнявшее в тот период самые широкие функции. Ответом стали всеподданнейшие записки главы ведомства П.А. Валуева, созданные в 1861—1862 годах ³.

Первая половина 1860-х гг. явилась временем активного законотворчества, когда в правительственных кругах разрабатывался целый спектр преобразований: крестьянская, земская, судебная, школьная, церковная, полицейская реформы. При этом центральные органы государственного управления не претерпели изменений, в структуру

аппарата власти лишь добавлялись экстраординарные элементы. Наряду с Государственным советом и Комитетом министров действовали Совет министров, как особое совещание при императоре ⁴, и Главный комитет об устройстве сельского состояния, соединявший законодательную, исполнительную и судебную ветви власти ⁵. Принципы работы государственного механизма оставались прежними, дореформенными, и нередко вступали в противоречие с новыми общественно-политическими тенденциями, развивавшимися при проведении великих реформ. Проявилось несоответствие действий администрации, в первую очередь местной, губернаторов, деятельности земств. Как отмечалось в прессе, «внесение новых начал в наше провинциальное управление и в суд неизбежно должно было обнаружить обветшалость многих частей управления, созданных первоначально для того, чтобы служить органами совсем иных начал...» ⁶ В некоторых случаях император с удивлением узнавал, что утвержденные им законы ограничивают действие его же указов. Так, Александр II в январе 1867 г. не смог отправить в отставку оппозиционного сенатора М.Н. Любощинского, поскольку судебная реформа ввела принцип несменяемости сенаторов ⁷.

Умножившееся после реформ количество законодательных актов давало возможность ведомствам использовать их в своих интересах, ссылаясь, в зависимости от ситуации, на старые или новые законы. Это часто приводило к межведомственным разногласиям. Нередко сталкивались интересы военного и финансового ведомств. 5 октября 1866 г. в Соединенных департаментах государственной экономии и законов Госсовета обсуждался вопрос, в каком объеме в Государственном совете должны рассматриваться дела, касающиеся Военного министерства. Поводом послужило представление военного министра Д.А. Милютина в департамент государственной экономии о возмещении частному лицу, отставному коллежскому секретарю Герасимову, расходов за взятые у него во время Крымской войны материалы ⁸. Департамент отказал в возмещении расходов, так как они оказались сверхсметными и по новым сметным правилам 1862 г. должны были сначала утверждаться Государственным советом. Военный министр не согласился с этим решением, поскольку «Военный совет в действиях своих подчинен непосредственно Верховной власти и никакое правительственное место, или лицо Совету предписаний не дает и отчета от него требовать не может» ⁹. Пересмотр дела должен был состояться в Госсовете, но это не устраивало Милютина, опасавшегося, что административное решение будет не в пользу Военного министерства. Военный министр надеялся, что если Герасимов подаст гражданский иск на решение Госсовета, то сможет выиграть дело. Ссылаясь на новые Судебные уставы, Милютин объяснял, что «допущение рассмотрения претензий частных лиц на казну... в Департаменте государственной экономии, двояко нарушило бы основания гражданского судопроизводства: во-первых, сделало бы из сего департамента новую судебную инстанцию, и во-вторых, лишило бы частных лиц, имеющих претензию на казну, возможности разобратся с казною судебным порядком, в полном его объеме» ¹⁰. Делопроизводство затянулось, и окончательное решение было принято Соединенными департаментами государственной экономии и законов спу-

стя пять месяцев — 11 марта 1867 года. За Военным советом оставалось право определения расходов, правда, по согласованию с министром финансов. Государственный совет не должен был рассматривать дела, подлежащие гражданскому судопроизводству ¹¹.

Дело о возмещении расходов — один из эпизодов противостояния двух ведомств — военного и финансового в 1866—1867 годах. К 1866 г. российская казна оказалась истощена последствиями Крымской войны и польского восстания 1863—1866 гг., помещичье хозяйство после потери даровой рабочей силы приходило в упадок. На 1867 г. ожидался бюджетный дефицит в размере около 73 млн руб., при этом размер сверхсметных кредитов с 1863 по 1866 г. включительно доходил до 96 381 000 рублей ¹². Эти экстремальные обстоятельства привели к разработке долгосрочной программы экономического и финансового развития страны, изложенной во всеподданнейшей записке министра финансов М.Х. Рейтерна. Финансовый кризис поставил вопрос о смене главы министерства, так что Рейтерну необходимо было доказать свою состоятельность как руководителя и сохранить министерское кресло. Программная записка Рейтерна была опубликована его биографами ¹³, вошла в сборник документов ¹⁴, а также стала предметом специального научного исследования ¹⁵. Министр сформулировал главные экономические задачи России: интенсивное железнодорожное строительство, усиление внешней и внутренней торговли, широкое привлечение иностранного капитала, ликвидация дефицитности бюджета ¹⁶. Добиться бездефицитного бюджета Рейтерн планировал путем пересмотра расходов на систему государственного управления в сторону их сокращения.

Предлагались и другие меры государственной экономии. Так, государственный контролер В.А. Татаринов в отчете за 1865 г. предлагал «обсуждение возможности упразднения в этих целях учреждений, утративших свое значение, вследствие совершившихся за последнее время преобразований» ¹⁷.

Программа министра финансов была в целом одобрена на заседании Совета министров 6 октября 1866 г., где главным вопросом повестки дня стало сокращение министерских смет. Рейтерну оппонировали Валуев, противопоставлявший политике сокращения расходов меры по привлечению в бюджет доходов ¹⁸, и военный министр, отстаивавший право своего ведомства на расходы, необходимые для перевооружения армии и перехода на новый принцип ее комплектования. Распоряжение императора о представлении всеми министрами предложений по сокращению ведомственных расходов не поставило точку в этой дискуссии. В воспоминаниях Милютина подробно описаны предпринятые им действия по сохранению исключительного положения Военного министерства ¹⁹. Поддержку ему оказал лишь Валуев, который, помимо «сочувствия» военным расходам, выступал против «разъединения неразъединимых государственных вопросов» ²⁰.

Ощущение разлада и необходимость единства в сфере управления в это время снова становится лейтмотивом записок, количество которых во второй половине 1860-х гг. резко возрастает. Эту тему как идею эссе Валуев предложил уходящему в отставку со службы директора Департамента полиции исполнителю Д.Н. Толстому. В 1896 г.

в «Русском архиве» была опубликована записка, обнаруженная И.С. Листовским среди бумаг министра и адресованная Толстому:

«Мы с Вами расстаемся. На прощанье черкните несколько строк. Вы *одни* в министерстве имеете к тому горизонт...

Тема следующая:

Что и кто теперь Россия?

Все сословия разъединены. Все законы в переделке. Все основы в движении.

Полцарства в исключительном положении. Меры строгости преобладают. Оппозиция и недоверие везде, где есть способность их высказывать. Трехсотголовое земство колеблется и готово прежде всего порицать правительство, а потом ему противодействовать.

Один Государь теперь Россия. Ему предстоит быть *нравственным собирателем* земли Русския, как Калита был ее материальным собирателем.

Солнце царское тепло озарило доли 19 февраля. Теперь нужно осветить и пригреть вершины и окраины.

29 октября (1863)»²¹.

Ответная записка Толстого была выявлена И.Е. Дроновым в ГАРФ (ф. 652, оп. 1, д. 296, л. 1—1об.)²² Дронов отнес записку к авторству графа Д.А. Толстого. Однако ни стиль, ни высказанные в записке положения не могли принадлежать обер-прокурору Св. Синода.

Автор записки поднимает проблему «отсутствия единства», от решения которой зависит ответ на вопрос «кто и что теперь Россия». По мнению Д.Н. Толстого единство страны обеспечивается фигурой государя, чья миссия состоит в сохранении целостности государства. Основной центростремительного движения должно стать возвращение дворянству утраченного им в ходе отмены крепостного права положения.

Судя по сопроводительному письму С.А. Панчулидзева²³, записка составлена как ответ на тему, заданную во время игры в секреты в 1865 г. на одном из вечеров у министра внутренних дел. Игра была популярным салонным развлечением XIX столетия и состояла в умении остроумно ответить на заданный ведущим вопрос или развить предложенные фразы. Очевидно, Валуев много размышлял над этими вопросами, зафиксировав в дневнике 29 октября 1865 г. пересказ основных мыслей Д.Н. Толстого, которые он разделял²⁴. Министр, как и его подчиненный, полагал, что задачей Александра II является укрепление единства империи, ее центра и окраин, дворянства и монархии, то есть решение национального и дворянского вопросов.

Покушение 4 апреля 1866 г. продемонстрировало правительственным кругам всю остроту внутривластного кризиса. Выход из него Александр II видел, в первую очередь, в кадровых перестановках с тем, чтобы усилить в правительстве позиции консерваторов. 13 мая последовал высочайший рескрипт на имя председателя Комитета министров кн. П.П. Гагарина, призывавший государственных служащих к «точному и деятельному исполнению своих обязанностей» для «обеспечения единства в действиях Правительства». «Все начальствующие должны наблюдать за действиями своих подчиненных и требовать от них того прямого, точного и неуклонного исполнения предписанных им обязанностей, без которого невозможен стройный ход управления»²⁵. Спустя несколько дней после покушения, были от-

правлены в отставку начальник III Отделения СЕИВК В.А. Долгоруков и министр народного просвещения А.В. Головнин, а на их места назначены соответственно П.А. Шувалов и Д.А. Толстой. В этот период вокруг Шувалова, поставленного в апреле 1866 г. во главе III отделения, стала формироваться «консервативная партия», позиции которой были позднее укреплены назначением гр. К.И. Палена министром юстиции, А.Е. Тимашева — министром внутренних дел, В.А. (а позже А.П.) Бобринского — министром путей сообщения ²⁶.

Головнин, выйдя в отставку, занялся аналитической деятельностью. Летом 1866 г. он составил «Записку о современном состоянии России», предназначенную для французских государственных деятелей Тьера и Гизо, а потому написанную на французском языке. Оригинал записки хранится в РГИА (ф. 851, оп. 1, д. 6, л. 45—49об.), а перевод был сделан публикаторами воспоминаний министра ²⁷. Как отмечал сам Головнин, он несколько приукрасил внутреннее положение России, но, несмотря на это, в тексте звучит обеспокоенность действиями правительства. Проведение комплекса реформ на территории обширной империи требует «усиленной работы во всех отраслях администрации», работа которой в пореформенные годы носит «несколько лихорадочный характер» ²⁸.

Позднее, уже в марте 1867 г., Головнин более подробно изложил свои предложения по стабилизации ситуации, включив этот очерк в свои воспоминания ²⁹. В нем отчетливо проступает идея необходимости правительственной программы — «общего направления администрации». Ее отсутствие бывший министр объясняет тем, что правительственная администрация занята второстепенными вопросами, поглощена множеством текущих дел и из-за «лихорадочной деятельности» не имеет возможности сосредоточиться на важных вопросах. Из всех современных государственных деятелей Головнин выделяет министра иностранных дел М.А. Горчакова, способного «более широко взглянуть на предмет». В целом же, по его мнению, «направление администрации не соответствует великим реформам» ³⁰; намеченные преобразования могут быть доведены до конца лишь при условии «ясного сознания цели, к которой следует идти, единства в действиях на пути к этой цели» ³¹. Головнин называет и цель — «законность и устранение административного произвола в управлении», и средства ее достижения — гражданские права и свободы, в том числе совести, прозрачность действий правительства и «обнародование» его программ, упразднение III Отделения и отмену перлюстрации. Гарантией достижения цели должно стать преобразование Государственного совета в представительное учреждение (призвание депутатов от земских учреждений) и свобода печати ³². В качестве примера совершенной системы государственного управления Головнин приводит Англию ³³. Он пророчески предупреждает, что отказ от этого пути приведет к росту всеобщего недовольства, потере правительством доверия, финансовой катастрофе и как следствие — политическому перевороту ³⁴.

Бывший министр был несправедлив по отношению к политической элите Российской империи, отрицая наличие человека, способного разработать политическую программу. Возможно, в нем говорила обида сановника, незаслуженно отправленного в отставку и не

успешного реализовать свои планы и амбиции. В это время в правительственных кругах разрабатывалось сразу несколько проектов усовершенствования и государственного устройства, и государственного управления. Был сделан очередной шаг к созданию представительных учреждений, на этот раз его инициатором выступил вел. кн. Константин Николаевич³⁵. В то же время в правительственных верхах возникали проекты комплексных административных преобразований.

В РГИА среди бумаг председателей Государственного совета имеется программная записка — «О преобразовании высших органов государственного управления и министерств»³⁶. Этот пространственный документ (на 121 листе) принадлежит В.П. Буткову, в течение более десяти лет (с 1853 по 1865) занимавшему должность государственного секретаря, а в 1861 г. редактировавшему по поручению Александра II проект учреждения Совета министров, сделанный Валуевым³⁷. В период активного законодательства в начале царствования Александра II Бутков возглавлял различные комиссии, в том числе по подготовке крестьянской реформы, новых Судебных уставов, отмене винных откупов, пересмотру рекрутского устава, преобразованию межевой части, разработке проекта устава об ипотеках. В 1865 г. он был назначен членом Государственного совета и Комитета министров, а в 1869 г. — Комитета заслуженных гражданских чиновников. Как правило, в Государственный совет император отправлял сановников, удаляемых от дел, давая им, таким образом, почетную отставку. От членов Госсовета не требовалось активной деятельности, но, несмотря на это, некоторые из них продолжали заниматься государственными делами. Так, Головнин внимательно изучал поступающие от разных ведомств отчеты и составлял свои заключения. Бутков подготовил подробную программу преобразования всех государственных структур. В этом проекте был собран опыт управленческой деятельности, приобретенный им на разных ступенях служебной карьеры. Записка свидетельствует о глубоком знании практической стороны дела. Она представляет писарскую рукопись в твердом переплете, на первом листе которой указано, что это копия с первой рукописной записки статс-секретаря Буткова, возвращенная из бумаг генерал-адъютанта Потапова 7 сентября 1876 года³⁸. Очевидно, речь идет о А.Л. Потапове, в 1874—1876 гг. управлявшем III Отделением СЕИВК. На обложке переплета проставлена дата — 1867 г., однако ниже чернилами добавлена маргиналия: «Записка составлена после 1.I—1874. См. л. 115». В тексте записки на выделенной странице говорится об издании рескрипта «о том, что дворянские предводители были председателями училищных советов». Действительно, в 1874 г., в ходе реформы образования, предпринятой консервативным министром народного просвещения Толстым, было издано новое «Положение о начальных народных училищах», согласно которому в уездном училищном совете председательствовал уездный предводитель дворянства, а в губернском — губернский предводитель. В записке Буткова упоминается и новое Городовое положение, изданное в 1870 году. Скорее всего, основной текст записки был составлен в 1867 г., после назначения Буткова в Госсовет, а позднее могли быть сделаны дополнения. В пользу этого предположения говорит факт тяжелой болезни бывшего статс-секретаря в конце 1860-х гг., после которой он отошел от дел и скончался в 1881 году.

Современники отзывались о Буткове как об опытном канцеляристе, умело составлявшем документы. Не стала исключением и его записка, педантично разделенная на множество пунктов и подпунктов. Автор начинает с подробного описания структуры и механизма существующей системы государственного управления, перечисляя все ее элементы (не только центральные, но и местные учреждения), их компетенцию и отношения между ними ³⁹. В поле зрения составителя записки попали не только высшие органы власти — Государственный совет, Комитет министров и Правительственный Сенат — но и многочисленные специальные комиссии и комитеты. Далее Бутков переходит к недостаткам существующего в России управления ⁴⁰. Их набралось немало — двадцать пунктов. На первом месте — неоднократно отмечаемые всеми авторами проектов отсутствие единства всех властных структур и единоличная власть начальствующих лиц. Следствием этого является правовой нигилизм администрации («почти полное порицание законов лицами, высокопоставленными в служебной иерархии, утверждавшими, что законы писаны для дураков» ⁴¹) и процветание коррупции, препятствующее развитию страны, в первую очередь, железнодорожному строительству. Причиной коррупции Бутков считает как недостаточно развитую профессиональную подготовку чиновников, так и их мизерные оклады. О чиновничьих окладах этого периода говорилось в работе Зайончковского «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.» Историк процитировал фрагменты сочинения экономиста П.П. Небольсина, познакомившего широкую публику с бюджетами трех несуществующих чиновников ⁴². Несмотря на то, что они не очень велики, в отзывах на статью отмечалось их несоответствие истинному положению дел в сторону завышения. Хорошо известен выход, который нашли небогатые бюрократы — «они все меряют на какой-то особый аршин, да еще ездят на избитом коньке — взятках...» ⁴³ К недостаткам относится и противодействие бюрократии деятельности органов местного самоуправления, к которым перешло хозяйство городов и уездов, что лишило губернских и министерских чиновников «денежных выгод» ⁴⁴.

Если в проектах политической реформы Валуева и вел. кн. Константина Николаевича единство управления устанавливалось преобразованием законодательной ветви власти, то особенностью проекта Буткова являлась административная реформа, состоящая в разделении компетенции судебной и исполнительной властей. Точкой опоры должна быть, как и ранее, монаршая воля. Положение можно исправить, постановив «твердой волей государя императора, что законы Империи должны быть исполняемы свято и ненарушимо», сосредоточив контроль за их соблюдением в Правительствующем Сенате ⁴⁵. Но прежде нужно провести реформу Сената, разделив его на два учреждения: Правительствующий Сенат (где сосредоточится исполнительная власть) и Судебный Сенат — как предлагалось еще в проектах начала XIX века. Проектируя пятьдесят статей нового учреждения Сената, Бутков подробно описывает, какие изменения произойдут в структуре этого органа власти, каковы будут компетенции его новых частей, а также прокурорского надзора, которому отводится важная роль, и реформированного Министерства юстиции, передавшего часть своих функций Судебному Сенату ⁴⁶.

Переходя к реформированию деятельности министерств, Бутков не покушается на деятельность Государственного совета, Комитета и Совета министров, комитетов Кавказского и по делам Царства Польского, Комиссии прошений — они в неизменном виде остаются основой государственного аппарата. Автор записки подробно останавливается на функциях Комитета призрения заслуженных чиновников, на основании собственного опыта проектируя повышение эффективности его работы путем сокращения расходов⁴⁷. Обходя стороной деятельность Министерства иностранных дел, — как «обязанного действовать по непосредственным указаниям самого Государя» — Бутков пересматривает учреждения всех остальных ведомств, проектируя более четкое разделение их функций и сокращение расходов. Обратив внимание на недостаточную информированность министерств состоянием дел в империи, Бутков придает большое значение развитию статистики. Он предлагает создать Государственную статистическую комиссию, поставив ее на один уровень с министерствами⁴⁸.

Бутков вспоминает о том, что Учреждение министерств вменило в обязанность министрам разрабатывать и представлять ведомственную программу — план действий на год — и давать отчет о его исполнении. Отчеты должны обсуждаться в Совете министра, а копии предоставляться в Правительствующий Сенат⁴⁹.

Оценивая деятельность губернской администрации, Бутков видит способ борьбы с ее злоупотреблениями в увеличении содержания губернаторов и установлении системы строгой отчетности. Ежемесячные (а в конце года — сводный годовой) отчеты губернаторов должны поступать к императору, которые по своему усмотрению передает их на заключение в Правительствующий Сенат, от которого зависит, получит ли «хозяин губернии» награду от императора⁵⁰.

В отношении местного самоуправления Бутков проектирует такой же контроль со стороны Сената, как и в отношении губернской администрации, устанавливая для городских и земских управ единые правила делопроизводства и административную ответственность выборных лиц за неисполнение ими своих обязанностей⁵¹.

Изменения касаются и Святейшего Синода, который попадает под контроль прокурорского надзора, что делает ненужной должность обер-прокурора Св. Синода.

Все эти разработки Бутков предлагал обсудить во временном присутствии реформируемого Сената. На случай благоприятного решения он заготовил текст высочайшего указа Правительствующему Сенату о начале преобразований, которым и заканчивается его записка⁵².

Мысль о разделении Сената на две структуры — административную и судебную — прозвучала еще в начале XIX в. в записках Д.А. Гурьева и М.М. Сперанского. Во второй половине 1860-х гг. она нашла поддержку в проекте Буткова и не только. Одна из причин большого количества проектов преобразования Сената заключалась в том, что все высшие органы власти имели свои «Учреждения», определявшие их компетенцию, но Учреждение Сената не составлялось специально, а «было создано кодификационным образом» как компиляция из законодательных актов, разработанных за 122 года существования этого органа власти и собранных при издании Свода зако-

нов⁵³. При подготовке судебной реформы на рубеже 1850-х — 1860-х гг. смешение в Сенате административных и судебных функций стало причиной дискуссии, развернувшейся вокруг проектов его преобразования не только в правительственных кругах, но и в печати.

Эти планы были систематизированы при издании истории Сената за двести лет⁵⁴. Составители начали с проекта Д.Н. Блудова с заключением В.Н. Панина, рассматривавшегося в Государственном совете в 1857—1860 гг. при обсуждении уставов гражданского и судебного судопроизводства. Блудов предлагал преобразовать Сенат в кассационный суд, против чего возражал министр юстиции⁵⁵.

При составлении Судебных уставов среди разработчиков неоднократно возникали мысли о разделении Сената на два независимых учреждения. Эта идея также вызвала критику. Так, выдающийся юрист А.П. Градовский в сочинении «Начала русского государственного права» указывал на необходимость сохранить единый Сенат как орган административной юстиции — именно в целях единства государственного управления⁵⁶. В дискуссии принял участие и профессор Московского университета К.П. Победоносцев, преподававший в это время право наследнику престола вел. кн. Николаю Александровичу. В 1861—1862 гг. в Государственную канцелярию поступили две его записки — «Предварительные замечания о плане и о главных основаниях устава о судоустройстве» и «О гражданском судопроизводстве», вошедшие в семнадцатый том «Материалов по судебному преобразованию 1864 г.»⁵⁷ Победоносцев предложил компромиссный вариант — Сенат остается единым, но состоящим из двух департаментов. Первый занимается административными делами, второй — судебными. Единство между ними устанавливается общим собранием, созываемым один раз в месяц. За учреждением сохраняется прежнее название, но занимается оно в основном кассационными делами. Особую роль Победоносцев отводил подготовке профессиональных юристов, призванной обеспечить соответствующий уровень состава сенаторов. Об «огромной потребности в лицах, специально подготовленных к службе по судебной части», докладывал в отчете за 1866 г. министр юстиции Д.Н. Замятин. Эта жизненно важная проблема в 1860-е гг. была решена появлением новых учебных заведений, юридических отделений и классов.

Судебная реформа 1864 г. не затронула коренным образом структуру Сената, что послужило поводом для разработки нового проекта министром юстиции Замятниным в 1865 году. Содержание документа, предыстория и развернувшаяся вокруг него дискуссия подробно освещены в монографии Е.А. Правилковой⁵⁸. Он предлагал передать часть дел из Комитета министров в ведение Сената с тем, чтобы усилить контроль над деятельностью министров. Ту же цель преследовал и проект Буткова. По мысли Замятина, законопроекты должны были сначала вноситься в Сенат и уже после заключения сенаторов поступать в Госсовет. Таким образом, Сенат приобретал компетенцию законосовещательного органа. Эти предложения встретили решительные возражения в Комитете министров. Милютин, например, считал такое преобразование слишком кардинальным, поскольку оно подвергнет пересмотру весь «государственный строй»⁵⁹.

В проекте Буткова звучит еще одна злободневная тема — о взаимоотношениях местной администрации и местных органов самоуп-

равления. Автор достаточно лоялен по отношению к последним, предлагая лишь штрафовать депутатов земств и дум за неисполнение ими своих обязанностей и унифицировать правила делопроизводства органов местного самоуправления. Во второй половине 1860-х гг. рассматривались более жесткие меры. Оппозиционные выступления земских собраний и их стремление к созданию центрального представительного учреждения вызвали ответное противодействие власти. В январе 1867 г. Валуев разработал свой проект мер, призванных поставить земство под контроль администрации⁶⁰. Он предлагал ввести в земские губернские собрания «видного представителя местной администрации». Этот проект обсуждался в Совете министров 12 января 1867 г. и не был принят «по соображениям осторожности», из опасения вызвать еще большее недовольство⁶¹. На проект административной реформы откликнулась пресса — редактор журнала «Вестник Европы» М.М. Стасюлевич посвятил его разбору раздел «Внутреннее обозрение»⁶². Не отрицая необходимость реформы с целью устранить противоречия в деятельности представительных и административных органов, автор предлагает не централизацию (подчинение земств губернаторам), а децентрализацию (разграничение компетенций). Именно она должна обеспечить единство управления. В деятельность губернского правления, по мнению автора статьи, необходимо внести коллегиальное начало, создав вместо губернского правления совет губернии — «независимую коллегия для обсуждения общих по губернии дел», допустив в нее «с совещательным голосом представителей земства»⁶³. Однако самодержавная власть избрала путь, намеченный антиземской запиской Валуева, проведя уже в следующее царствование земскую контрреформу.

Проект Буткова содержит идеи, не утратившие своей актуальности и в настоящее время. Во-первых, в нем отмечена роль статистики. В настоящее время Росстат — Федеральная служба государственной статистики — является разветвленной структурой. Во-вторых, постоянной проблемой остается борьба с коррупцией, в ходе которой испробован метод «кнута и пряника»: с одной стороны, неуклонно ужесточается ответственность за коррупционную деятельность, с другой — в целях борьбы с искушениями чиновников повышаются их должностные оклады. Однако историческая практика показывает, что административных мер недостаточно, поэтому сегодня власть привлекает и другие ресурсы — образование, социальную рекламу, институты гражданского общества. В-третьих, Бутков обратил внимание на местное самоуправление, но, признавая его необходимость, он пошел испытанным для российского самодержавия путем — попытался поставить его под контроль администрации.

Масштабные изменения требовали больших финансовых вложений. К тому же проект, не предлагая перемен в системе государственного устройства, не менял механизма власти, единство которой по-прежнему обеспечивалось фигурой императора. Для усиления административного контроля достаточно было росчерка его пера, что избавляло от необходимости системных преобразований. Поэтому, несмотря на справедливость всех критических замечаний, дальше признания существующих недостатков (о чем свидетельствуют многочисленные подчеркивания в тексте записки) правительственные круги не пошли.

Мог ли проект Буткова искоренить недостатки российской системы государственного управления? Преобразовательные планы XIX столетия развивались по двум направлениям — политическая реформа, предусматривавшая контроль за деятельностью бюрократического аппарата со стороны представительных органов, либо усиление административного надзора, все нити которого сходились в руках самодержца. Как показывает исторический опыт, наведение порядка в государственных структурах путем ужесточения контроля со стороны высшего руководства имело лишь временный эффект. Сложный управленческий аппарат неминуемо выходил из-под власти такого правителя-автократа, возвращаясь к старым правилам игры. Поэтому российская система управления на протяжении всего XIX, а также XX столетия ходила по кругу, наступая на одни и те же «грабли» канцелярской волокиты, коррупции и сверхцентрализации. Проект Буткова в случае его реализации оказался бы паллиативным средством, а не панацеей.

Примечания

1. Общее учреждение министерств 25 июня 1811 г. В кн.: Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. М. 2007, с. 46—71.
2. Подробнее см.: ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.-Л. 1957; Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М. 2006, с. 183—232.
3. Подробнее см.: ЧЕРНУХА В.Г. Программная записка министра внутренних дел П.А. Валуева от 22 сентября 1861 г. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 7. Л. 1976, с. 210—220.
4. Подробнее о Совете министров в царствование Александра II см. работы В.Г. ЧЕРНУХИ: Совет министров в 1857—1861 гг. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 5. Л. 1973, с. 120—137; Конституирование Совета министров (1861 г.). Там же. Т. 8. Л. 1976, с. 164—184; Совет министров в 1861—1882 гг. Там же. Т. 9. Л. 1978, с. 90—117.
5. ЧЕРНУХА В.Г. Из истории государственных учреждений: Главный комитет об устройстве сельского состояния. 1861—1882 гг. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 13. Л. 1982, с. 223—249.
6. Вестник Европы. 1870, т. III, май, с. 375.
7. ЧЕРНУХА В.Г. Великие реформы. Попытка преодоления кризиса. В кн.: Власть и реформы, с. 265.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА), Коллекция печатных записок, п/з № 39.
9. Об отношении Государственного совета к Военному совету. РГИА, Коллекция печатных записок, п/з № 39, с. 2.
10. Там же, с. 4.
11. Государственный совет в Соединенных департаментах Государственной экономики и законов. 11 марта 1867 г., № 176. РГИА, Коллекция печатных записок, п/з № 39.
12. Доклады и журналы Высочайше учрежденной Особой высшей комиссии для изыскания способов к сокращению государственных расходов. 1879—1881. РГИА, ф. 1214, оп. 1, д. 26, л. 63.
13. КУЛОМЗИН А.Н., РЕЙТЕРН-НОЛЬКЕН В.Г. М.Х. Рейтерн. Биографический очерк. СПб. 1910, с. 138—157.
14. Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX — начале XX вв. Документы и мемуары государственных деятелей. СПб. 2007, с. 139—187.
15. ЧЕРНУХА В.Г. Программная записка М.Х. Рейтерна (сентябрь 1866 г.). В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 10. Л. 1978, с. 269—284.

16. Там же, с. 277.
17. РГИА, ф. 1214, оп. 1, д. 26, л. 65об.—66.
18. ЧЕРНУХА В.Г. Государственный деятель 1860-х: Пётр Александрович Валуев (1814—1890 гг.) — Из глубины времен. СПб. 1994, № 3, с. 103.
19. МИЛЮТИН Д.А. Воспоминания. 1865—1867. М. 2005, с. 393—440.
20. Там же, с. 440.
21. П.А. Валуев графу Д.Н. Толстому. — Русский архив. 1896, кн. 3, № 9—12, с. 640.
22. «Кто и что теперь Россия?». Публикация И.Е. Дронова. — Вопросы истории. 2012, № 8, с. 75—82.
23. Там же, с. 75.
24. ВАЛУЕВ П.А. Дневник. Т. II. М. 1961, с. 74—75.
25. Полное собрание законов. Собрание второе (1825—1881), т. 41, ч. 1, № 43 298, с. 547—549.
26. ЧЕРНУХА В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л. 1978, с. 73.
27. ГОЛОВНИН А.В. Записки для немногих. СПб. 2004, с. 386—390.
28. Там же, с. 390.
29. Там же, с. 411—427.
30. Там же, с. 411.
31. Там же, с. 419.
32. Там же, с. 420.
33. Там же, с. 426—427.
34. Там же, с. 419.
35. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 1. М. 1966, с. 61—64.
36. РГИА, ф. 1250 (Бумаги председателей Государственного совета), оп. 2, д. 73.
37. Подробнее см.: ЧЕРНУХА В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л. 1978, с. 167—168.
38. РГИА, ф. 1250, оп. 2, д. 73, л. 1а.
39. Там же, л. 16—18.
40. Там же, л. 18—28.
41. Там же, л. 19.
42. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. 1978, с. 80—83.
43. Там же, с. 82.
44. РГИА, ф. 1250, оп. 2, д. 73, л. 23—23об.
45. Там же, л. 28—28об.
46. Там же, л. 28—50об.
47. Там же, л. 54—57об.
48. Там же, л. 62—64об.
49. Там же, л. 110об.—112.
50. Там же, л. 90—101.
51. Там же, л. 106—107об.
52. Там же, л. 117—121.
53. Проекты реформы Правительствующего Сената во второй половине XIX столетия. В кн.: История Правительствующего Сената за двести лет. 1711—1911 гг. Т. 4. СПб. 1911, с. 456—457.
54. Там же, с. 454—494.
55. Там же, с. 463—465.
56. Там же, с. 466—467.
57. Там же, с. 467—473.
58. ПРАВИЛОВА Е.А. Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX в. — октябрь 1917 г.). СПб. 2000, с. 63—80.
59. История Правительствующего Сената за двести лет, т. 4, с. 475—478.
60. Подобнее см.: Записка П.А. Валуева Александру II о земских учреждениях (январь 1867 года). — Советские архивы. 1971, № 3, с. 79—87.
61. Там же, с. 79—80.
62. Вестник Европы. 1870, т. III, май, с. 374—381.
63. Там же, с. 381.

Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон

Н.В. Башнин

Аннотация. В статье рассмотрена биография архиепископа Вологодского и Белозерского Симона. Его церковная карьера связана с покровительством архимандрита Чудова монастыря, а затем митрополита Сарского и Подонского Павла. Симон сначала был известен как игумен Александро-Сивирского монастыря (1659—1664), а затем он был возведен на Вологодскую кафедру, на которой пребывал с 1664 по 1684 год. Симон участвовал в соборе 1666—1667 гг., в результате которого патриарх Никон был лишен сана и сослан в Ферапонтов монастырь. При архиепископе Симоне в Вологде строился каменный комплекс архиерейской резиденции. Симон собрал большую библиотеку, значительные суммы денег он жертвовал для оплаты долгов крестьян, давал милостыню и построил богадельню. Скончался Симон на покое в Спасо-Прилуцком монастыре.

Ключевые слова: патриарх Никон, царь Алексей Михайлович, архиепископ Вологодский и Белозерский Симон, Русский Север.

Abstract. The article deals with biography of the archbishop of Vologda and Belozersk Simon. His ecclesiastical career developed under protection of the Archimandrite of Chudov monastery, and then Metropolitan Bishop Sarskii and Podonskii Pavel. Simon first became known as abbot of the Alexandro-Sivirskii monastery (1659—1664), and later he was appointed on position of the Archbishop of Vologda, the post which he held from 1664 to 1684. Simon was one of the participants of the Council (1666—1667), where Patriarch Nikon was defrocked and where the decision on Nikon exile to the Ferapontov monastery was made. Archbishop Simon built in Vologda the stone complex of the bishop's residence. He collected large library, donated significant sums to pay debts of peasants, as well as he gave alms and built hospital. Simon died in retirement in the Spaso-Prilytskii monastery as an ordinary monk.

Key words: Patriarch Nikon, Tsar Alexei Mikhailovich, Archbishop of Vologda and Belozersk Simon, Russian North.

Политическая и церковная жизнь в России в конце 50—60-х гг. XVII в. ознаменовалась противостоянием царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, биографии которых хорошо известны¹. Однако были и другие участники этого столкновения. Среди них выделяется яркая

Башнин Никита Викторович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. E-mail: nvbashnin@gmail.com.

Bashnin Nikita V. — Ph. D. (History), scientist of St. Petersburg institute of History RAS. E-mail: nvbashnin@gmail.com.

личность игумена Александрo-Свирского монастыря, а затем архиепископа Вологодского и Белозерского Симона.

Материалы к биографии этого человека впервые были собраны епископом Евгением (Болховитиновым), а в 1865 г. их опубликовал ² и дополнил рядом документов Н.И. Суворов ³. А. Никольский в небольшой статье суммировал сведения о Симоне ⁴. После этого к биографии архиепископа долгое время не обращались. Лишь в 1970-х гг. описание книжного собрания вологодского архиерея привлекло внимание Ж.Ф. Коноваловой ⁵.

Документальные материалы XVII в. не всегда дают возможность полностью и последовательно восстановить биографии даже выдающихся людей. Именно поэтому при исследовании личности архиепископа Симона в основу был положен тематический, а не хронологический принцип. Создать яркий и всесторонний портрет архиерея затруднительно, но все же есть возможность показать характер этого человека, а также окружавших его людей и их быт.

О времени и месте рождения архиепископа Симона (светское имя неизвестно) данных нет. Наиболее ранние сведения о нем относятся к 1650-м гг. и связаны с Чудовым монастырем и Свирскими обителями. Коновалова на основании записи 1679 г. в книге Иосифа Волоцкого «Просветитель» высказала предположение, что Симон принял постриг в Свирском Ильинском монастыре ⁶. Однако, судя по завещанию, составленному архиепископом в сентябре 1681 г., он был казначеем в Чудовом и Александрo-Свирском монастырях ⁷. Таким образом, точное место и время принятия монашества неизвестно.

Можно предложить два варианта развития событий. Симон был жителем Новгородской земли и принял постриг в Свирском Ильинском монастыре, откуда отправился в Москву и стал казначеем Чудова монастыря, из которого вернулся в Александрo-Свирский монастырь. Но более вероятной представляется другая ситуация. Симон был москвичом, принял постриг в одном из столичных монастырей и уже монахом пришел на Свирь и сначала жил в Ильинском монастыре, а потом в Александрo-Свирском. Косвенным подтверждением последней версии являются сведения о вкладах Симона в Чудов монастырь: 10 руб. в 1658—1659 гг. и 20 руб. в 1660—1661 годах ⁸.

Такой выбор обители для жертвования немаленьких денежных сумм для инока, принявшего постриг в небольшом затерянном в Олонецком уезде монастыре, выглядит необычным. Последующий стремительный карьерный рост также трудно объясним для рядового монаха. Немаловажен и еще один факт — Симон был образован, отличался широким кругозором, имел личную библиотеку и сам переписывал книги, а это говорит о полученном в юности хорошем образовании, видимо, в Москве. Со столичным Чудовым монастырем и его насельниками Вологодский владыка поддерживал связь в течение последующих лет жизни. Так, в 1667 г. перед отъездом из Москвы он 300 золотых «одинаких» оставил в казне Чудова монастыря ⁹, в 1671 г. переписывался с архимандритом Чудова монастыря Иоакимом (Савёловым), бывшим келарем Новоспасского монастыря и будущим патриархом Московским. На основании приведенных фактов можно заключить, что причиной ухода Симона из Москвы в Свирские монастыри в 1650-х гг. мог быть конфликт в церковной

среде. Может быть, на это и намекал опальный патриарх Никон в 1674 г. в гневном письме к архиепископу Симону: «Забыл еси то, как ты в Александрове монастыре на кобыле пахивал, а ныне...»¹⁰

Суворов предположил, что Симон происходил из Сибири, поскольку в бумагах Вологодского архиерейского дома был найден отрывок отписки Вологодского владыки к митрополиту Сибирскому и Тобольскому Корнилию, содержащий сведения об отце архиепископа¹¹. Из этого документа становится известно, что в г. Томске у церкви Пресвятой Троицы находится могила отца Симона — иеромонаха Савватия. Голова Кузнецкого острога Макарий Яковлев сын Колмогоров, приехав в Вологду, рассказал архиепископу, что та церковь построена на песке, «стоит без пения» и рядом «место осыпается и гробы являются на верх земли». Архиепископ Симон, узнав об этом, просил сибирского иерарха, чтобы тот приказал игумену Алексеевского монастыря (вероятно, Варлааму¹²) перенести гроб иеромонаха Савватия к себе в обитель и «скутать в землю по обычаю»¹³.

С предположением Суворова согласиться нельзя, поскольку вышеприведенные факты свидетельствуют о связи Симона с европейской частью России. А отец иерарха, священник, который овдовев, стал иеромонахом Савватием, наверняка был отправлен или ушел в Сибирь, так как там не хватало церковнослужителей¹⁴. Сама формулировка фразы в отписке Сибирскому владыке указывает на то, что г. Томск не был родным для отца Симона: «...отец мой родной иеромонах Саватий судом Божиим скончался в Томском городе».

Обратим внимание на стремительный карьерный рост Симона. Очевидно, что перелом в его судьбе произошел после ухода с патриаршества Никона в 1658 году. Вскоре Симон побывал в Москве, сделал вклады в Чудов монастырь, затем стал игуменом Свирской обители, а потом и архиепископом Вологодским и Белозерским. Очевидно, что все это было неслучайно.

Согласно П.М. Строеву, Симон возглавлял Александро-Свирский монастырь в 1660—1664 годах¹⁵. Время пребывания Симона в должности игумена этой обители можно уточнить. Предыдущий игумен Савватий скончался, вероятно, в августе-сентябре 1659 г., поскольку 21 сентября в расходной книге находим запись о тратах на заупокойную службу: «...дано по игумене Саватии псалтырных денег сорок алтын»¹⁶. Осенью 1659 г. настоятелем Свирского монастыря стал Симон, после чего он был срочно вызван Москву.

Вспомним, что 10 июля 1658 г. Никон оставил патриарший престол, и в столице размышляли, как быть дальше. В начале 1660 г. царь Алексей Михайлович велел созвать духовный собор и выяснить, каким образом Никон оставил патриаршество и как следует поступать в таких случаях. Для участия в этом соборе был приглашен новопоставленный игумен Свирского монастыря — Симон. 27 февраля 1660 г. ему вместе с другими видными церковными иерархами было поручено сделать выписки из соборных правил о том, что надлежит делать, когда патриарх самовольно оставил престол: «У выписки указал великий государь быть преосвященному Маркелу Вологодскому и Белоозерскому, и преосвященному архиепископу Илариону Рязанскому и Муромскому, преосвященному Макарию архиепископу Псков-

скому и Изборскому, Чюдова монастыря архимандриту Павлу, Александрова монастыря Свирского игумну Симану»¹⁷.

Возникает вопрос, почему в таком ответственном деле выбор пал на игумена отдаленного новгородского монастыря, ведь в Российском государстве того времени были сотни монастырей? Как было отмечено, Симон незадолго до этого побывал в Москве и посетил Чудов монастырь, где архимандритом был Павел (затем митрополит Сарский и Подонский)¹⁸. Вероятно, именно он и пригласил свирского игумена в Москву и, как будет видно из дальнейшего изложения материала, два иерарха потом поддерживали отношения долгие годы. Итогом работы Освященного собора 1660 г. стало подписание 14 августа соборного «деяния» о праве царя с иерархами Российской церкви избрать и поставить нового патриарха. Этот документ подписали 16 русских и греческих митрополитов, архиепископов и епископов, 41 архимандрит и игумен, в том числе свирский настоятель Симон¹⁹.

На Свирь игумен Симон вернулся после завершения собора 1660 года. По крайней мере, перепись монастырского имущества на него была произведена только 16 сентября 1660 года. Показательно, что распоряжение о контроле исходило от царя Алексея Михайловича. В Александро-Свирском монастыре Симон настоятельствовавший недолго, и в сентябре — начале октября 1664 г. он уже был в Москве²⁰. Таким образом, игуменом Александро-Свирского монастыря Симон был с осени 1659 по октябрь 1664 года.

Обратим внимание, что архиепископ Вологодский и Белозерский Маркел скончался 22 марта 1663 г.²¹ и более полутора лет Вологодская кафедра была вдовствующей. Это было обусловлено отсутствием патриарха, а, следовательно, трудностями при поставлении архиерея. Однако было решено, что далее вакантным это место оставаться не может. Согласно ставленной грамоте, Симон был хиротонисан в архиепископа Вологодского и Белозерского из игуменов Александро-Свирского монастыря 23 октября 1664 года²². Поставление было произведено по указу царя Алексея Михайловича в период «меж патриаршества» при участии митрополитов: Ростовского и Ярославского Ионы, Сарского и Подонского Павла, Газского Паисия (Лигарида), Грневского Макария, Амасийского Козьмы, Вершатского Феодосия и архиепископа Погонианского Нектария²³. Присутствие иностранных иерархов при возведении в сан Симона объясняется отсутствием в России правящего патриарха²⁴. Позднее на обороте ставленной грамоты Вологодского владыки появились подтверждения трех патриархов: Иоасафа (ум. 17 февраля 1672 г.), Питирима (ум. 19 апреля 1673 г.), и Иоакима (ум. 17 марта 1690 г.)²⁵.

Показателен эпизод, который произошел при хиротонии. Симон случайно обмолвился и произнес Символ веры по-старому: «рожденна, а не сотворенна». Это возмутило царя Алексея Михайловича: «Не хоте ево царь поставити во архиепископы; озрелся, стоя, на Павла митрополита оного, и с яростию пыхнул, рек: “Ты мне хвалил его; не хочу его аз”. И поиде с места своего...»²⁶ Недавно поставленный митрополит Сарский и Подонский Павел сумел вернуть царя и уверить, что игумен обмолвился. Симон еще раз прочел Символ веры уже по-новому без «аза». Таким образом, роль митрополита Павла в судьбе архиепископа Симона вполне очевидна.

События, связанные с поставлением Симона в архиепископы Вологодские и Белозерские растянулись на несколько недель. 20 октября 1664 г. по указу монарха «выбрали на Вологду всем Освященным собором в архиепископы... игумена Симона», на следующий день «нареченного на Вологду преосвященным архиепископом Симона игумена» патриарший ключарь, дьякон и певчие повели на «домовой архиепископль Московской двор», после чего на подворье состоялась торжественная трапеза с поднесением «нареченному Симону архиепископу» белого хлеба. 24 октября заплатили 16 алтын 4 деньги патриаршему конюшенному старцу, который «водил» под преосвященным Синомом «архиепископля осля». В ноябре происходило оформление ставленной грамоты, на которой писали «буки» и «процвечивали золотом», делали кустодию, покупали атлас для покрытия, и только 28 ноября купили «тканец шелковой с золотом» для прикрепления печати к грамоте. Лишь 9 декабря подьячий объявил Симону, чтобы он «готов был для отпуску на Вологду к великому государю к руке»²⁷.

Только 17 декабря 1664 г. архиепископ Симон и его спутники на 8 подводах выехали из Москвы, а вечером остановились ночевать в селе Братошине (совр. Братовщина; ок. 38 км от Московского кремля). На следующий день путешественники добрались до Троице-Сергиева монастыря, и архиепископ пошел молиться. Во время этой остановки их настиг государев гонец, который сообщил, что Вологодскому владыке надлежит вернуться в столицу. Посылка нарочного от царя к уехавшему архиерею была связана с тем, что 18 декабря 1664 г. в Успенский собор Московского кремля из Новоиерусалимского монастыря неожиданно прибыл опальный патриарх Никон²⁸. Однако в Москве решили, что необходимости возвращать Симона, еще не побывавшего в своей епархии, все же нет, и вскоре прибыл еще один гонец с указанием ехать на Вологду, а к Москве «не ворочаться». Торжественный въезд архиепископа Симона в свою резиденцию состоялся 25 декабря 1664 года²⁹.

Уже 9 января 1665 г. собор святителей отправил к Симону в Вологду грамоту с вопросом о том, как поступить с митрополитом Ростовским и Ярославским Ионой, который принял благословение от Никона. Известно ответное письмо архиепископа Вологодского и Белозерского Симона из Вологды от 20 января 1665 г. к митрополитам Сарскому и Подонскому Павлу, Паисию Газскому, Козьме Амазийскому, Макарию Грневскому, Феодосию Сербскому, архиепископу Погониианскому Нектарию. В нем Симон склоняется к тому, что митрополит Иона виновен в принятии благословения у «бывшего» патриарха Никона: «И аз един сего виновна творить по правилу Карфагенского собора 12-му и судити не ведаю. А иных в писании, скорости ради, не обретох. О сем как вас Дух Святый вразумит, тако да сотворите». Вследствие данного Синомом ответа, 27 января было принято решение об удалении митрополита Ионы с должности блюстителя патриаршего престола³⁰, но окончательный вердикт вынесли на заседании срочно созванного собора.

Архиепископ Симон, прибыв в Москву, 10 февраля 1665 г. подписал соборное определение о запрещении Ростовскому митрополиту быть местоблюстителем патриаршего престола и высылке его в Ростов. Также есть подпись архиепископа Симона под документом

от 28 февраля 1665 г. о снятии церковного отлучения с успенского протопопа Михаила и ключарей Иова и Феодора за принятие благословения от патриарха Никона. 22 марта 1665 г. была составлена грамота о назначении местоблюстителем патриаршего престола митрополита Павла, адресованная архиепископу Симону³¹. Вероятно, он ее получил самолично, поскольку указаний об отсылке нет. Полагаем, что вскоре архиепископ Симон вернулся в Вологду.

В изложенных событиях важную роль опять играл теперь уже митрополит Сарский и Подонский Павел, возведенный в этот сан чуть раньше Симона, — 22 августа 1664 года. При этом в этот же день царь Алексей Михайлович предложил стать архимандритом Чудова монастыря будущему патриарху Иоакиму (Савёлову), который недавно разорвал отношения с Никоном и ушел с должности строителя Новоиерусалимского монастыря. По приглашению Ф.М. Ртищева, Иоаким стал строителем московского Андреевского монастыря в Пленницах. Митрополит Павел и архимандрит Иоаким были близки к царю Алексею Михайловичу и выполняли его поручения. Уже 18—19 декабря 1664 г. они отбыли в Новоиерусалимский монастырь к Никону с задачей вернуть посох свт. Петра, который увез опальный патриарх³².

В 1666 и 1667 гг. состоялся Большой Московский собор, который проходил в два этапа: в апреле-сентябре 1666 г. заседали русское духовенство; в ноябре 1666 — феврале 1667 г. к русским иерархам присоединились греческие³³. В работе собора принимал участие и архиепископ Симон, который прибыл в столицу по указу царя Алексея Михайловича.

Сохранилась приходо-расходная книга «московской езды», согласно которой Вологодский владыка с сопровождающими его людьми отправился на 22 подводах из Вологды в Москву 19 января 1666 г., а в столицу приехал 28 января. Обратного вологодский архиерей отбыл 24 марта 1667 г., а его багаж (ризница, домовый запас, рухлядь) повезли на 11 подводах³⁴. Примечательна подготовка к путешествию: подьяк Дмитрий Стефанов купил «для дорожного пути» порох, пульки в пистолы, «трешот» для чистки пистолей и кремни. Обратного ехали по последнему зимнему пути, и поэтому не обошлось без происшествий. У извозчика Анциферка Никитина в «ростовском озере (Неро. — Н.Б.) ис под ризницы потонула лошадь». Очевидно воз с поклажей удалось спасти, поскольку упоминаний о его потере нет: Вместо утонувшей лошади была нанята другая, а с Анциферка по указу архиепископа денег за найм и недосмотр не вычли. В Вологду путешественники прибыли 1 или 2 апреля, так как, согласно источнику, последний раз «стояли» 1 апреля в Кузнецове (совр. д. Кузнецово Грязовецкого р-на Вологодской обл.; ок. 30 км до Вологодского архиерейского дома)³⁵.

Сведений о том, как выглядели сани, на которых в эти годы путешествовал архиепископ Симон, не найдено. Однако можно предположить, что они не сильно отличались от саней, описанных при передаче имущества от одного конюшенного старца к другому 10 ноября 1696 г.: «Сани архиерейские, сукном зеленым обиты, щит обит сукном вишневым. Две полсти вишневые старые на круги бархатные. Да полсть старая лазоревая на круги кожаные»³⁶. Для летних выездов архиепископа Симона в Москве находилась карета, которую

в мае 1666 г. отремонтировали ³⁷. На основании процитированного выше документа 1690-х гг. можно представить, как выглядели архиерейские кареты и кабины: «Карета большая новая, столбики местами золочены, с окончинами, в ней сукном обито диким, на ней чехол холщевой. Избушка, в ней стамедом зеленым обито... Две избушки высокие, большие красные, в них сукном обито зеленым. Третья избушка путевая старая низкая, в ней сукном обито зеленым». В 1696 г. одна карета, судя по помете на полях, находилась в Москве: «Карета путевая большая, в ней стамедом зеленым обито, в ней образ Всемилоствиваго Спаса, со сторон обложено серебром» ³⁸.

Проживал архиепископ Симон на подворье Вологодского архиерейского дома в Москве, в Китай-городе, в Черкасском переулке, в приходе церкви Космы и Дамиана в Панех ³⁹. О времени появления этого подворья в собственности Вологодского архиерейского дома точных сведений нет. Судя по жалованной данной грамоте земского правительства архиепископу Вологодскому и Великопермскому Сильвестру от 20 февраля 1613 г., это дворовое место принадлежало вологодским иерархам уже в XVI столетии: «...в Китае-городе у Воскресенья Христова в переулке Пречистыя Богородицы старое купленное дворовое место. И Селивестру архиепископу на том месте двор строити и тем местом владети по старым межам, как владел до Московского разоренья» ⁴⁰.

Несколько записей в приходо-расходной книге 1666—1667 гг. свидетельствуют о том, что каменные палаты и кельи во время пребывания архиепископа Симона в Москве приводили в порядок. Были куплены задвижки, скобки, цепочки к дверям, починены печи, поставлены двери и вычищены туалеты («столчаки»), из которых вывезли 28 возов «сора» в Москву-реку ⁴¹.

На подворье Вологодского архиерейского дома стояла каменная церковь Стефана Пермского ⁴². В июне по указу архиепископа Симона в церковь были куплены «две книги Охтаев новые печатные, в переплете, в десть, за обе книги дано пять рублей». Производили в церкви и поновления. Так, вологжанин кузнец Яков Мартынов сковал в церковь Стефана Пермского к местным образам четыре тябла ⁴³.

В то время, когда архиепископ Симон участвовал в церковных и светских мероприятиях, на подворье текла привычная жизнь. Весной для засева огорода покупали рассаду и семена капусты, свеклы и гороха. В августе, сентябре и октябре в огромных количествах закупали яблоки, огурцы и капусту (в тысячах штук и телегами соответственно). Огурцы солили с добавлением мяты и укропа, капусту квасили. Встречаются сведения о покупке груздей для засолки ⁴⁴.

Из напитков и еды, кроме кваса, лука, чеснока, разных видов рыбы и мяса, упоминаются также: бочка водки, «раманея» (виноградное вино) ⁴⁵, «смазуг» ⁴⁶, «здобная ретка», «укрух» (ломоть, кусок хлеба ⁴⁷), «вандыши» (корюшка, снеток или другая мелкая рыба ⁴⁸), «вязига» (спинная струна из позвоночника осетровых рыб ⁴⁹), шафран, икра черная, кишнец «в вино» (кориандр ⁵⁰). По традиции отношения между людьми в XVII в. сопровождались различными дарами, подношением разных кулинарных блюд, продуктов и подразумевали ответные дары ⁵¹. Так, в октябре от царя Алексея Михайловича к архиепископу Симону приходили «с подачею с арбузом двое чело-

век»; упомянуты «палестинские овощи», которые принесли от все-ленских патриархов к Вологодскому владыке на Рождество ⁵².

Любопытны сведения и об одежде. В частности, можно проследить процесс пошива шубы для архиепископа Симона. Сохранились сведения о покупке шкурок песца и бобра. Затем для их выделки купили овсяную муку, «ворваньё сало» и мел. Наконец, скорняку для пошива шубы были куплены нитки ⁵³. Часты упоминания о покупке мыла для стирки одежды, «мытья подьячих стихарей» ⁵⁴.

Вернемся к ходу дел на Московском соборе. Готовясь, к приему восточных патриархов, архиепископ Симон в феврале 1666 г. участвовал в составлении соборного определения и собственноручно написал под ним записку о признании будущих гостей православными, а также принятии греческих книг, по которым они совершают богослужения ⁵⁵. Архиепископ Симон назван среди иерархов, от которых была отправлена грамота 11 марта 1666 г. к астраханскому архиепископу Иосифу о встрече восточных патриархов Паисия и Макария ⁵⁶.

Филарет (Гумилевский) полагал, что на заседании в Чудовом монастыре 12 декабря 1666 г., когда лишали сана патриарха Никона, архиепископ Симон не присутствовал, уклонившись от тяжелого и неприятного события ⁵⁷. Однако, согласно опубликованному 14-му деянию Московского собора, среди архиепископов, присутствовавших при низложении Никона, первым упоминается преосвященный Симон, архиепископ Вологодский. Однако издатель сделал примечание к имени Симона о том, что в рукописи «сбоку приписано “Астраханскому”» ⁵⁸. Поэтому возникает вопрос, присутствовал ли вместо Симона астраханский архиепископ Иосиф (17 марта 1667 г. ставший митрополитом)? ⁵⁹ На данный момент не ясно, есть ли чистовой вариант этого документа и упомянуто ли там имя вологодского архиерея. Наконец, архиепископ Симон назван в настольной грамоте новому патриарху Иоасафу, датируемой маем 1667 года ⁶⁰.

Как известно, после низложения на соборе 1666—1667 гг. опальный патриарх был отправлен в Ферапонтов монастырь Вологодской и Белозерской епархии ⁶¹. Показательно, что «монах» Никон оказался в обители подведомственной именно архиепископу Симону, а не был сослан в Сибирь, Вятку или какой-либо отдаленный новгородский монастырь. В связи с этим выскажем гипотезу о том, что отправка опального патриарха в Ферапонтов монастырь была согласована и обговорена между царем Алексеем Михайловичем, митрополитом Сарским и Подонским Павлов, архимандритом Иоакимом и архиепископом Вологодским и Белозерским Симоном, который и мог предложить это решение.

Никон, находясь в Ферапонтовом монастыре, доставил немало хлопот вологодскому архиерею. Так, в первой половине 1674 г. опальный патриарх пишет челобитную к царю Алексею Михайловичу, в которой жалуется на архиепископа Симона. По сведениям узника, в 1673 г. в белозерские монастыри приезжал вологодский архиерей «для своего бездельного гуляния», «убытки им учинил великие» и забрал лошадь, которая была пожалована Никону. Также архиепископ Симон заинтересовался, почему опальный патриарх не ходит на службы в церковь, и написал об этом в январе 1673 г. приставу С. Шайсупову ⁶². Этим он вызвал гнев Никона, который в челобитной к царю обвинил

его по нескольким пунктам: 1) за освящение нового «каменного града» в Кирилло-Белозерском монастыре архиерей получил лошадь; 2) белозерскими монастырями Вологодский владыка управлять не имеет права; 3) приходские церкви в Белозерском уезде Симон обложил «великими десятинами втрое и вчетверо, и больши», и они от того «вельми оскудели»; 4) на собранные деньги он строит «каменной двор» и палаты ⁶³.

Письмо к архиепископу Симону было еще более резким и обидным (копию Никон приложил к челобитной, адресованной царю). Как упоминалось выше, он напомнил Симону о том, что тот забыл о том, что «на кобыле пахивал», а далее следует оскорбление служителей Вологодского архиерейского дома и насельников Ферапонтова монастыря: «И ныне содомиты полн двор твой, и zde нарицаешь каменные стены церковию: оба полы полны содомитов, горши всякия ереси». Никон заочно считал, что Симон не понимает написанного в Библии: «Мню, яко мало чтеши Священного Писания и разумеши» и, отталкиваясь от этого утверждения, обвинял его и весь Освященный собор («сонмище лукавое») в принятия новой редакции Службеника, напечатанного в ноябре 1667 г. и августе 1668 г. и считал, что нужен новый перевод книги. Далее следовало обличение в неисpravлении богослужения в монастырях и церквях епархии по новым правилам, несоблюдении Симоном постов: «И ты сам, чернец, поста и иных добродетелей... не творишь»; редком посещении церкви; неправильном поведении во время служб: «в церкви стоишь, аки истукан или идол», «книг не чтешь, ни поешь»; взимании с монастырей разных оброков, на которые «строиши церкви и себе полаты неправедным имством»; причислении к Вологодской епархии Белозерских монастырей; желании подчинить город Вологду ⁶⁴. Изложенные обвинения в злоупотреблениях можно опровергнуть: на основании окладных книг видно, что десятина с церковью Белозерского уезда не увеличивалась, строительство на Вологде часто шло за счет «келейных» денег архиепископа, симпатии и пособничества раскольникам со стороны Симона в документах не выявлено.

На заседании Освященного собора 16 мая 1676 г. было решено архимандрита Чудова монастыря Павла отправить в Ферапонотов монастырь, а «монаха» Никона перевести в Кирилло-Белозерский монастырь. Документ об этом был подписан архиепископом Симоном ⁶⁵. Игумен Ферапонтова монастыря Афанасий, а также казначей и житничный старец Иов 8 апреля 1673 г. сделали для стряпчего Кузьмы Абрамовича Лопухина, отправленного по приказу царя Алексея Михайловича, выписки о расходах на содержание Никона. Он узнал об этом и заявил, что расходы завышены, поэтому 17 июня 1676 г. по указу архиепископа Вологодского и Белозерского Симона была проведена опись Ферапонотова монастыря, которая подтвердила слова Никона ⁶⁶. Игумен Афанасий вынужден был извиниться перед Никоном ⁶⁷. После перевода опального патриарха в Кирилло-Белозерский монастырь строитель Исайя, назначенный по указу архиепископа Симона в Ферапонтово, написал челобитную патриарху Иоакиму о передаче монастырю оставшегося от Никона хлеба и овощей. Разрешение на получение монастырем продуктов было получено ⁶⁸.

Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон, митрополит Сарский и Подонский Павел и архимандрит Чудова монастыря Иоаким не только выступили против Никона, но и увещевали раскольников. Так, они участвовали в суде над иноком Авраамием в феврале 1670 года ⁶⁹. Старец Авраамий повествует, что его допрашивали во «вселенских полатах» на первой неделе Великого Поста, а из «властей» были митрополит Павел, архиепископ Симон и архимандрит Иоаким. При этом митрополит Павел и архиепископ Симон обсуждали деятельность Авраамия и обменялись репликами по поводу того, что подсудимый «нарочит» в рассуждениях о Писании. После одного из ответов Авраамия митрополит Павел вспылал и, схватив за бороду Авраамия, несколько раз ударил его, в то время как два других иерарха якобы говорили Крутицкому владыке, чтобы он перестал бить подсудимого ⁷⁰.

Обратим внимание на то, что архимандрит Иоаким 22 декабря 1672 г. был хиротонисан в митрополита Новгородского и Великолуцкого, однако в 1673 г. он все больше времени проводил в Москве при старом и немощном патриархе Питириме (ум. 19 апреля 1673 г.). 26 июля 1674 г. Иоаким был возведен в сан патриарха, при поставлении среди других церковнослужителей присутствовал архиепископ Симон ⁷¹.

Дружественные отношения между церковными иерархами сказывались и на судьбах простых священников. Так, 24 сентября 1673 г. митрополит Сарский и Подонский Павел в «межпатриаршество» выслушал челобитье «безместного» попа Илариона Фёдорова из «Патриарши» епархии Дмитровского уезда и «велел» дать ему отпускную грамоту в епархию архиепископа Симона. К вологодскому архиерею была прислана грамота от имени царя Алексея Михайловича с изложением обстоятельств дела и указанием быть челобитчику в Вологодской епархии, «у которой он церкви место приишет». Согласно помете на обороте грамоты, Иларион Фёдоров был отправлен в Белозерск с разрешением «иерейская действовать» и «крепича до места» ⁷².

В 1670-х — начале 1680-х гг. архиепископ Симон регулярно бывал в Москве и участвовал в заседаниях Освященного собора по различным вопросам. В 1675 г. при его участии было принято решение о неподведомственности духовных лиц светскому суду, распространении архиерейской власти на города и уезды в соответствии с писцовыми книгами, разграничении судебных полномочий и прочих нововведениях ⁷³. В результате исполнения соборного решения 17 декабря 1676 г. от Вологодской епархии отчислили в Ростовскую Пошехонский уезд ⁷⁴, но, согласно окладным книгам, произошло и пополнение Вологодской епархии за счет церквей из Новгородской митрополии и патриаршей области ⁷⁵.

В 1676 г. Вологодский владыка после участия в соборе о переводе Никона в Кирилло-Белозерский монастырь остался в столице и 16 июля 1676 г. присутствовал при венчании на царство Фёдора Алексеевича ⁷⁶. В марте 1678 г. в Москве состоялся собор об отправлении чина в неделю Ваий. Согласно принятому решению, обряд шествия на осляти мог совершать только патриарх в Москве в присутствии царя. Под соборным определением стоит подпись архиепископа Симона ⁷⁷. Позднее, в 1678 г., в Москве происходило заседание Освященного собора о наказании архиепископа Суздальского Стефана. Согласно определению этого собора от 2 июля, архиепископ Стефан был «запре-

щен» и сослан в Новгородский Лисьегорский монастырь. На этом соборе архиепископ Симон уже не присутствовал, однако в январе 1679 г. он получил от патриарха Иоакима грамоту с требованием прислать письменное согласие с решением прошедшего собора о низложении архиепископа Стефана и избрании ему преемника. На это послание Симон ответил, что «за немощью» этого сделать не может и смиренно добавлял, что пусть будет принято решение, какое угодно патриарху: «Твоя архипастырская... воля да буди»⁷⁸.

В 1682 г. Симон участвовал в хиротонии епископа Воронежского Митрофана⁷⁹. В том же году проходил и собор об уничтожении местничества. Сохранилась «тетрадь записная всяким архиепископлим указом московской езды» архиепископа Симона, которая содержит записи за 13 месяцев 1681—1682 годов. В этой рукописи упомянуто более 200 различных документов, прошедших через руки Симона. «Тетрадь» вологодского архиепископа была заведена 11 января 1681 года. Первая запись об указании игумену Галактионовой пустыни Иоакиму о «принятии» предыдущего настоятеля Сергия и предоставлении «кельи, где ему жить», была сделана 12 января 1681 года. В рукописи находим сведения об архиерейских указах за январь-апрель и июнь-декабрь 1681 г., январь и февраль 1682 г., то есть за то время, пока архиепископ жил в Москве. При этом количество записей распределяется внутри тетради неравномерно: 32 в марте 1681 г. и ни одной в мае 1681 года. Записи отражают в большинстве случаев краткое содержание исходящей документации, реже — входящих документов. Отметим, что с 17 февраля по 2 марта и с 26 апреля по 19 июня 1681 г. записей в тетради нет. Можно предположить, что архиепископа Симона в эти периоды в Москве не было или документация к нему не доставлялась по причине весенней распутицы. Возможно, архиерей плохо себя чувствовал и делами не занимался. Последняя запись в тетради о женитьбе царя Фёдора Алексеевича на Марфе Матвеевне Апраксиной (15 февраля 1682 г.) датирована 23 февраля 1682 года. Согласно предписанию патриарха Иоакима, на Вологду была послана богомольная грамота.

Из приведенных данных следует, что архиепископ Симон больше года (13 месяцев) пребывал в Москве. Однако о событиях в Вологодской и Белозерской епархии он был прекрасно осведомлен. Владыка отдавал распоряжения, касавшиеся дел непосредственно архиерейского дома и архиерейской вотчины, а также монастырей, пустыней и церквей. Он участвовал в решении даже мелких бытовых дел. Так, крестьянину Гришке Яковлеву из деревни Каликина архиерейской подмосковной вотчины в январе 1681 г. был увеличен срок возврата хлеба «до осени, а доплатить только четверть». Казначею Афанасию и дьяку Ивану Аленеву «велено на каменные хлебные анбары измять глины наплотно и пазы все замазать накрепко... на верх насыпать земли, а в которых полатах в дверях и в окнах у затворов волоковены, и в те двери и в окна волоки по настоящему прибить, как и у протчих». В феврале 1681 г. отдавались распоряжения о строительстве на архиерейском дворе: казначею старцу Никону и дьяку Ивану Аленеву предписывалось «к каменному строению известь готовить против пряжняго», лес, приготовленный «на архиепископли брусные хоромы», надлежало «выкатать на берег».

Судя по записи в «тетрадь» от 2 марта 1681 г., княгиня Анна Хилкова, уличенная в церковном расколе, была отправлена в Воскресенский Горицкий монастырь, а игуменьи Марфе⁸⁰ надлежало отписать архиепископу о том, как примут и устроят раскольницу. Примечательны и дисциплинарные меры, применяемые архиереем. Так, спасскому попу Ивану с вологодского посада было велено «против прежняго архиепископля указу по триста поклонов исполнять до своиво, архиепископля, на Вологду приезде, а сыну иво, Федоту, в то число споможение в поклонех чинить».

В некоторых случаях архиерей проявлял снисхождение к церковнослужителям. 23 января 1682 г. он подписал челобитную «Галактионовы пустыни игумену Иоакиму», который, заметим, не так давно стал настоятелем в этой обители, сменив прежнего игумена Сергия⁸¹. Игумену Иоакиму было указано «в той пустыне быть по-прежнему, а буде он в той пустыне быть не похочет, и ему, Иоакиму, быть в Глушицком монастыре игуменом же. А буде он и в Глушицком монастыре быть не похочет, и ему быть по-прежнему в том же Знаменьском монастыре, а в пустыни на Сохотина Перевосе не переходить. И буде в том Знаменском монастыре быть не похочет, и ему, Иоакиму, священническая не действовать и наше благословение да не будет».

Основными постоянными адресатами и исполнителями распоряжений архиепископа Симона являлись: «духовных дел игумен» Феодосий, приказной Борис Иванович Морков, казначеи старец Никон (ум. не позднее 7 марта 1681 г.) и старец Афанасий (назначен 29 марта 1681 г., в должность казначея вступил в апреле 1681 г.), дьяки Даниил Столбицкий и Иван Аленин и дети боярские Фёдор и Максим Блиновы⁸², Филипп Караулов, Василий Григорьев сын Александров, Пётр Александров, Василий Головков и стряпчий Иван Суворцев.

Архиепископ Симон был инициатором каменного строительства на архиерейском дворе в Вологде. При нем был построен двухэтажный корпус архиерейского дома с крестовой палатой и церковью. Каменные стены стали окружать архиерейский дом, длиной 267 саженей, высотой от 4 до 5 сажен; в южном крыле были устроены два корпуса (2-х и 3-х этажные) длиной около 30 сажен. В них размещались жилые покои и кладовые⁸³. В Горнем Успенском женском монастыре была построена каменная богадельня для содержания старых и увечных женщин. Суворов считал, что строительство продолжалось с 1667 до лета 1675 г.⁸⁴, однако как было показано выше, распоряжения об этом отдавались и в 1681 году. Историк отметил, что остатки выделенных на строительство средств (112 руб. с полтиной) в августе 1675 г. архиепископ Симон «в милостыню нищим роздал»⁸⁵. Также стоит упомянуть отливку колоколов в 1675 г. и роспись Софийского собора, произведенную в соответствии с распоряжением архиерея в 1678 году⁸⁶.

Архиепископ Симон не только организовал строительство архиерейского двора, но и стремился приумножить богатство архиерейского дома. Именно при нем, в 1673 г., был приобретен участок земли в г. Белозерске для строительства подворья для архиерея⁸⁷. Однако в 1674 г. подворье еще не было построено, а зафиксировано место дворовое «в длину 30 сажен, а поперег 27 1/2 сажен», на этом участке в

трех избах жили восемь посадских человек ⁸⁸. О возвращении в вотчину Вологодского архиерейского дома сельца Смятьево под Вологдой архиепископ Симон бил челом царю Фёдору Алексеевичу. Согласно этой грамоте, датируемой 1676—1682 гг., этим сельцом завладели «насильством» И.И. Дябринский, Ф.Е. Остолопов и Г.И. Брянчанинов ⁸⁹. Какое решение было принято по этой челобитной, неизвестно.

Заботой архиепископа Симона было ведение дел в большой епархии. Благополучие архиерейского дома зависело от количества церквей и, соответственно, объема собираемой церковной дани. После образования Вятской епархии между иерархами велись споры о разграничении полномочий. Это видно на примере отписки Симона епископу Александру от 21 января 1671 года. Из этого документа становится известно, что Вятский епископ просил Вологодского владыку освятить в Николо-Коряжемском монастыре новопостроенный каменный храм Благовещения Богородицы с приделом Николая Чудотворца. Просьба была подкреплена даром — «бобриком сибирским». Симон выслал антиминс для освящения церкви с иеродьяконом Коряжемского монастыря Ияковом, а по поводу посвящения церкви и придела написал Александру — «да сотворишь, как волит твое святительство, буди во всем по твоей великого господина воли» ⁹⁰. Отметим, что епископ Александр принял постриг в Коряжемском монастыре, а потом был игуменом этой обители ⁹¹.

Данный монастырь, видимо, был пограничной точкой между территориями Вологодской и Вятской епархий. Усть-Вымская десятина после образования Вятской епархии была спорной. Епископ Александр добивался, чтобы эти земли перешли под его начало, но этому препятствовали сначала архиепископ Маркел, а затем Симон. При этом Вятский владыка указывал, что в Вологодской епархии прибавилось 240 церквей за счет Пошехонья, Чарондской округи и Белозерья, а вологодский архиерей обращал внимание на то, что дело не в количестве церквей. По его данным, с Пермской десятины, которая перешла в Вятскую епархию, собиралось по 227 руб. 15 алтын, а с пошехонских, белозерских и чарондских церквей, которые были даны взамен, — всего 185 руб. 18 алтын 3 деньги и «не дошло» 41 рубль 30 алтын. Поэтому требование передать еще и Усть-Вымскую десятину в Вятскую епархию вызывало гнев у архиепископа Симона, который писал в челобитной к царю о том, что вятский епископ «в своей степени не хочет быти, а желает вящше митрополитов и архиепископов неких во изобилстве пребывати» ⁹².

После смерти Александра вятским епископом стал Иона, который, по словам Симона, «еще не быв во епископии своей, и не рассмотряся, також о Вымской десятине упражняется, не удовляся тем, что епископия его при иных и без прибавки с пополнением». 13 сентября 1674 г. архиепископ Симон сам подал роспись о спорной десятине патриарху Иоакиму. В этом документе Вологодский владыка обосновывает, почему Усть-Вымь и «Еренский городок» с уездом не могут быть подведомственны вятскому епископу: 1) они располагаются вдалеке от Перми, «изстари именовались Вымская и Вычегодская земля»; 2) в писцовых книгах Яренский уезд описан «особо» от Перми. В заключение следовало восклицание: «А епископов Пермских во блаженном успении телеса их положены в розных местах, на

Выми и на Вологде и на Москве. И по тому ли его епископле желание исполняти?»⁹³

Тяжба о Усть-Вымской десятина возобновилась в 1676 году. Об этом становится известно из письма от 17 февраля 1676 г. архиепископа Симона к стряпчему Ивану Суровцеву в Москву. В нем повторяются вышеназванные аргументы о том, почему Вымь и Яренск должны быть в ведении Вологодской кафедры, и к ним добавляются еще два: 1) на соборе 1675 г. было решено, что архиереям подвластна территория в соответствии с писцовыми книгами; 2) грамоты к воеводам адресуются «на Вымь в Яренский городок», а не в Пермь Великую. Ивану Суровцеву о всех действиях детей боярских вятского епископа надлежало «проведывать и стеречь опасно» и обо всем писать архиепископу⁹⁴. Однако Освященный собор в 1681—1682 гг. принял соломоново решение, и в 1685 г. Яренск и Усть-Вымская десятина были переданы вновь образованной Устюжской и Тотемской епархии.

Милосердие архиепископа Симона описал в 1860-х гг. Суворов, его наблюдения можно дополнить. В 1671 и 1672 гг. в Вологодском уезде был неурожай и сильный голод⁹⁵. По указу архиепископа Симона, в 1671 г. были открыты житницы архиерейского дома и домовых сел, хлеб из которых продавался «маломочным людям» по заниженным ценам. Игумен Ефрем (архиерейский эконо́м) продавал «для скудости ржи и овса по полуосмине и по четверику человеку, и все ржи продал 450 четвертей, взято по 2 рубли за четверть, итого 900 рублей». В течение 1671 г. продолжилась продажа хлеба, которого реализовали 1172 четверти на сумму 1607 рублей⁹⁶.

Обедневшие вологжане не смогли платить земские повинности, и архиепископ Симон ходатайствовал перед царем Алексеем Михайловичем о прощении долга⁹⁷. Зимой 1671 г. он писал митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу и митрополиту Рязанскому Илариону о том, что челобитные вологжан «истинны», и дополнял описания бед от «великого гладного нестерпимаго томительства». По словам Симона, от голода «матери детей своих в реку и по улицам мечют, а иные и сами с детми топятца», странноприимный дом при церкви Дмитрия Солунского наполнился трупами «от гладу скончавшихся». Далее архиепископ возмущается тем, что вологжан, которые пошли искать пропитания в Сибирь, остановили у Соли Камской, на других заставах и не пускают далее. Переселенцы, по сведениям владыки, «гладною нужною смертию с женами и с детми померли», потому что вперед не пускают, а «назад идти нечем и притти не к чему». Далее архиепископ с негодованием вопрошал: «И то, отцы, что есть? Не единые ли державы они православные христиане вологжане с сибиряны, чтоб им там для нынешняго гладного времени пропитатца?»⁹⁸ Запрет на переселение крестьян, видимо, был продиктован защитой интересов помещиков, которые вряд ли смогли бы вернуть назад людей, ушедших в Сибирь.

В письме к московскому стряпчему архиепископ Симон сообщал, что государственные повинности за монастырских и домовых крестьян были оплачены из архиерейской казны и средств монастырей. Хотя с крестьян денег не брали, они разбрелись в мир от хлебной скудости, «а которые и в лицах есть, те все помирают голодною смер-

тью и пометают себя от глада в воду. Также и матери детей своих младенцев на смерть предают, в воду бросают и вешают. То все чинят от гладу, и сами с гладу и с печали умирают». Далее следовало указание стряпчому, чтобы он об этом сообщил в приказе и объяснил, что денег собирать не с кого: «Где нам серебро иметь, и золотые и соболи чем окупать? То тебе, не стыдяся в приказе возвещать...»⁹⁹ Строительство каменных стен вокруг архиерейского дома, начатое в 1671 г., для бедных людей дало возможность заработать себе на пропитание. По словам архиепископа, эта каменная ограда «состроилась небольшой казной», когда работали «из хлеба безденежно»¹⁰⁰.

В голодном марте 1671 г. на помощь вологжанам пришел и известный благотворитель того времени — окольный Ф.М. Ртищев¹⁰¹. Судя по всему, он узнал о бедствиях вологжан от митрополита Павла¹⁰², который и предупредил Симона о посылке от Ртищева и необходимости места для «ссыпки хлеба». С хлебным обозом прибыло на Вологду и письмо от самого благотворителя, который сообщал, что прислал «двести мер хлеба», и просил организовать раздачу и охрану зерна. В ответ последовало благодарственное письмо от Симона с сообщением, что посылка принята, и все устроено по желанию Ртищева. Вскоре на Вологду были присланы и деньги от «Федки Ртищева», который с иноком Игнатием Корсаковым под охраной трех человек переслал архиепископу Симону 900 руб. и 100 золотых. О назначении этих денег устно должен был сказать иеромонах Игнатий. В качестве благодарности Ртищев просил как можно быстрее отпустить сопровождающих и поминать его питомца царевича Алексея Алексеевича, а также недавно умершую царицу Марию Ильиничну, Ульяну, Фёдора и Владимира¹⁰³. Очевидно, что Ульяна — это мать благотворителя, а кто двое других, не ясно.

В марте 1673 г. стряпчий Иван Суровцев писал из Москвы архиепископу Симону о непонимании вологодских бедствий в столице. Патриарший дьяк Иван Калитин спрашивал стряпчего о том, почему не присылали из Вологодской епархии иконы и золотые на Пасху. Иван Суровцев отвечал, что «не прислано было по два годы, для хлебной скудости». Последовал вопрос: «Ныне-де какая скудость? И всего убытка рублей на шестьдесят мало болши». Далее следует пересказ слов патриарха Питирима, к которому прислали запрос от государя о дарах на праздник Христова воскресения. По словам Ивана Калитина, патриарх Вологодского архиепископа «не похвалил, назвал упрямым человеком», а патриарший дьяк сказал Ивану Суровцеву, что архиепископ «не лучши себе делает, хуже». Далее следуют сведения о том, что полтинные деньги многие архиереи и монастыри заплатили, а стряпчего «в Монастырской приказ безпрестанно таскают»¹⁰⁴. Таким образом, этот документ говорит о том, что архиепископ Симон во время голода в епархии даже перестал подносить царю Алексею Михайловичу традиционные иконы и золотые ввиду нехватки средств. Задержка была и с выплатой повинностей, в связи с чем и «таскали» Ивана Суровцева в Монастырский приказ. Соблюдая интересы своей паствы, архиепископ Симон не побоялся конфликта с царем и патриархом.

Милосердие архиепископа Симона не было реакцией только на вопиющие бедствия и ужасы. Эта черта характера была присуща ему

всегда. Раздача милостыни бедным происходила неоднократно, что зафиксировано в приходо-расходных книгах. После приезда архиепископа Симона в Москву с февраля по август 1666 г. «роздано в милостыню нищим в тюрьмы и богадельни» 20 рублей. В конце октября 1666 г. по указу архиепископа в «тюрьмы и богаделни нищим в милостыню» был роздан рубль ¹⁰⁵. Зафиксированы подобные траты и в следующие годы: в декабре 1668 г. — 5 руб., в январе 1677 г. — 24 руб. 14 алтын. 23 декабря 1677 г. «внесено к преосвященному Симону архиепископу на роздачу в милостыню нищим казенных денег осмнатцать рублей. И те денги преосвященный архиепископ нищим в милостыню роздал» ¹⁰⁶. В ноябре 1681 г. отмечено, что к этому времени «внесено к нему, преосвященному, вверх в странноприимство на роздачу, и нищим бедным в милостыню» 1000 рублей ¹⁰⁷. Отметим, что в 1666 г. по указу архиепископа за 120 руб. был выкуплен с каторги домовый сын боярский Пётр Григорьев сын Александров, который попал туда «с службы великого государя» ¹⁰⁸.

В Горнем Успенском монастыре в Вологде по указу архиепископа Симона была устроена богадельня, называемая «новой больницей», которая содержалась за счет средств домовый архиерейской казны ¹⁰⁹. Распоряжение о содержании этого заведения за счет архиерейских доходов выявлено в приходо-расходной книге 1677—1678 годов. Среди записей о расходах содержится вставка от 18 декабря 1677 г., подписанная архиепископом Симоном, в которой сообщается, что вновь построенная богадельня ¹¹⁰ возведена «по его архиепископлии домовыми денгами жить престарелым безместным, и увечным старицам, и женам престаревшимся и скорченным, которым за древнюю старостию, и увечьем, и болезнию пищи себе на пропитание ниоткуда собою приобретати не мочно, двенатцати человеком». Жительницам богадельни надлежало выдавать «пищу и питие на прокормление и для огревания дрова... по вся годы непременно». На одежду выделялось в год «человеку по рублю по шти алтын по четыре деньги». Эту запись завершал призыв к преемникам на архиерейской кафедре: «А впредь кто изволением Божиим архиереи будут на Вологде и им, преосвященнейшим архиереом, молю и их пресвятость пожаловать Божия ради человеколюбия приказать о том так же творити, чтобы было сие непременно и вечно. Архиепископ Симон» ¹¹¹.

Иногда, по словам Суворова, архипастырь творил добро «в больших размерах». Так, в 1667 г. по указу архиепископа Симона были отобраны и записаны в отдельную книгу 78 денежных и хлебных кабал прошлых лет, долги по которым займщики или их наследники не могли выплатить. После чего подлинныя кабалы принесли к архиепископу, который «изволил» их «подрать». Таким образом, было уничтожено денежных кабал на сумму 438 руб. 29 коп. и 50 хлебных кабал. В вышеупомянутой книге отмечено, что уничтожение долговых документов произошло не случайно, а «все сие сотворил сам он, преосвященный Симон архиепископ». Далее следует собственноручная подпись Симона: «Аз, грубый Симон, благодати ради Божия архиепископ Вологодский, сие повелех и десницею своею уверения ради приписал. Архиепископ Симон» ¹¹².

В следующий раз подобный акт произошел в 1679 году. В особую книгу было записано денежных и хлебных кабал на сумму более

1600 рублей. В конце этой книги Симон опять собственноручно подписал о том, что долг с крестьян «выбирать с милостью, с пожданием», а если этого сделать невозможно, то следовало указание о том, что «долги их всем оставляю и кабалы их в небытие сотворити повелеваю». В завершение подписи следовал призыв: «А по смерти моей наипаче сего никому ни на ком, заклинаю Богом, ничего не истязовати»¹¹³. Уже незадолго до своей кончины архиепископ Симон в 1683 г. заплатил церковные налоги в размере 1713 руб., тем самым сделав поминальный вклад: «В помин сотворити по своей святительской душе и даение учинити своей епархии... благоволил в платеж прислать деньги от себя сверху свои архиепископли келейные»¹¹⁴.

Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон был обладателем большой библиотеки и способствовал образованию подчиненных ему людей. Так, во время пребывания в Москве в 1666—1667 гг. общалось: «По архиепископлю указу куплена для науки подиаком книга грамматика печатная в полдесть, дано рубль». У «крестового» черного священника Кирилла по приказу архиепископа были куплены «наречные Ирмосы писаны с печатных, Ирмологий столповое знамя с пометами для ученья певчим дьяком и подьяком» за 2 рубля¹¹⁵. В 1676 г. архиепископ Симон оказал финансовую поддержку Юрию Крижаничу, который в этом году был освобожден из ссылки в Тобольске¹¹⁶.

Из описи келейного имущества архиепископа Симона 1683 г. Коновалова ранее опубликовала извлечение с описанием книг. Она пришла к выводу, что в этом документе описана личная библиотека архиепископа Симона¹¹⁷. С этой точкой зрения согласиться нельзя. В описи 1683 г. упомянуты: «Жезл Корнильевской архиепископа...», «Жезл синолойной Меркеловской архиепископа...», «Жезл на железном пруте... Подписан на имя преосвященного Симона архиепископа»; среди описаний шапок назван «клобук шелковой, вязаной ис черного шелку, Нектариивской архиепископа, ветх»; наконец зафиксирован «фонарь четверугольной Маркеловской, во влагалище деревянном, соловецкое дело»¹¹⁸.

В описи 1683 г. названы 10 панагий, но вряд ли архиепископ Симон приобрел такое количество церковно-ювелирных изделий для себя. Они достались ему от предыдущих владык. Причиной возникновения описи 1683 г. могло быть долговременное отсутствие архиепископа Симона в Вологде (с января 1681 г. по февраль 1682 г.), а, возможно, ухудшение самочувствия архиерея и его намерение оставить кафедру. Очевидно, что келейное имущество вологодских архиепископов после их смерти распределялось в соответствии с завещанием, при этом какая-то его часть оставалась в Вологодском архиерейском доме и наследовалась вместе с кафедрой новым архиереем. В завещании архиепископа Симона после перечисления ряда вещей и книг следует распоряжение: «И то все вышеписанное по моей смерти отдать в казну»¹¹⁹. Поэтому необходимо строго различать завещания архиепископов и опись келейной рухляди архиепископов. В первом случае возникало описание личных вещей иерарха с указаниями об их дальнейшей судьбе, а во втором случае составляли опись келейного имущества, находящегося в ведении архиепископа согласно занимаемой им должности.

Коновалова, не учтя этого различия, провела некорректное сравнение двух разных по типу документов (завещания и описи имущества), а недоумение исследовательницы о почти двукратном увеличении библиотеки архиепископа Симона с 1681 к 1683 г. легко разрешимо¹²⁰. Личные книги архиерея при составлении описи 1683 г. были включены в состав келейной библиотеки вологодских архиепископов. Согласно духовному завещанию архиепископа Симона 1681 г., его книжное собрание насчитывало 43 книги¹²¹. По тем временам, это была крупная частная библиотека, у предшественника Симона — архиепископа Маркела к концу жизни насчитывалось 23 келейных книги¹²². В составе келейной библиотеки вологодских архиепископов было 76 книг, на 36 томов больше, чем в личной библиотеке Симона, а три книги иерарха в нее не вошли.

В связи с приведенными наблюдениями возникает трудность выделения описания личных вещей архиепископа Симона среди имущества скончавшихся архиереев. Поэтому наблюдение Коноваловой о том, что Симон владел семью очками, требует дополнительного подтверждения, которого пока нет. Однако без сомнения ряд вещей действительно принадлежал Симону или использовался им. Так, «крест серебрян литой» с цепочкой, согласно переписчику, архиерей «носит на персех»; названы «две печати архиепископских болших. Да две малых воротных, подписаны на архиепископле имя, серебряные». Наконец, в двух подголовках хранились «писма и духовные росписи за ево архиерейскою рукою»¹²³.

В духовном завещании архиепископа Симона 1681 г. и описи 1683 г. названы три книги, переписанные рукой архиепископа. Они, несомненно, принадлежали ему: 1) «Книга писменная Исаака Сирина, в ней же припись аввы Дорофея из Лествицы и Ниловы главы Сорского, письмо той книги преосвященного Симона архиепископа»; 2) «Книга в полдесть Василия Великого, письменая с приписми, письмо та книга преосвященного Симона архиепископа, в ней же о Святем Дусе, печатное»; 3) «Книга Служебник в тетратках, выписан с печати на перчет, архиепископле же письмо»¹²⁴. Отметим, что «Нравственные правила» Василия Великого (впервые изданные в Остроге в 1594 г.) широко бытовали в русской рукописной традиции XVI—XVII веков. Как показала С.К. Севастьянова, именно их переписывал и патриарх Никон и архиепископ Симон¹²⁵.

В описи 1683 г. упоминаются «книга каменная в четверть, а другая в полы»¹²⁶. По мнению Н.Н. Зарубина, в XVII в. действительно существовали книги, сделанные из камня. Листы в таких кодексах были сделаны из тонких пластин черного глинистого сланца. Эти книги, иногда в богатых окладах, употреблялись для обучения детей грамоте (аналогично грифельным или аспидным школьным доскам XIX—XX вв.) и являлись своеобразным блокнотом, надписи в котором можно было легко стирать¹²⁷. Вероятно, именно поэтому в описи библиотеки они фигурируют последними, и отсутствует характеристика — печатные или письменные. Можно предположить, что с помощью этих «блокнотов» архиепископ или другие должностные лица Вологодского архиерейского дома сочиняли грамоты, вели подсчеты и делали в них различные кратковременные выписки.

У библиотеки архиепископа Симона прослеживается особенность, которая заключается в том, что некоторые книги имелись в двух-трех экземплярах. Они предназначались для подарков и продажи. Коновалова, анализируя опись библиотеки, писала, что в ней нет душеполезного чтения, отсутствуют переводные сочинения, естественнонаучные и беллетристические, но зато есть издания, необходимые для составления проповедей, посланий, грамот, писем, все то, что было необходимо для острой церковно-догматической полемике того времени.

Среди многочисленных рукописей из архива Вологодского архиерейского дома есть автографы архиепископа Симона, которые позволяют познакомиться с его внутренним миром и переживаниями. Это черновики писем патриарху Московскому и всея Руси Иоасафу, митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу, митрополиту Рязанскому и Муромскому Илариону и белой ответ митрополита Павла архиепископу Симону. Эти документы датируются весной-летом 1671 года.

Центральным вопросом, который обсуждался в переписке между этими людьми, был чин погребения архиерея. Вот как свой вопрос сформулировал архиепископ Симон, обращаясь к патриарху Иоасафу: «А по нашему, государь, обыкновенному чину преселившагося архиерея от жизни сея труп его не предан бывает земли многое время, покамест послан будет для погребения с Москвы или ис которова граду архиерей, и, будучи поверх земли, осмердеет. И ведая той чин многие архиереи, оставя превысочайший чин архиерейства, снисходят в монашество, еже и Вологодский прежде бывший преосвященный архиепископ Маркел того ради сотворил. И о сем аз грубый зело смущаюся и душею скорблю, ожидая от частых своих недуг незамедленно смерти». Разболевшийся вологодский архиерей просит разрешить это «смущение» и, ссылаясь на авторитет патриарха Александрийского Паисия, просит: «...да не будет чин архиерейства во уничтожении от многога времени в трупном осмердении, во время погребения душевнаго блеванием повреждения. А что, государь, твое отеческое и архипастырское о том разсуждение будет, и о том прикажи ко мне, грубому, писанием ведомо учинить...»¹²⁸ Эти размышления вероятно, также связаны с голодом в Вологодском уезде, болезнью и смертью архиерейского приказного Василия Григорьевича Данилова-Домнина (ум. 25 августа 1671 г.)¹²⁹, а не только с плохим самочувствием Симона.

Письма с подобными вопросами были отправлены митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу и митрополиту Рязанскому и Муромскому Илариону. С текстом послания ознакомился и архимандрит Чудова монастыря Иоаким. Архиепископ Симон, прося у них совета, предлагал провести обряд своих похорон по иному: «Егда благоволит ми Господу Богу жизнь сию сконачти, и труп мой да предан будет земли немедленно Вологодской архиепископии архимандриты и игумены и прочими освященново чина, а вместо посланнаго архиерея для такова дальнево разстояния да прочтится пресвятейшаго папы и патриарха (Паисия Александрийского. — *Н.Б.*) и твоя отеческая разрешальные грамоты от ваших архипастырских лиц отцем моим духовным и прочими и во гроб положатся»¹³⁰.

Позиция по этому вопросу митрополитов Павла и Илариона изложена в ответном письме первого: «Удобно быти тако... А мнится нам приказати накрепко и с писанием отцу духовному, чтобы тако было. А от светейшаго отца нашего просить разрешения подобнаго, якоже и от селенских патриархов... А архиерей, кто будет должная, да исправит над местом идеже тело положено будет. А будет ненадежно чаешь по приказу твоему исполнится, добро светейшаго отца нашего докладывать, как тебя Бог наставит, тако и отпиши к нам, а мы готовы желание твое исполнять, аще Бог повелит»¹³¹. Итак, позиция архиепископа Симона по вопросам погребения тела архиерея нашла поддержку у других иерархов, и ими было высказано предложение о составлении завещания об исполнении указаний Вологодского владыки.

Архиепископ Симон воспользовался советом митрополита Павла. В черновике его завещания содержатся точные указания о месте захоронения и чине похорон: «Егда благоволит ми Господь Бог жизнь сию кончати, и того же часа труп мой, скутав по обычаю якоже подобает, проводитьи в соборную церковь Премудрости Слова Божия и предати земли под храмом или пределом великого во пророцех Иоанна Предтечи за дверми южными подле правые стены со отпетием канона, что за единоумершаго, или понахиною немедленно того же дни или много во второй день. А по обыкновенному нашему обычаю и чину града Москвы трупу моему поверх земли не быти... А о совершенном надгробном пении и по скутании моем в землю, как великий государь и святейший отец наш патриарх и весь преосвященнейший собор благоволят»¹³².

У завещателя, видимо, были основания бояться неисполнения его воли, поэтому в тексте находим предостережение: «А буде кто сие мое завещание не похощет сам исправити, и иных станет на то же возражати, и таковаго преслушника и сообщников его мы, смиреней, по данней нам благодати от Пресвятаго и Животворящаго и Всяосвещаившаго Духа еще в жизни сей запрещаем и отлучаем от священнослужения дондеже исправят наше повеление против сего писания»¹³³.

Вскоре к разрешальной грамоте патриарха Александрийского Паисия, полученной в 1666—1667 гг., архиепископ Симон присовокупил аналогичный документ от патриарха Московского и всея Руси Иоасафа и заручился его поддержкой по вопросу проведения похорон в соответствии со своими чаяниями: «Мы, светейший патриарх, слушав твоей отписки, указали послать к тебе, сыну нашему, разрешальную грамоту. А как изволит Бог тебе, сыну, от жития сего преселитися, и тело твое погребсти твоей, сыну, епархии архимандритом и игуменом и прочего освященного чину. А разрешальные грамоты да прочтутся от начального архимандрита, которой будет при погребении тела твоего, и положить те прощальные грамоты во гроб по преставлении твоем отцу твоему духовному. А от возведенного архиепископа на том престоле да пета будет понахида по чину»¹³⁴.

Однако вышло все иначе. Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон еще неоднократно исправлял свое завещание и только через 13 лет сложил с себя архиерейский сан и умер в монашестве в апреле 1685 года. Жизнь других иерархов оказалась короче: патриарх Иоасаф скончался в 1672 г., митрополит Рязанский и Муромский Иларион — в 1673 г., митрополит Сарский и Подонский Павел — в

1675 году. Только архимандрит Чудова монастыря Иоаким (очевидно, благодаря его поддержке и была в короткое время получена разрешительная грамота) был возведен в патриархи всея Руси и сделал блестящую церковную карьеру.

Все эти люди были из одного круга, давно знали друг друга, а особенно близкие отношения связывали архиепископа Симона с митрополитом Павлом. Судя по всему, это были единомышленники с похожими взглядами на церковную жизнь. Переписка между ними показывает, как менялось общество и церковные традиции. Вологодского владыку смущала мысль о несоответствии физиологических процессов в бренном теле и высокого церковного чина, обладателем которого он является.

Проблемы со здоровьем долго преследовали архиепископа Симона. В конце августа — начале сентября 1683 г. он снова заболел. Вскоре архиерей получил грамоту от патриарха Иоакима с приглашением в Москву, но был вынужден просить в отписке от 13 сентября об отсрочке поездки. Иеродьякон Иасаф Алениев поехал с грамотой, в которой говорилось, что «архиепископ скорбит и лежит близ смерти» и «ехать к Москве ему стало за болезнью невозможно». Подтвердить свою болезнь Симон попросил воеводу Иева Демидовича Голохвастова, «чтоб святейший патриарх тому ево писму поверил». От имени воеводы в Москву была отправлена грамота, а 16 сентября 1683 г. воеводе поднесли образ Софии Премудрости Слова Божия. В начале 1684 г. состояние архиепископа улучшилось, однако он все еще не мог выехать в столицу. И на приглашение патриарха 16 марта 1684 г. вновь просил об отсрочке и предложил прислать в Вологду лиц для удостоверения своей немощи. В марте 1684 г. от патриарха действительно приезжали доверенные лица, которые засвидетельствовали тяжелое состояние архиепископа: «против архиепископли отписки для посещения и осмотра ево архимерейской болезни прислан... иеромонах Иоасаф Лещевский да с ним трое подьячих». Проезд этих лиц от Москвы до Вологды был оплачен из средств Вологодского архиерейского дома. Как видим, отношения между Иоакимом, ставшим патриархом, и архиепископом Симоном изменились. Патриарх после смерти царя Алексея Михайловича, при юном царе Фёдоре Алексеевиче, а также после его кончины вел самостоятельную жесткую политику и не терпел прекословия.

В Москву архиепископ Симон выехал только 19 июня 1684 г. с обозом на 11 телегах. Как полагает Суворов, именно во время этого пребывания в столице Симон и получил разрешение уйти на покой¹³⁵. 8 сентября 1684 г. на Вологодскую кафедру был возведен новый архиепископ Гавриил (Кичигин), «а Симону, бывшему архиепископу, отказано за немощь, скорби его и великия болезни»¹³⁶. Бывший архипастырь вернулся в Вологду и ушел в Спасо-Прилуцкий монастырь, где в сентябре 1684 г. сделал вклад в обитель на помин души «архиепископли Судного приказу духовных дел игумена Феодосия» в размере 10 рублей.

Новый архиепископ Гавриил прибыл на Вологду только 18 февраля 1685 г. и вскоре навестил в Спасо-Прилуцком монастыре Симона. Согласно записи в «тетради расходной святым иконам», новый владыка «изволил поднести образ Софеи Премудрости Слова Божия бывшему Симону архиепископу, канфареново окладу»¹³⁷.

25 апреля 1685 г. за четыре дня до смерти Симон сделал вклад в размере 100 руб. в Спасо-Прилуцкий монастырь. В кормовой книге этой обители имеется запись о смерти архиерея: «Месяца апреля в 29 день преставися преосвященный Симон архиепископ Вологодский и Белоозерский. Архимандриту панахида пети и обедня служити, а на братию корм. А дачи его в монастырь 200 рублей»¹³⁸.

Погребен архиепископ Симон в Спасо-Прилуцком монастыре «за олтарем соборныя церкви»¹³⁹ рядом с митрополитом Сарским и Подонским Ионой¹⁴⁰. В 1860-х гг. место погребения этих святителей было закрыто кирпичной, в рост человека, глухой оградкой, надгробных камней над их могилами не было видно¹⁴¹.

Согласно Суворову, род архиепископа Симона был записан в синодик Вологодского Софийского собора: «Ульянии, Феодора, Владимира, иеромонаха Савватия, Марии»¹⁴². Без труда первые три имени можно идентифицировать с теми, кого просил поминать Ртищев в 1671 г., а иеромонах Савватий — это отец архиепископа Симона; Мария, очевидно, мать архиерея. В синодике Дионисиево-Глушицкого монастыря имеется более пространная запись рода Симона: «Иеромонахов Саватия, Иосифа, Ионы, Кирияка, Феодосия, Андронника, Серапиона, Павнутия. Иереов: Петра, Конона, Стефана, Захарии, Иоанна, Сергия. Раб своих и рабынь: Иякова, Кирияка, Аристарха, Андрея, Козмы, Ирины, Марии, Феодосии, Екатерины, Гликерии, Андрея, Варвары, князя Иоанна, княгини Анастасии, Анисии, Феодора, архимандрита Ионы, Димитрия, Исаяи схимника, Корнилия схимника»¹⁴³. Среди этих имен угадываются служители Вологодского архиерейского дома времен архиепископа Симона: казначей в 1670-х гг. Иосиф (Васильев), игумен духовных дел Феодосий. Отец архиерея иеромонах Саватий первым фигурирует в этом перечне, также упомянуто и предполагаемое имя матери — Мария.

Таким образом, Симон был строгим, но справедливым и милостивым иерархом, любил порядок в документах. По своей натуре этот человек — созидатель, он стремился идти вперед и развиваться. Нельзя не отметить деловую хватку и тонкий ум архиерея, его честность и умение постоять за себя и своих подопечных. Некрепкий телом архиепископ Симон был книжником и мыслителем, считавшим, что земные блага и богатства преходящи, а свое предназначение он видел в том, чтобы творить добро.

Примечания

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ МК-5985.2015.6.

1. БЫКОВ А.А. Патриарх Никон. СПб. 1891; КАПТЕРЁВ Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1—2. Сергиев Посад. 1909—1912; ЛОБАЧЁВ С.В. Патриарх Никон. СПб. 2003; АНДРЕЕВ И.Л. Алексей Михайлович. М. 2006; СЕВАСТЬЯНОВА С.К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб. 2003; СОРОКИН Ю.А. Алексей Михайлович. — Вопросы истории. 1992, № 4—5, с. 73—89; БОГДАНОВ А.П. Патриарх Никон. — Вопросы истории. 2004, № 1, с. 51—85.
2. ЕВГЕНИЙ (БОЛХОВИТИНОВ), митр. Исторические сведения об иерархах Древне-Пермской и Вологодской епархий. — Вологодские епархиальные ведомости (ВЕВ). Прибавления. 1865, № 23, с. 920—921.

3. СУВОРОВ Н.И. Приложения к четвертому отделу статьи: Исторические сведения об иерархах Древне-Пермской и Вологодской епархий. (К биографии архиепископа Симона). — ВЕВ. Прибавления. 1865, № 23, с. 920—932; № 24, с. 959—978.
4. НИКОЛЬСКИЙ А. Симон, архиепископ Вологодский. Русский биографический словарь. Т. 18. СПб. 1904, с. 496—497.
5. КОНОВАЛОВА Ж.Ф. О библиотеке архиепископа Вологодского и Белозерского Симона. В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. 1978. Л. 1979, с. 113—118. Также см.: БЕЛОБРОВА О.А. Симон. В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб. 1998, вып. 3, ч. 3, с. 379—380.
6. КОНОВАЛОВА Ж.Ф. Ук. соч., с. 114. ЗВЕРИНСКИЙ В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. Т. 2. СПб. 1892, с. 147, № 831.
7. Летопись занятий Археографической комиссии (ЛЗАК). СПб. 1865, вып. 3, с. 16. Была предпринята попытка найти в документах Александро-Свирского монастыря упоминания о казначее Симоне. Но сохранившиеся приходо-расходные книги за 1615—1631, 1646, 1656—1661 гг. оформлены казначеями Нифонтом, Кириллом, Филаретом, Геронтием, Зосимой, а имени Симона не встретилось. Архив Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук (Архив СПбИИ РАН), ф. 3, оп. 2, д. 15, 21—22, 24—25, 27—28, 31—32, 35—36, 39.
8. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (НИОР РГБ), ф. 711, д. 233, сст. 1.
9. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ), q. II, № 112, л. 143об.—146.
10. Цит. по: СОЛОВЬЁВ С.М. Сочинения. Кн. VI. Т. 11—12. М. 1991, с. 270. Цитировать дальше этот документ Соловьёв не стал и от себя добавил: «...мы отказываемся передавать читателям дальнейшие обличения». Это письмо сейчас полностью опубликовано: СЕВАСТЬЯНОВА С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М. 2007, с. 510—512.
11. СУВОРОВ Н.И. Ук. соч., № 24, с. 976—977. Митрополит Сибирский и Тобольский Корнилий хиротонисан 24 июня 1664 г. в архиепископы из архимандритов Хутынского монастыря; с 25 мая 1668 г. митрополит; ум. 23 декабря 1677 года. СТРОЕВ П.М. Список иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб. 1877, стб. 317.
12. Согласно П.М. Строеву, Варлаам был игуменом Алексеевского Томского монастыря в 1667—1673 гг., а с 1674 г. стал архимандритом. СТРОЕВ П.М. Ук. соч., стб. 322.
13. СУВОРОВ Н.И. Ук. соч., № 24, с. 977.
14. Например, см. документы об отправке духовенства из Вологодской епархии в Сибирь в 1635 г.: Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб. 1875, № 164.
15. СТРОЕВ П.М. Ук. соч., стб. 992.
16. Архив СПбИИ РАН, ф. 3, оп. 2, д. 32, л. 28.
17. Дело о патриархе Никоне. СПб. 1897, с. 54, 72.
18. СТРОЕВ П.М. Ук. соч., стб. 163.
19. Дело о патриархе Никоне, № 27, с. 111. СУББОТИН Н.И. Дело патриарха Никона. М. 1862, с. 45.
20. Архив СПбИИ РАН, ф. 3, оп. 2, д. 37, л. 2; д. 58, л. 4; д. 60, л. 4—4об.; Опись после игуменства Симона от 5 апреля 1665 года. Там же, д. 62, л. 2.
21. СТРОЕВ П.М. Ук. соч., стб. 731.
22. НИОР РГБ, ф. 711, д. 168, л. 6. Список второй половины XVII века.
23. Там же, л. 1, 3—3об.
24. КАПТЕРЁВ Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М. 1885, с. 147.
25. СУВОРОВ Н.И. Ук. соч., № 23, с. 922. Подлинник ставленной грамоты архиепископа Симона был известен Суворову, но сейчас он не найден.
26. Цит. по: КОЖУРИН К.Я. Церковные соборы 1666—1667 гг. как водораздел русской истории. В кн.: Московские соборы 1660, 1666, 1667 годов. Собрание документов эпохи. Т. 1. СПб. 2014, с. 21.

27. Там же, с. 923—927.
28. НИКОЛЬСКИЙ А. Ук. соч., с. 496.
29. СУВОРОВ Н.И. Ук. соч., № 23, с. 927—928.
30. Дело о патриархе Никоне, с. 173—175.
31. Там же, с. 175, 177, 180.
32. БУЛЫЧЁВ А.А. Иоаким (Савёлов Большой Иван Петрович). — Православная энциклопедия. Т. XXIII. М. 2010, с. 140.
33. ЧУМИЧЁВА О.В. Большой Московский собор 1666—1667 гг. Там же, т. V, с. 679—684.
34. ОР РНБ, қ. II, № 112, л. 2об., 18, 19—19об., 135об., 139.
35. Там же, л. 135, 139—139об.
36. Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ), ф. 226, д. 21, сст. 27об.
37. ОР РНБ, қ. II, № 112, л. 51—51об.
38. ОПИ ГИМ, ф. 226, д. 21, сст. 29об.—30.
39. Карту с указанием местоположения Вологодского подворья см.: ЩЕНКОВА О.П. Монастырские и архиерейские подворья Москвы (по материалам конца XVI—XVIII в.). В кн.: Архитектура русской усадьбы. М. 1998, с. 58—59. Краткое описание подворья. СКВОРЦОВ Н., свящ. Уничтоженные в Московском Китай-Городе церкви. М. 1895, с. 15—16.
40. Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства (АЮ). СПб. 1838, № 118, стб. 149; ЧЕРКАСОВА М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV—XVII вв. Исследование и опыт реконструкции. Вологда. 2012, с. 342, № 34.
41. ОР РНБ, қ. II, № 112, л. 19об.—20, 22—22об., 31, 135.
42. ЩЕНКОВА О.П. Ук. соч., с. 57.
43. ОР РНБ, қ. II, № 112, л. 61об.—62, 64.
44. Там же, л. 66—66об., 68, 70об.—71об., 76, 80об. и др.
45. Там же, л. 22об.
46. Значение этого слова в просмотренных словарях не найдено.
47. ОР РНБ, қ. II, № 112, л. 26. СРЕЗНЕВСКИЙ И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб. 1903, стб. 1190.
48. ОР РНБ, қ. II, № 112, л. 59. СРЕЗНЕВСКИЙ И.И. Ук. соч. Т. I. СПб. 1893, стб. 226.
49. Словарь русского языка XI—XVII вв. М. 1976, вып. 3, с. 284—285.
50. ОР РНБ, қ. II, № 112, л. 68об., 69об.—70. Словарь русского языка XI—XVII вв. М. 1980, вып. 7, с. 145.
51. СЕДОВ П.В. Подношения в московских приказах XVII века. — Отечественная история. 1996, № 1, с. 139—150.
52. ОР РНБ, қ. II, № 112, л. 85об., л. 113.
53. Там же, л. 103об., 104об., 109об.—110.
54. Там же, л. 37об., 42об., 68об., 70.
55. Дело о патриархе Никоне, с. 254—255.
56. Там же, с. 247—248.
57. ФИЛАРЕТ (ГУМИЛЕВСКИЙ), архиеп. История Русской церкви. Харьков. 1853, ч. IV, с. 69.
58. Дело о патриархе Никоне, с. 440.
59. СТРОЕВ П.М. Ук. соч., стб. 310.
60. Дело о патриархе Никоне, с. 325.
61. СЕВАСТЬЯНОВА С.К. Эпистолярное наследие..., с. 57.
62. Напр. см.: СЕВАСТЬЯНОВА С.К. Материалы..., с. 288, 290.
63. ЕЕ ЖЕ. Эпистолярное наследие..., с. 509—510.
64. Там же, с. 284, 314.
65. Дело о патриархе Никоне, № 98, с. 365.
66. СЕВАСТЬЯНОВА С.К. Материалы..., с. 293.
67. ЕЕ ЖЕ. Эпистолярное наследие..., с. 230, 487, 493.
68. Дело о патриархе Никоне, с. 410—415.
69. Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 7. М. 1885, ч. 4, с. V—VI, прим. 1.
70. Вопрос и ответ старца Авраамия. Материалы для истории раскола за первое время его существования, с. 387, 389, 391—392.

71. НИКОЛЬСКИЙ А. Ук. соч., с. 496.
72. ОР РНБ, ф. 532, оп. 2, д. 4589, сст. 1.
73. Акты исторические, собранные и изданные Археографической экспедицией (ААЭ). Т. IV. СПб. 1842, № 204, с. 259—263.
74. НИКОЛЬСКИЙ А. Ук. соч., с. 496.
75. ОР РНБ, ф. 550, қ. II, № 107, л. 170—213об.
76. НИКОЛЬСКИЙ А. Ук. соч., с. 496.
77. ААЭ, т. IV, № 223, с. 308—309.
78. СУВОРОВ Н.И. Ук. соч., № 24, с. 967, примеч. 2.
79. НИКОЛЬСКИЙ А. Ук. соч., с. 496. Согласно П.М. Строеву, епископ Воронежский Митрофан был хиротонисан из игуменов Макариево-Унженского монастыря 2 апреля 1682 года. СТРОЕВ П.М. Ук. соч., стб. 837.
80. Отметим, что буквально через несколько дней к архиепископу Симону поступила жалоба на игуменью Марфу и был начат сыск, в результате которого она оставила должность. В челобитной горицких стариц содержатся сведения о том, что к ней «приезживал ис Кирилова монастыря ссыльной старец Антоней Муромец на неделе по дважды и по трижды по утру рано и в вечере поздно. И долго вечера с тем старцом у себя в келье сеживала, и летним днем на огороде с ним у себя гуливала. И видали ево в огороде, с нею седит без манатыи и без клубука»; «Кирилова монастыря приезживал к ней, игуменья Марфе, старец Иосиф Васильев почасту и многое время у ней, игуменьи, в келье сеживал часу до пятово ночи и болши»; «Кирилова монастыря приезживал к ней же, игуменья Марфе житник старец Павел Фоминской во многие времена почасту» и, наконец, еще в 1671 г. «голова московских стрельцов Пётр Аврамов сын Лопухин про нее, игуменью Марфу» сыскивал, «как она ездила по ночам в Ферапонтов монастырь к монаху Никону. И они-де сказали, что она, игуменья Марфа, ездила по ночам в Ферапонтов монастырь к монаху Никону многожды». Государственный архив Вологодской области, ф. 1260, оп. 1, д. 5646, сст. 2—3.
81. П.М. Строев в Галактионовой пустыни игумена с именем Иоаким не упоминает, Сергей значится в 1672, 1677, 1683, 1689 гг. СТРОЕВ П.М. Ук. соч., стб. 767.
82. Максим Блинов, очевидно, сопровождал архиепископа Симона в его поездке в Москву, после чего он и другие сопровождающие 16 января 1681 г. были отпущены в Вологду.
83. Подробнее см.: СУВОРОВ Н.И. Вологодский архиерейский дом. Вологда. 1898.
84. ЕГО ЖЕ. Приложения..., № 23, с. 929. Публикацию документов о строительстве см.: Старая Вологда. XII — начало XX в. Сб. документов и материалов. Вологда. 2004, с. 31—34.
85. СУВОРОВ Н.И. Приложения..., № 23, с. 929.
86. Старая Вологда..., с. 32—34, 81.
87. ОПИ ГИМ, ф. 226, д. 21, сст. 33—37.
88. АЮ, № 231, с. 253, 255.
89. Старая Вологда..., с. 139—140.
90. АЮ, № 368, с. 392—393.
91. ТРИФОНОВА И.О. Культ прп. Трифона Вятского и деятельность первых Вятских епископов (К 350-летию Вятской епархии). — Вестник Удмуртского университета. История. 2007, № 7, с. 48.
92. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1908 года. Вятка. 1909, вып. II. Акты по делу о присоединении к Вятской епархии Усть-Вымской десятины. Отдел II. Исторические материалы, с. 71.
93. Там же, с. 73—74.
94. Там же, с. 74—77.
95. Старая Вологда..., с. 47—48, 173.
96. СУВОРОВ Н.И. Приложения..., № 23, с. 930—931.
97. Старая Вологда..., с. 173.
98. СУВОРОВ Н.И. Приложения..., № 23, с. 931—932.
99. Там же, с. 932.
100. СУВОРОВ Н.И. Приложения..., № 24, с. 959.
101. Напр. см.: КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М. 1990, с. 87—93, 117—120.

102. Семья Ртищевых была связана с этим церковным иерархом. Согласно завещанию Михаила Алексеевича Ртищева (отца Ф.М. Ртищева) 1669 г. на его отпевание следовало позвать митрополита Сарского и Подонского Павла и поднести ему 10 рублей. Архив СПбИИ РАН, ф. 66, оп. 1, д. 56, сст. 1.
103. СУВОРОВ Н.И. Приложения..., № 24, с. 959—965.
104. АЮ, № 369, с. 393.
105. ОР РНБ, ф. 550, қ. II, № 112, л. 67об., 85об.
106. Там же, № 113, л. 237.
107. СУВОРОВ Н.И. Приложения..., № 24, с. 965.
108. ОР РНБ, қ. II, № 112, л. 83.
109. ЧЕРКАСОВА М.С. Милосердие в средневековой Руси. — Вопросы истории. 2014, № 11, с. 24.
110. Отметим, что 30 сентября 1678 г. к архиепископу Симону была прислана грамота от патриарха Иоакима, согласно которой в Москву надлежало ежегодно высылать по гривне с церкви на содержание богаделен в Москве. ААЭ, т. IV, № 228, с. 314—315.
111. ОР РНБ, ф. 550, қ. II, № 113, л. 339—340.
112. Цит. по.: СУВОРОВ Н.И. Приложения..., № 24, с. 965.
113. Там же, с. 965—967.
114. ЕГО ЖЕ. Несколько статистических и топографических сведений о Вологодской епархии от начала XVII столетия до настоящего времени. — ВЕВ. Прибавления. 1865, № 21, с. 832.
115. ОР РНБ, ф. 550, қ. II, № 112, л. 71, 129об.
116. БЕЛОБРОВА О.А. Ук. соч., с. 379.
117. КОНОВАЛОВА Ж.Ф. Ук. соч., с. 113, 116—117.
118. ОР РНБ, ф. 550, қ. IV, № 389, л. 5об.—6, 16об., 27.
119. Летопись занятий Археологической комиссии (ЛЗАК). Материалы. Вологодские акты. 1500—1684, с. 14.
120. КОНОВАЛОВА Ж.Ф. Ук. соч., с. 113.
121. ЛЗАК. Вып. 3. СПб. 1865. Материалы, с. 12—16.
122. Там же, приложение, с. 37—42.
123. ОР РНБ, ф. 550, қ. IV, № 389, л. 4, 25об.—26, 27об.
124. Там же, л. 8, 10.
125. СЕВАСТЬЯНОВА С.К. Материалы..., с. 340—341.
126. ОР РНБ, ф. 550, қ. IV, № 389, л. 13.
127. ЗАРУБИН Н.Н. Книга каменная. Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сб. отделения русского языка и словесности АН СССР. Т. СІ. Л. 1928, № 3, с. 337—340. Благодарю А.Е. Жукова и С.М. Шамина, указавших на эту статью.
128. Архив СПбИИ РАН, кол. 117, оп. 1, д. 970, сст. 1—3.
129. ЕНИН Г.П. Раздаточные книги наследства архиепископского приказного В.Г. Данилова-Домнина. Исследование и источник. СПб. 2009.
130. Архив СПбИИ РАН, кол. 117, оп. 1, д. 970, сст. 4.
131. Там же, сст. 10.
132. Там же, сст. 16.
133. Там же, сст. 16—17.
134. Там же, сст. 19.
135. СУВОРОВ Н.И. Приложения..., № 24, с. 968.
136. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 37. Л. 1982, с. 185.
137. СУВОРОВ Н.И. Приложения..., № 24, с. 970.
138. Там же.
139. ПСРЛ, т. 37, с. 185.
140. Митрополит Сарский и Подонский Иона Архангельский рукоположен в 1613 г., с 1624 г. на покое в Спасо-Прилуцком монастыре; ум. 29 марта 1627 г. СТРОЕВ П.М. Ук. соч., стб. 1035.
141. СУВОРОВ Н.И. Приложения..., № 24, с. 971.
142. Там же, с. 978.
143. СПИ ВГИАХМЗ, ед. хр. 2014, л. 36.

Лондонский лицевой список Сказания о Мамаевом побоище

А.В. Майоров

Аннотация. Автор статьи предлагает свою версию происхождения иллюстрированного списка Сказания о Мамаевом побоище, ныне хранящегося в Британской Библиотеке в Лондоне (Yates Thompson MS 51). В статье также рассматривается история бытования и научного изучения рукописи.

Ключевые слова: Сказание о Мамаевом побоище, Лондонский лицевой список.

Abstract. The author offers his version of the origin of the illustrated manuscript of the Tales of Mamay's Battle, now kept in the British Library in London (Yates Thompson MS 51). The article also examines the history of existence and scientific study of the manuscript.

Key words: the Tale of Mamay's Battle, London illuminated manuscript.

О существовании Лондонского лицевого списка Сказания о Мамаевом побоище впервые стало известно в сентябре 1958 г. во время работы IV Международного съезда славистов в Москве, когда профессором Кембриджского университета Элизабет Хилл было сделано специальное сообщение об обнаружении рукописи в фондах Британского музея ¹.

Элизабет Хилл (dame Elizabeth Hill, 1900—1996) — известный английский филолог, профессор русского языка и литературы, первый глава кафедры славянских исследований в Кембридже (1948—1968). Она родилась и выросла в Санкт-Петербурге в семье состоятельного английского предпринимателя ². При участии Хилл в сентябре 1955 г. в Белграде прошло международное совещание филологов-славистов, созванное по инициативе кафедр славянской филологии университетов Югославии, на котором было принято решение о создании Международного комитета славистов ³.

Сообщение Хилл об обнаружении нового лицевого списка Сказания о Мамаевом побоище вызвало большой интерес среди участни-

---

Майоров Александр Вячеславович — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: a.v.maiorov@gmail.com.

Maiorov Alexander V. — doctor of historical sciences, professor of Saint Petersburg State University. E-mail: a.v.maiorov@gmail.com.

ков съезда. В обсуждении этого сообщения приняли участие крупнейшие знатоки древнерусской литературы и изобразительного искусства — В.Ф. Ржига, Д.С. Лихачёв и О.И. Подобедова. Ржига отметил, что Лондонский список «и по количеству миниатюр (64), и по художественным качествам должен считаться одной из лучших лицевых рукописей “Сказания”»⁴. Лихачёв обратил внимание на то, что детали этих миниатюр очень архаичны и отражают черты, характерные для XV в., а сами миниатюры «представляют интерес не только для искусствоведов в свете задач их исследований, но и для текстологов с точки зрения текстологической специфики»⁵. По опубликованному в сообщении Хилл двум миниатюрам Подобедова заключила, что они «обнаруживают сходство с произведениями древнерусской живописи XVI в., а быть может, и конца XV в.»⁶

По мнению участников обсуждения, приведенные Хилл сведения «должны безусловно найти свое отражение в главе о миниатюре XVII в. в подготовляющемся к изданию т. IV “Истории русского искусства”»⁷. Это пожелание было выполнено. В разделе о рукописной книге XVII в. т. IV фундаментальной «Истории русского искусства» миниатюры Лондонского списка сравниваются с другими подобными изображениями: «Меньше изобретательности и смелости в иллюстрациях к “Повести о Мамаевом побоище” конца XVII в. (Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина, ф. 178, № 3123), с короткими неуклюжими фигурами, схематичным рисунком в духе так называемых “северных писем”. Значительно выше по своему художественному качеству шестьдесят четыре миниатюры недавно обнаруженной рукописи “Сказания о Донском бою” (Отдел рукописей Британского музея, т. 51). Несмотря на то, что рукопись датируется второй половиной XVII столетия, ее миниатюры своими архаическими формами восходят к значительно более раннему периоду»⁸.

Лондонский список Сказания о Мамаевом побоище происходит из собрания рукописных книг крупного английского предпринимателя и коллекционера Генри Йетса Томпсона (Henry Yates Thompson, 1838—1928). Он был старшим сыном ливерпульского банкира Самюэля Генри Томпсона и Элизабет Йетс, дочери американского торговца и антиквара Джозефа Брукса Йетса, и унаследовал от своих родителей немалое состояние и двойную фамилию.

После окончания Тринити-колледжа в Кембридже Йетс Томпсон начал путешествовать по миру, посетил Соединенные Штаты Америки, где в августе 1863 г. стал участником второй битвы за г. Чаттануга, подробно описав ее в своем дневнике⁹. Затем он много ездил по Европе, Ближнему Востоку и Азии, шесть лет служил личным секретарем графа Джона Спенсера, лорда-наместника Ирландии, несколько раз неудачно баллотировался на выборах в палату общин.

В 1878 г., после женитьбы на Элизабет Мюррей Смит, старшей дочери газетного издателя и основателя Национального биографического словаря Джорджа Смита, Йетс Томпсон поселился в Лондоне и стал собственником вечерней газеты «Пел Мел» (Pall Mall Gazette). Под его управлением это издание превратилось из консервативного в либеральное и стало публиковать острые материалы на социально значимые темы. Однако в 1892 г. он продал газету и полностью сосредоточился на своем главном увлечении — собирании старинных рукописей¹⁰.

Начало коллекции положили десять средневековых манускриптов, которые Генри унаследовал от своего деда по матери еще в 18-летнем возрасте. В конце 1870-х гг. он сделал собственные первые покупки, и только в 1890-х гг. его интерес к коллекционированию развился в полную силу. Собрание пополнялось, главным образом, за счет распродаж других крупных частных библиотек Англии и Франции — сэра Томаса Филиппса, Фирмена Дидо, Джона Рёскина и графа Томаса Ашбурнхама ¹¹.

Обладая феноменальной памятью, Йетс Томпсон мог отыскивать и соединять разрозненные части древних книг. При этом он очень тщательно отбирал рукописи для своей коллекции, покупая наиболее ценные из них и продавая те, которые находил менее важными. Особое предпочтение коллекционер отдавал иллюминированным рукописям. Состав коллекции постоянно менялся, а критерии отбора книг становились все более строгими. В конце концов, владелец принял решение оставить у себя только сто рукописей самого высокого качества, а остальные продать. После этого, чтобы получить новую книгу, он расставался с одной из прежних своих книг — продавал ее или обменивал ¹².

Собранную таким образом коллекцию Томпсон тщательно документировал. В течение 20 лет он регулярно издавал каталоги и альбомы, содержащие подробное научное описание и фотоснимки рукописей, над составлением которых работали лучшие ученые-палеографы и искусствоведы, такие как Монтегю Родс Джеймс, сэр Сидни Карлейль Коккерель, сэр Эдвард Мод Томпсон и сэр Джордж Фредерик Уорнер ¹³.

Первые два каталога, содержащие описание 100 лучших рукописей Йетса Томпсона, были опубликованы в 1898 и 1902 годах ¹⁴. Однако после того как собрание подверглось основательной переработке, в 1907 и 1912 гг. были изданы описания еще 34 вновь приобретенных рукописей. В предисловии к каталогу 1912 г. помещен новый список 100 лучших рукописей Томпсона ¹⁵.

Помимо научного описания рукописей в 1907—1918 гг. их владелец опубликовал семь альбомов с фотоснимками страниц наиболее интересных манускриптов, воспроизводящих, прежде всего, живописные миниатюры, орнаменты и другие художественные украшения книг ¹⁶.

В возрасте 80 лет Томпсон почти полностью потерял зрение и по этой причине принял решение продать свою коллекцию. В 1919—1921 гг. состоялись три аукциона, на которых часть книг была продана. Однако начавшийся затем экономический спад в Европе привел к значительному снижению спроса на антиквариат ¹⁷.

Вместе с тем, успешно проведенная операция позволила Томпсону восстановить зрение, что возродило в нем прежнюю страсть к книгам. Старый коллекционер вновь стал покупать рукописи и даже выкупил некоторые из ранее проданных.

Последние его приобретения были сделаны в 1922—1924 годах. Некоторые из них свидетельствуют об изменении эстетических вкусов коллекционера, в котором, возможно, пробудился его юношеский интерес к греческой литературе. Этим объясняются покупки списка XV в. сочинений Аристофана, а также русской иллюстрированной рукописи Сказания о Мамаевом побоище (British Library, Yates Thompson MSS 50, 51) ¹⁸.

При жизни Томпсон не хотел создавать собственный мемориал путем передачи коллекции в национальный музей, предпочитая, чтобы его рукописи оставались в частных руках. Тем не менее, небольшую часть своих книг он в разное время все же пожертвовал публичным библиотекам и музеям, в том числе Библиотеке Британского музея, Французской национальной библиотеке и Фитцвиллиамскому музею Кембриджского университета.

Однако жена Томпсона придерживалась другой точки зрения и завещала 46 рукописей, оставшихся после кончины супруга, в дар Британскому музею. После ее смерти в 1941 г. рукописи поступили в музей и вместе с шестью приобретенными ранее манускриптами составляют ныне единую коллекцию Йетса Томпсона ¹⁹.

В Сводном каталоге кириллических рукописей британских и ирландских коллекций, составленном Анной Пеннингтон и Ральфом Клеминсоном, сообщается, что лицевой список Сказания о Мамаевом побоище был приобретен Томпсоном в 1922 г. у книготорговой фирмы «Дэвис энд Ориоли» (Davis & Orioli). Последняя, в свою очередь, приобрела рукопись во Флоренции, куда она была «перемещена из Галиции итальянской армией в ходе Первой мировой войны» ²⁰.

Специализировавшаяся на торговле редкими книгами и древними рукописями фирма «Дэвис энд Ориоли» была основана в 1910 г. во Флоренции Джузеппе (Пино) Ориоли и Джоном Ирвингом Дэвисом, в 1913 г. перенесшими свой бизнес в Лондон. Их компания со временем превратилась в одну из самых известных международных букинистических фирм.

После первой мировой войны Ориоли вернулся во Флоренцию. Здесь он стал известен и как книгоиздатель. Поддерживая дружеские отношения с английскими писателями Джорджем Норманом Дугласом и Дэвидом Гербертом Лоуренсом, Ориоли в 1928 г. впервые опубликовал полный текст знаменитого романа Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей», а также несколько других произведений Дугласа и Лоуренса ²¹.

Лицевая рукопись Сказания о Мамаевом побоище, очевидно, была приобретена Ориоли во Флоренции между 1918 и 1922 гг. и затем переправлена в Лондон для последующей продажи Йетсу Томпсону.

Еще в 1958 г. Элизабет Хилл, изучив Лондонский список Сказания, отметила, что рукопись представляет собой часть какого-то ранее более обширного сборника. Об этом свидетельствует сохранившаяся на некоторых листах их прежняя нумерация, выполненная скорописью кириллическими буквами ²².

Как уточнил впоследствии Л.А. Дмитриев, на листе 17 современной нумерации, выполненной арабскими цифрами, видны следы буквенного обозначения числа 170 (у Хилл ошибочно указано 156), на листе 16 — числа 171 и т.п. Если теперешнему 15-му листу соответствует 170-й лист сборника, то первому листу должен соответствовать 156-й лист. На теперешнем первом листе Лондонского списка действительно можно разобрать первые две буквы, обозначающие число 150. Третью букву прочесть не удается ²³.

Таким образом, можно заключить, что в первоначальном сборнике, из которого происходит Лондонский список, тексту Сказания о Мамаевом побоище предшествовал другой текст, занимавший 155 листов рукописи.

Для дальнейшего выяснения происхождения Лондонского списка важно установить, какой именно текст предшествовал ему в первоначальном сборнике и, следовательно, что представлял собой этот сборник. Имеющиеся у нас данные позволяют получить достаточно надежный ответ.

Дмитриев первым заметил, что некоторые лицевые списки Сказания о Мамаевом побоище, отнесенные им к Архаической группе (Румянцевский Второй и Барсовский списки), сохранились в составе сборников, первую часть которых занимает текст русского перевода Сербской редакции Александрии (средневекового романа об Александре Македонском, известного во множестве переводов и редакций). Текст Александрии здесь также сопровождается живописными миниатюрами. Поскольку Лондонский список был отнесен к Архаической группе лицевых списков Сказания, ученый предположил, что в первой части сборника, в который он ранее входил, должен был содержаться лицевой список Александрии²⁴.

Это предположение нашло полное подтверждение в исследованиях А. Пеннингтон и Р. Клеминсона. Среди рукописей Библиотеки Честер Битти в Дублине был обнаружен русский лицевой список Сербской Александрии (Chester Beatty. W 151). По всем своим признакам — бумаге, первоначальной нумерации листов, почерку, стилистике миниатюр — Дублинский лицевой список Александрии, несомненно, представляет собой первую часть оригинального древнерусского сборника, второй частью которого является Лондонский лицевой список Сказания о Мамаевом побоище. Правда, в Дублинском списке ныне насчитывается лишь 133 листа, на которых помещаются 73 миниатюры, однако часть листов, особенно в начале и конце рукописи, утрачена²⁵.

Владельцем Дублинского списка Александрии был крупный предприниматель и коллекционер сэра Альфред Честер Битти (Alfred Chester Beatty, 1875—1968). Ирландец по происхождению, он родился в Нью-Йорке, окончил Колумбийский университет, получив диплом горного инженера, и сделал огромное состояние на добыче цветных металлов, сначала в США (Крипл-Крик, штат Колорадо), а затем и в других странах. С раннего возраста Честер Битти собирал предметы восточного искусства и древние рукописи, в том числе египетские папирусы. В 1950 г. он перевез свою коллекцию в Дублин и завещал ее Ирландии, став в 1957 г. почетным гражданином республики (см.: www.cbl.ie).

Остается неясным, каким путем к Битти попала лицевая рукопись Сербской Александрии. Составители Сводного каталога кириллических рукописей британских и ирландских собраний ограничиваются по этому поводу следующим замечанием: «Не сохранилось записи о том, каким образом сэра Честер Битти приобрел этот манускрипт»²⁶.

Если учитывать, что Лондонский список Сказания о Мамаевом побоище и Дублинский список Александрии первоначально составляли единое целое, будучи частями одного лицевого сборника, можно предположить, что этот сборник был намеренно разделен надвое в целях последующей продажи по частям.

Скорее всего, это произошло, когда книга оказалась в руках Дэвиса и Ориоли. Известно, что Дэвис прибегал к подобного рода операциям с целью извлечения дополнительной прибыли от продажи ру-

копией или сокрытия их истинного происхождения и следов, по которым можно было установить прежних законных владельцев.

О масштабах книготорговой деятельности фирмы «Дэвис энд Ориоли» и уловках, к которым прибегали ее дилеры, можно судить по следующей весьма шумевшей в свое время истории.

В 1957 г. глава фирмы Джон Ирвинг Дэвис от имени своего делового партнера, испано-итальянского дилера Энцо Ферраджоли-де-Рея, предложил Британскому музею уникальный документ — средневековую карту мира с изображением Америки в виде большого острова Винланд к западу от Гренландии. Карта, составленная будто бы еще в XIII в., сохранилась в копии XV в. и отражала результаты плавания за океан древних викингов, открывших Америку задолго до Колумба ²⁷.

Эксперты Британского музея усомнились в подлинности манускрипта, и тогда Карта Винланда была продана Йельскому университету в США. Карта являлась частью писанного на пергамене сборника, содержащего также краткую версию «Истории Татар» (*Hystoria Tartarorum*); в своей расширенной версии она более известна как «История Монгалов, которых мы называем Татарами» (*Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus*), написана в середине XIII в. итальянским монахом-францисканцем Джованни дель Плано Карпини, первым из европейцев посетившим Монголию в качестве посла римского папы Иннокентия IV ²⁸.

Сомнения экспертов в подлинности документов усиливались ввиду того, что следы червоточин на листах пергамена, содержащих карту и текст Плано Карпини, не совпадали. Все выяснилось, когда весной 1958 г. библиотекарь Йельского университета Томас Марстон приобрел в Лондоне у Дэвиса ветхий пергаменный список третьего тома «Исторического Зеркала» (*Speculum Historiale*) Винсента из Бове. Этот манускрипт, судя по следам червоточин на пергамене, оказался недостающей частью некогда единого средневекового сборника, в начале которого помещалась Карта Винланда, а в конце — «История Татар» Плано Карпини.

На листах сборника были тщательно удалены все следы и знаки, указывавшие на его прежних владельцев, за исключением небольшой части ярко-розового штампа, перекрывающего часть текста на листе 223 «Исторического Зеркала». Таким способом, продавец стремился скрыть историю приобретения рукописи, вероятно, чтобы избежать ответственности за нелегальный характер сделки. Позднее исследователи обнаружили на некоторых листах книги следы маркировки, указывающие на то, что ранее она могла принадлежать, скорее, не частному лицу, а официальному учреждению ²⁹.

В связи со сказанным большие сомнения вызывает версия приобретения в 1922 г. у фирмы «Дэвис энд Ориоли» лицевого списка Сказания о Мамаевом побоище сэром Генри Йетсом Томпсоном, изложенная в Сводном каталоге А. Пеннингтон и Р. Клеминсона и воспроизведенная на официальном сайте Британской библиотеки (www.bl.uk). Только от продавцов Йетс Томпсон мог узнать, что купленная им рукопись, прежде чем попасть во Флоренцию, а затем в Лондон, была «перемещена из Галиции итальянской армией в ходе Первой мировой войны».

Начнем с того, что итальянская армия не могла быть причастна к перемещению рукописи из Галиции, поскольку в период первой мировой войны не вела боевых действий на этой территории. Кроме того, нет никаких оснований считать, что нынешний Лондонский список Сказания мог быть создан в Галиции в конце XVII века. По своему языку, литературной основе и стилистике миниатюр эта рукопись имеет великорусское происхождение. Ничто не указывает на ее возможное перемещение в XVIII или XIX в. в Польшу или Австро-Венгрию, в состав которых поочередно входила Галиция. Правда, на украинских и белорусских землях в XVI—XVII вв. получила распространение особая редакция русского перевода Сербской Александрии. Однако в этой редакции текст произведения имеет существенные отличия, связанные в основном с влиянием пришедших из Польши латинских версий романа об Александре ³⁰.

Древнерусский лицевой сборник, содержащий тексты Сказания о Мамаевом побоище и Сербской Александрии, по-видимому, был незаконно вывезен из России в период Гражданской войны. Возможно, книга сменила нескольких владельцев, прежде чем попала во флорентийский магазин фирмы «Дэвис энд Ориоли». Дилерами фирмы она была разделена надвое и продана по частям Йетсу Томпсону и Честеру Битти. При этом были удалены следы, способные указать на прежних владельцев рукописи и разоблачить незаконность ее перемещения.

Владельческие записи и знаки, как правило, оставались на первых и последних листах рукописных книг. Именно этих листов как раз и недостает в нашем случае — первых листов в Дублинском списке Александрии и последних листов в Лондонском списке Сказания. По поводу утраты последних Дмитриев заметил, что, вероятнее всего, они пропали «в то время, когда “Сказание о Мамаевом побоище” оказалось изъятым из состава сборника». Об этом, в частности, свидетельствует путаница в расположении листов в конце Лондонского списка ³¹.

Впрочем, некоторые следы, возможно, ведущие к законному владельцу сборника, все-таки уцелели. На листах 36об. и 96об. Дублинского списка Александрии видны надписи, оставленные кем-то из читателей книги. В них дважды значится одно и то же имя: «Егоръ Крюковъ» (или «Кряковъ»?)

Миниатюры Лондонского списка Сказания о Мамаевом побоище наиболее близки к архетипу лицевого Сказания. Наблюдения над стилистическими особенностями изображений привели историков русского искусства к заключению, что оригиналом для Лондонского списка послужили миниатюры более раннего времени, созданные не позднее конца XV — начала XVI века.

Кроме того, миниатюры Лондонского списка превосходят изображения других лицевых рукописей Сказания по своему художественному уровню. Их можно считать лучшими в сравнении с миниатюрами остальных известных ныне списков ³². Это сравнение не распространяется лишь на иллюстрации к тексту Сказания в Лицевом летописном своде. Художественное значение миниатюр прочих лицевых рукописей вызывало сомнения еще у их первого исследователя С.К. Шамбинаго ³³.

В литературном отношении Лондонский список содержит одну из разновидностей (вариант Ундольского) Основной редакции Сказания о Мамаевом побоище. Однако его миниатюры стоят особняком в общем ряду и в полной мере не могут быть отнесены ни к Архаической, ни к Северной группе. Типологически они представляют собой отдельную ветвь, отходящую от архетипа лицевого Сказания ³⁴.

Всего в Лондонском списке 64 миниатюры, из них 14 встречаются только здесь. Остальные 50 имеют параллели в других лицевых списках. В свою очередь в остальных лицевых списках Сказания есть немало миниатюр, отсутствующих в Лондонском списке. Часть из этих миниатюр приходится на утраченные в нем фрагменты текста.

Еще 15 миниатюр, аналоги которых есть в других списках, в Лондонском списке пропущены, несмотря на наличие соответствующих им литературных фрагментов. На первом листе рукописи рядом с заголовком переписчиком было оставлено место для миниатюры, скорее всего, изображающей князей Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича, сидящих на троне; аналогичные изображения можно видеть в некоторых других списках (Румянцевский Второй и Барсовский списки).

В сравнении с другими лицевыми рукописями изображения Лондонского списка отличаются большей экспрессивностью. В миниатюрах Северной группы фигуры предстают более статичными и условными, их позы и жесты скованы и весьма схематичны. Важным отличием является и то, что главные действующие лица произведения — князь Дмитрий Донской и Владимир Храбрый — в Лондонском списке приобретают индивидуальные черты. При этом подчеркивается первенство Дмитрия, выражающееся в композиционной обособленности его фигуры и подчеркнутой динамике жестов. Кроме того, Дмитрий здесь чаще изображается как единственное действующее лицо, без Владимира.

На близость миниатюр Лондонского списка к архетипу лицевого Сказания указывает изображение главных героев в традиционных для Древней Руси княжеских шапках, а не в царских венцах, как показано в других лицевых списках (Румянцевский Второй и Уваровские № 1435 и № 999а списки). В традициях Лицевого свода и Радзивилловской летописи в Лондонском списке прорисована форма развевающихся однохоботных и двуххоботных знамен. Разнообразнее арсенал холодного оружия: кроме мечей (прямых, в отличие от кривых сабель поздних миниатюр) и копий встречаются алебарды, топорики и крючья на высоком древке, предназначение которых по-разному интерпретируется исследователями.

С точки зрения общего построения композиции (действие разворачивается по горизонтали, что типично для ранних лицевых рукописей, до XV в.) ³⁵, иллюстрации Лондонского списка находят ближайшие изобразительные аналогии в миниатюрах Радзивилловской летописи ³⁶. Особенно близки к радзивилловским пейзажи, изображения строений (например, «златоверхого терема» в Кремле), княжеских престолов, ладей, птиц, некоторых животных, сцен передачи княжеских грамот из рук в руки и др.

Дальнейшее изучение изобразительных приемов и стилистики миниатюр Лондонского списка Сказания должно проводиться в связи с изучением миниатюр Дублинского списка Александрии.

Интересной особенностью обоих произведений является не только наличие значительного числа текстуальных, ситуативных и сюжетных параллелей, но и прямые отсылки к подвигам Александра Македонского, вложенные в уста героев Сказания о Мамаевом побоище³⁷. Отождествление Дмитрия Донского и его свершений с подвигами великого царя Александра, несомненно, должно было проявиться и в заимствовании изобразительных средств, использованных в миниатюрах лицевой Александрии.

Дублинский лицевой список Александрии до настоящего времени остается неизученным, его значение и соотношение с другими списками этого произведения не определены. Неизвестными и не введенными в научный оборот остаются миниатюры этого списка.

Немногом лучше обстоит дело и с изучением миниатюр Лондонского списка Сказания о Мамаевом побоище. О необходимости факсимильного издания рукописи исследователи говорят с момента ее открытия. «Интересующий нас список будет издан в Англии в 1959 г., — обещала IV Международному съезду славистов Элизабет Хилл. — Он будет напечатан вместе с обстоятельным вступлением и комментариями. Все листы списка будут воспроизведены фототипически, причем некоторые в красках»³⁸. Однако эти планы так и остались неосуществленными.

О необходимости публикации рукописи неоднократно говорили Лихачёв и Дмитриев. Только полное представление о миниатюрах Лондонского списка поможет до конца разобраться в истории лицевых рукописей Сказания о Мамаевом побоище. Сравнивая эти миниатюры с миниатюрами остальных лицевых списков, искусствоведы смогут проследить историю единого цикла миниатюр на протяжении нескольких веков их существования.

Однако из-за сложностей во взаимоотношениях между СССР и Великобританией, а также высокой стоимости копирования и издания публикация рукописи долгое время была невозможной. Задача, поставленная ведущими славистами мира более полувека назад, решена только сейчас с выходом в свет факсимильного издания рукописи, осуществленного Санкт-Петербургским государственным университетом³⁹.

Примечания

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10137).

1. Текст выступления опубликован в Кембридже в виде отдельной семистраничной брошюры, в которой также были воспроизведены фотоснимки двух страниц рукописи. См.: HILL E. A British Museum Illuminated Manuscript of an Early Russian Literary Work. An Encomium to the Grand Prince Dimitri Ivanovich and to his Brother Prince Vladimir Andreyevich the Tale of the Battle of the Don in the Year 6889. Cambridge. 1958.
2. ШЕСТАКОВ В.П. Русские в британских университетах. Опыт интеллектуальной истории и обмена. М. 2009.
3. Международное совещание славяноведов в Белграде. — Вопросы языкознания. 1956, № 3, с. 156.
4. IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 1. М. 1962, с. 169.
5. Там же, с. 170.
6. Там же, с. 172.
7. Там же, с. 173.

8. МНЕВА Н.Е., ПОСТНИКОВА-ЛОСЕВА М.М. Миниатюра и орнаментальные украшения рукописей. В кн.: История русского искусства. Т. IV. М. 1959, с. 478. На с. 475 этой книги находится переснятый из брошюры Е.Ф. Хилл лист 29об. Лондонского списка (смотри русского войска князьями после «урезания» полков Дмитрием Волынцом).
9. An Englishman in the American Civil War. The Diaries of Henry Yates Thompson, 1863. L.-N.Y. 1971.
10. KOSS ST. The Rise of the Political Press in Britain. Vol. 1. Chapel Hill (North Carolina). 1981, p. 230—322.
11. MILLAR E.G. Henry Yates Thompson. In: Dictionary of National Biography. 1922—1930. Oxford. 1937, p. 836—837; BELL A. Thompson, Henry Yates. In: The Oxford Dictionary of National Biography. Vol. 54. Oxford. 2004, p. 443.
12. A Descriptive Catalogue of Twenty Illuminated Manuscripts, Nos. LXXV to XVIV (Replacing Twenty Discarded from the Original Hundred) in the Collection of Henry Yates Thompson (3rd series). Cambridge. 1907, p. III.
13. KENYON FR.G. Sir Edward Maunde Thompson, 1840—1929. London. 1929; BLUNT W. Cockerell. London. 1964; PFAFF R.W. Montague Rhodes James. London. 1980.
14. A Descriptive Catalogue of Fifty Manuscripts from the Collection of Henry Yates Thompson. Cambridge. 1898; A Descriptive Catalogue of the Second Series of Fifty Manuscripts (Nos. 51 to 100) in the Collection of Henry Yates Thompson. Cambridge. 1902.
15. A Descriptive Catalogue of Twenty Illuminated Manuscripts... Cambridge. 1907; A Descriptive Catalogue of Fourteen Illuminated Manuscripts (Nos. XCV to CVII and 79A) Completing the Hundred in the Library of Henry Yates Thompson. Cambridge. 1912.
16. Illustrations of one hundred manuscripts in the Library of H.Y. Thompson. Vol. 1. London. 1907; Ibidem. (Second series). Containing fifty plates illustrating ten Italian MSS from the XIth to the XVIth centuries. London. 1908; Ibidem (Third series). Consisting of sixty-nine plates illustrating ten MSS. of various countries from the IXth to the XVIth centuries. London. 1912; Ibidem (Fourth series). Consisting of eighty-two plates illustrating sixteen MSS of English origin from the XIIth to the XVth centuries. London. 1914; Ibidem (Fifth series). Consisting of ninety plates illustrating sixteen MSS, each of which belonged to some individual of note in France or Italy in the XIVth or XVth century. London. 1915; Ibidem (Sixth series). Consisting of ninety plates illustrating seventeen MSS with dates ranging from the XIIIth to the XVIth century. London. 1916; Ibidem. The seventh and last volume, with plates from the remaining twenty-two MSS. London. 1918.
17. HERRMANN FR. Sotheby's: Portrait of an Auction House. London. 1980, p. 183—195. См. также: Catalogue of Twenty-Eight Illuminated Manuscripts and Two Printed Books, the property of Henry Yates Thompson (Sotheby's sale catalogue, 3 June 1919).
18. RICCI S. de. Les Manuscrits de la collection Henry Yates Thompson. Paris. 1926; BENNETT J.Q. Portman Square to New Bond Street, or How to Make Money though Rich. In: The Book Collector. 1967, vol. 16, p. 323—339; HAMEL CH. de. Was Henry Yates Thompson a Gentleman? In: Property of a Gentleman: the Formation, Organisation and Dispersal of the Private Library 1620—1920. Winchester. 1991, p. 77—89.
19. WORMALD FR. The Yates Thompson Manuscripts. — British Museum Quarterly. 1951, vol. 16, p. 4—5.
20. The Anne Pennington Catalogue. A Union Catalogue of Cyrillic manuscripts in British and Irish Collections. London. 1988, N 118, p. 177.
21. ALDINGTON R. Pinorman: Personal Recollections of Norman Douglas, Pino Orioli and Charles Prentice. London. 1954; ELLIS D.D. H. Lawrence, 1885—1930. Dying game, 1922—1930. Cambridge. 1998; SQUIRES M. Introduction. In: Lady Chatterley's Lover and A Propos of Lady Chatterley's Lover. Cambridge. 2002, p. XXIV—XXXIV.
22. HILL E. Op. cit.
23. ДМИТРИЕВ Л.А. Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище». В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы... Т. 28. М.-Л. 1974, с. 156.
24. ЕГО ЖЕ. Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище». В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы... Т. 22. М.-Л. 1966, с. 256; ЕГО ЖЕ. Лондонский лицевой список..., с. 156—157.

25. The Anne Pennington Catalogue..., N 26, p. 36—37.
26. Ibid., p. 37.
27. Документ неоднократно подвергался экспертизам на подлинность с использованием новейших инструментальных методов, не давших, впрочем, однозначного результата. Об этом см.: BROWN K.L., CLARK R.J.H. Analysis of Pigmentary Materials on the Vinland Map and Tartar Relation by Raman Microprobe Spectroscopy. — *Analytical Chemistry*. 2002, vol. 74(15), p. 3658—3661; TOWE K.M., CLARK R.J.H., SEEVER K.A. Analysing the Vinland Map. A Critical Review of a Critical Review. — *Archaeometry*. 2008, vol. 50, issue 5, p. 887—893; LARSEN R., SOMMER D.V.P. Facts and Myths about the Vinland Map and its Context. — *Zeitschrift für Kunsttechnologie und Konservierung*. 2009, Bd. 23(2), S. 196—205.
28. Карта Винланда вместе с текстом Плано Карпити опубликована Йельским университетом двумя изданиями в 1965 и 1995 гг.: SKELTON R.A. et al. The Vinland map and the Tartar Relation. New Have. 1995.
29. SEEVER K.A. Maps, Myths and Men. Stanford. 2002.
30. ВАНЕЕВА Е.И. Киевский список Александрии XVI в. В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы... Т. 33. Л. 1979, с. 288—292; ЕЕ ЖЕ. Александрия Сербская. В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л. 1989, вып. 2, ч. 1, с. 24.
31. ДМИТРИЕВ Л.А. Лондонский лицевой список..., с. 157.
32. IV Международный съезд славистов, т. 1, с. 169—173.
33. ШАМБИНАГО С.К. Сказание о Мамаевом побоище. СПб. 1907 (Общество любителей древней письменности, т. 125).
34. ДМИТРИЕВ Л.А. Лондонский лицевой список..., с. 175—176.
35. ЧЕРНЫЙ В.Д. «Мамаево побоище» в древнерусских миниатюрах (Миниатюры как культурно-исторический феномен). В кн.: Куликовская битва в истории и культуре нашей родины. Мат-лы юбилейной научной конференции. М. 1983, с. 201—202.
36. ДМИТРИЕВ Л.А. Лондонский список..., с. 178—180.
37. ПЕТРОВ А.Е. «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище». — *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2005, № 2 (20), с. 55—61.
38. HILL E. Op. cit., p. 8.
39. Сказание о Мамаевом побоище. Лондонский лицевой список. СПб. 2012 (Письменные памятники истории и культуры России в собраниях зарубежных архивов и библиотек, т. 2).

Полемика о национализме на страницах русской либеральной печати в 1916—1917 гг.

В.К. Романовский

Аннотация. В статье анализируется дискуссия о национализме с участием публицистов и общественных деятелей Д.Д. Муретова, Е.Н. Трубецкого, П.Б. Струве, Н.А. Бердяева, Н.В. Устрялова, проходившая на страницах русской либеральной печати в годы первой мировой войны.

Ключевые слова: сущность национализма, дискуссия, либеральная печать, первая мировая война.

Abstract. The article analyses the views of publicists and social activists D.D. Muretov, E.N. Trubetskooy, P.B. Struve, N.A. Berdyaev and N.V. Ustryalov on the essence of nationalism, which they published in the Russian Liberal Press during World War I.

Key words: essence of nationalism; discussion, liberal press, World War I.

В межреволюционный период в российском обществе значительно возрос интерес к национальной проблематике. «Мы живем под знаком чрезвычайного оживления национальных и националистических чувств...» — отмечалось современником ¹. Межнациональные отношения, государственная национальная политика, практический и теоретический национализм находились в центре внимания различных общественных кругов России. В периодической печати неоднократно возникали дискуссии по национальному вопросу. Материалы одной из них были опубликованы в сборнике Ф.Г. Мускатблита ².

В процессе обсуждения национального вопроса в либеральной среде обозначилась тенденция вкладывать негативный смысл в термин «национализм». «Насколько предосудителен национализм, настолько же обязателен патриотизм, — утверждал С.Н. Булгаков ³. Е.Н. Трубецкой под русским национализмом понимал «возвеличивание наших национальных качеств, притом не только добродетелей, но и недостатков» ⁴.

Романовский Вячеслав Константинович — доктор исторических наук, зав. кафедрой Нижегородского института развития образования. E-mail: vkroman@mail.ru.

Romanovskiy Viatcheslav K. — doctor of history, head of the chair of Nizhniy Novgorod Institute of the Development of Education. E-mail: vkroman@mail.ru.

В годы первой мировой войны национальная тема оставалась одной из главных в русской периодической печати. В 1916 — начале 1917 г. на страницах журналов «Русская мысль» и «Проблемы Великой России», известных своей праволиберальной направленностью, прошла дискуссия о сущности национализма. В современных статьях и сборниках о русском национализме начала XX в. эта полемика упоминается⁵, но специальных публикаций на эту тему нет. В дискуссии приняли участие как известные публицисты, общественные деятели, мыслители — П.Б. Струве, Трубецкой, Н.А. Бердяев, так и начинающие авторы — Д.Д. Муретов и Н.В. Устрялов, только входившие в большую публицистику.

Началась полемика со статьи молодого правоведа и публициста Муретова «Этюды о национализме», опубликованной в начале 1916 г. в журнале Струве «Русская мысль». По мнению автора, термин «национализм» совершенно неправильно истолковывается в отечественной публицистике, как учение, нравственно оправдывающее нарушение идеи справедливости и прав других народов во имя любви к своему народу. На самом деле сущность национализма заключается в любви-пристрастии к своему народу, и она не подлежит каким-то этическим, нравственным, моральным меркам, потому что это — любовь слепая, идущая «выше разума, выше справедливости». Национализм, согласно Муретову, есть «политическое исступление», и потому «он не может не входить иногда в противоречие с объективными нормами правовой справедливости, он не может не рождать иногда даже ненависть к другим народам...» Иррациональный характер любви к своему народу есть политический эрос, и в понимании и оправдании этой любви-пристрастия, считает Муретов, заключается сущность национализма⁶.

Вместе с публикацией Муретова Струве поместил в журнальном номере собственную статью «Блюдение себя. Нравственная основа истинного национализма». В целом разделяя позицию Муретова, он указывает на то, что публицист назвал лишь одну черту или сторону любви к своему народу (эрос), другая же, не менее существенная, оставлена в тени (этос). Но эрос, по словам Струве, «неразрывно связан с этосом», и «если мы подлинной любовью любим наш народ и наше государство, то в их жизнь мы должны стремиться внести высочайшую степень нравственной силы». «Патриотизм и национализм означают, конечно, любовь к своему народу и государству и действительное их отстаивание в борьбе с внешними силами. Но такая любовь и такое отстаивание, — дополняет редактор «Русской мысли», — подразумевает напряжение духовных сил самого народа, требуют того, что я в роковую минуту решения вопроса о войне назвал “блюдением себя”, то есть бороться “с собственной духовной слабостью” и не скатываться на позиции ложного национализма»⁷.

Такой подход в понимании национализма противоречил позиции Трубецкого, противопоставлявшего «плохой» национализм «хорошему», основанному на «здоровом национальном чувстве» и «любви к родине»⁸. Видный либеральный философ и публицист не мог оставить без внимания эти публикации, но посчитал неуместным вступать в спор с малоизвестным публицистом. Вскоре в журнале «Русская мысль» появилось «открытое письмо» Трубецкого к редактору

Струве. По словам автора письма, национализм есть исключительное самоутверждение нации, то есть такое направление, которое возводит служение нации в высшее и безусловное начало, неподчиненное нравственным нормам. И статья Муретова не добавила «ничего нового в обычную идеологию национализма». Но, отмечает Трубецкой, удивляет позиция Струве, опубликовавшего ее в своем журнале и тем самым предоставившего автору «солидную и не оставляющую места сомнениям рекомендацию». Хорошо, что редактор «Русской мысли» термин «национализм» наполняет этосом, то есть нравственным началом, но категорически неприемлемо его утверждение, что «национальный эрос неразрывно связан с этосом». По мнению Трубецкого, понимание национализма без моральных обязательств и ограничений, изложенное Муретовым («любовь слепая», «национализм есть “политическое исступление”» и др.), на практике ведет к пагубным последствиям. «Я не только уверен, я точно знаю, — пишет он, — что как раз такими формулами у нас всегда оправдывается погромная теория и практика», а «утверждение такого национализма, который не есть “моральное отношение” к своему народу и к другим народам, есть по самому существу своему принципиальное отрицание национальной совести». Страсть должна подчиняться разуму, регулироваться нормами объективной справедливости. Провозглашенные Муретовым принципы, по мнению автора письма, «отменяют всякие нравственные обязательства по отношению к другим народам и делают в применении к инородцам решительно все дозволенным». Именно этим характеризуется, по словам Трубецкого, «националистический аморализм г. Муретова»⁹.

Муретов ответил на эту публикацию письмом, адресованным Струве, но пронизанным критикой в адрес своего главного оппонента. Находя новые аргументы в защиту своей трактовки национализма, Муретов утверждал: «...то, что любовь приходит в столкновение с нормами морали, вовсе не мое желание, или “попустительство” ей. Таков просто факт. Такова любовь, что в сознании человека она становится выше сознания справедливости». Для большей доказательности своей позиции автор обращается к феномену войны. «В частности, — пишет он, — я не понимаю, как можно оправдать войну со всеми ужасами человеческой злобы, которую она вызывает к жизни. Я могу мыслить ее как тяжелый грех, принимаемый на душу ради великой любви к своей родине и великой (выше разума идущей) веры в ее назначение. И для того, чтобы принять войну, для меня необходимо сознание, что она безусловно необходима для моего отечества...» В заключении публицист указывает на слабость и уязвимость позиции Трубецкого: «беда в том, что “моральный патриотизм” исторически бессилён», он есть норма поведения, «а не живая страсть души»¹⁰.

Трубецкий, ранее избегавший прямой полемики с Муретовым, вынужден был дать «ответ» непосредственно своему оппоненту. Обращая внимание на множество противоречивых суждений Муретова и обвиняя его в народопоклонстве (муретовский «национализм, боготворящий народность, воспрещает обращаться к своему идолу с какими-либо нравственными требованиями»), Трубецкой заключает: «...г. Муретов спасается от аморализма путем глобального внутреннего противоречия: с одной стороны, нравственный закон безуслов-

но обязателен и преступить его — значит совершить великую мерзость. Но с другой стороны, для меня безусловно обязательно нарушить эту безусловную обязанность и «совершить мерзость», если это нужно для родины»¹¹.

Спор между Трубецким и Муретовым о сущности национализма вызвал интерес у Бердяева. Включаясь в дискуссию, он замечает, что «в споре подымается в высшей степени важная философская и в конце концов религиозная проблема: применимы ли чисто моральные оценки к истории, к борьбе наций и государств, и могут ли быть перенесены оценки жизни индивидуальной на историческую жизнь народов». Муретов, по его словам, «тысячу раз прав, признавая природу всякого эроса, всякой эротической любви, стоящей вне добра и зла, вне моральной оценки», ибо любовь всегда «божественно-свободна», к этой сфере применимы более всего оценки и критерии эстетические, а не моральные. А мораль «лишь одна из ценностей в сложной иерархии ценностей», и она «не может претендовать на абсолютное и всеобщее значение». Трубецкой же, по мнению автора, стремится обо всем, что происходит в мире, судить критериями морального порядка, возводя их в абсолют. Трагедия жизни представляется ему «прежде всего как конфликт морального с аморальным, как неисполнение абсолютного нравственного закона». Но «исключительное исполнение нравственного закона может привести к великой трагедии, к измене некоторым высшим ценностям». В то же время, замечает философ, Струве и Муретов слишком склонны «абсолютизировать ценность государства», но «абсолютизм государственный еще менее допустим, чем абсолютизм моральный». «В историческом столкновении народов, — считает Бердяев, — никогда не бывает так, что добро целиком на одной стороне, а зло — на другой. Это значит, что национальная борьба в истории не есть борьба за моральную справедливость, а есть борьба за повышение бытия, за творчество исторических ценностей»¹².

Бердяев, таким образом, стремится предостеречь некоторых участников полемики, да и в целом русскую общественность, от неоправданного, как ему кажется, применения моральных законов к историческому творчеству. В России всегда, признается он, «слишком упрощенно применялись к исторической жизни отвлеченные оценки..., всегда морализировали над историей». И война является фактором, заставляющим русскую мысль «творчески работать над новыми вопросами, поставленными жизнью». «Мы, — считает философ, — не должны применять к бесконечно сложным историческим задачам, рождающимся в процессе жизни, слишком простых доктрин моральных, социологических или религиозных... В истории никогда не было и никогда не будет абсолютной морали, но за историей скрыто действует абсолютный дух, из себя раскрывающий и творящий сложную грацию ценностей. Одна из этих ценностей — самобытная ценность национального»¹³.

Полемика о национализме привлекла внимание Устрялова — видного представителя молодого поколения интеллектуальной России, правоведа и публициста, автора ряда статей по национальной проблематике. В конце 1916 г. на страницах журнала «Проблемы Великой России» вышла его статья «К вопросу о сущности национализ-

ма». По мнению ее автора, концепция Муретова «правильно схватывает самое существо проблемы», ибо нельзя отрицать, что величия и славы желает своей родине не на основании зрелого размышления, а исходя из внутренних чувств. Трудно также «дать ясный, бесспорный ответ в рассудочных и этических категориях на вопрос — почему мы теперь желаем победы России и поражения Германии». Очевидно потому, что любовь к родине, вера в нее — «иная область, не поддающаяся учету логического и морального сознания...»¹⁴

Но было бы ошибочным утверждать, продолжает автор, что только благодаря национальному эросу «разрешается вся проблема любви к отечеству». Пусть эрос сам по себе неразумен, но «оценке разума он все же подлежит». Как же совместить любовь-восхищение перед родиной с требованиями логики и нравственности, — задается вопросом Устрялов, — или такое совмещение невозможно?¹⁵

По мнению публициста, в рассуждениях Трубецкого «нельзя видеть опровержения теории национального эроса. Ибо последняя вовсе не отрицает применимости этических категорий к чувству патриотизма. Она лишь полагает, что не этическими категориями означенное чувство конструируется». Важно, подчеркивает автор, «не то, что любовь к родине, как и всякое другое чувство, может подлежать нравственному суду, а то, что эта любовь в своей интимнейшей сущности не вытекает из требований нравственного закона». Моральный императив бессилён предписать подобную любовь, «она возникает совершенно независимо от него». Следовательно, по мнению публициста, позиция Трубецкого плодотворна тем, что фактически углубляет теорию Муретова и расширяет трактовку национальной проблемы, а именно, ставит вопрос «о роли нравственных начал в области международных отношений». И здесь возможны серьезные трудности, потому что «нередко “любовь-пристрастие” к отечеству может предъявлять требования, противоречащие нормам отвлеченной этики». Теория национализма не вправе отказываться от разрешения подобных затруднений и, пока она их не разрешит, сомнения Трубецкого уместны. Кроме того, продолжает Устрялов, критика Трубецкого ценна еще и потому, что она приводит к убеждению в недостаточности понимания национального эроса как чего-то абсолютно иррационального, радикально чуждого какому бы то ни было умозрительному объяснению. Ссылка на «иррациональность» является плохой рекомендацией для соответствующей теории¹⁶.

«Мне, — приходит к выводу Устрялов, — представляется истинным утверждение теории национального эроса, что любовь к родине ускользает от формул рассудочно-логичных и моральных. Но бывает, что иррациональное в одной плоскости оценок может стать рациональным, осознанным в другой плоскости... Путь исследования должен пройти через все системы возможных оценок и ценностей». «Факт любви к отечеству, — приходит к заключению публицист, — необъяснимый ни с точки зрения системы природы, ни с точки зрения системы этики, может быть умозрительно выведен при помощи категорий эстетического познания». «При таком понимании национальной проблемы, — подчеркивает он, — вопрос об отношении патриотизма к нравственности превращается в более общий принципиально философский вопрос об отношении эстетического законодательства к эти-

ческому». В этом случае «примат» должен принадлежать эстетическому началу, «ибо начало Красоты выше и “окончательнее”, нежели начало Добра»¹⁷.

Таким образом, Устрялов считает одинаково важными и плодотворными разные трактовки для исследования национальной проблемы, а понимание национализма, необъяснимое, по его мнению, с позиции этической, может быть раскрыто с помощью категории эстетики.

В начале 1917 г. были опубликованы новые статьи Трубецкого¹⁸ и Струве¹⁹. Авторы вновь обменялись критическими замечаниями и оценками, однако не внесли ничего нового в содержание полемики, и этими публикациями она завершилась.

Таким образом, полемика о национализме, прошедшая в 1916 — начале 1917 г. с участием видных представителей либеральной России, является одним из ярких эпизодов истории русской мысли начала XX века. Она выявила разные подходы к определению сущности национализма, возможности применения к нему морально-нравственных оценок. Для Муретова национализм означал «любовь-пристрастие» к родине и своему народу, политический эрос, проявление иррационального в человеке, не подлежащее моральным оценкам. Трубецкой, вкладывая негативный смысл в термин «национализм», предпочитал любовь к родине и народу называть патриотизмом, считал его здоровым и рациональным чувством, которое может и должно подлежать моральной оценке. Другие участники дискуссии уточняли и расширяли сущностные характеристики национализма, определяли его как любовь не только к родине и своему народу, но и к государству, которая к тому же должна быть пронизана моральными обязательствами (Струве); считали неправомерным возводить критерии морального порядка в абсолют и применять их как к национальному чувству, так и вообще к различным формам исторической жизни народов (Бердяев); подчеркивая плодотворность и важность альтернативных позиций для исследования национальных проблем, предлагали сущность национализма определять и оценивать не этическими, а эстетическими категориями (Устрялов). Состоявшаяся полемика не привела к преодолению разногласий в среде либералов в понимании национализма, а в условиях начавшейся русской революции эта проблема вообще потеряла общественную актуальность.

Материалы дискуссии расширяют наши представления о русском либерализме начала XX в., дают основания считать, что у его видных представителей моральные критерии не являлись общепризнанным императивом теории и практики национализма или, во всяком случае, эта проблема оставалась дискуссионной. Нельзя не признать, что тема, которая обсуждалась на страницах периодической печати столетие назад, является актуальной и для современного российского общества.

Примечания

1. СЛАВИНСКИЙ М.А. Русская интеллигенция и национальный вопрос. В кн.: Интеллигенция в России: Сб. статей. СПб. 1910, с. 220.
2. По векам... Сб. статей об интеллигенции и «национальном лице». М. 1909.

3. БУЛГАКОВ С.Н. Из размышлений о национальности. — Вопросы философии и психологии. 1910, кн. 111, с. 398.
4. ТРУБЕЦКОЙ Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм. — Русская мысль. 1912, кн. 111, с. 94.
5. Национализм. Полемика 1909—1917. Сб. статей. М. 2000, с. 7—12; СЕРГЕЕВ С.М. Русский национализм и империализм начала XX века. Нация и империя в русской мысли начала XX века М. 2004, с. 5—20.
6. МУРЕТОВ Д. Этюды о национализме. — Русская мысль. 1916, кн. 1, отд. 11, с. 64—67.
7. СТРУВЕ П.Б. Блюдение себя. Нравственная основа истинного национализма. — Там же, с. 140—142.
8. ТРУБЕЦКОЙ Е.Н. Патриотизм против национализма. — Русские ведомости. 2(5).VIII.1914.
9. ЕГО ЖЕ. Развенчание национализма. Открытое письмо П.Б. Струве. — Русская мысль. 1916, кн. IV, с. 79—81, 85—87.
10. МУРЕТОВ Д. Борьба за Эрос. Письмо П.Б. Струве по поводу письма к нему князя Е.Н.Трубецкого. — Там же, с. 94—95.
11. ТРУБЕЦКОЙ Е. Новое язычество и его «огненные слова». Ответ Д.Д. Муретову. — Там же, с. 89—94.
12. БЕРДЯЕВ Н.А. К спору между кн. Е.Н. Трубецким и Д.Д. Муретовым. — Русская мысль. 1916, кн. VIII, отд. 2, с. 44—46.
13. Там же, с. 46—48.
14. УСТРЯЛОВ Н.В. К вопросу о сущности «национализма». — Проблемы Великой России. 1916, № 18, 10(23).XII, с. 9.
15. Там же, с. 9.
16. Там же.
17. Там же.
18. ТРУБЕЦКОЙ Е.Н. Государственная мистика и соблазн грядущего рабства. По поводу статей П.Б. Струве и Н.А. Бердяева. — Русская мысль. 1917, кн. 1, отд. 11, с. 74—98.
19. СТРУВЕ П.Б. Национальный эрос и идея государства. Ответ кн. Е.Н. Трубецкому. — Там же, с. 99—104.

Статус Кабарды во взаимоотношениях с региональными державами в XVI—XVIII вв.

Ю.М. Азикова

Аннотация. В статье анализируется проблема политического статуса Кабарды при взаимодействии с Русским государством и Крымским ханством. Рассматриваются возможности существования автономной кабардинской государственности при декларировании со стороны Русского государства и Крымского ханства зависимого по отношению к ним положения кабардинской политики.

Ключевые слова: Кабарда, Русское государство, Крымское ханство, княжество, покровительство, военный союз.

Abstract. The article analyzes the problem of political status of Kabarda in interaction with Russian state and Crimean Khanate. The possibilities of the existence an autonomous Kabardinian statehood are considered at declaring from the side of Russian state and Crimean Khanate dependence position in relation to them of Kabardinian polity.

Key words: Kabarda, Russian state, Crimean Khanate, principality, protection, military alliance.

В изучении предпосылок сближения Кабарды в XVI—XVIII вв. как с Русским государством, так и с Крымским ханством, характера взаимодействия, статуса сторон, политико-правового оформления отношений получены определенные научные результаты. Для описания связей, установившихся между Кабардой и Русским государством используются обозначения «покровительство», «добровольное присоединение», «военный союз», «ратная дружба», «отношения зависимости», «вассальная зависимость», «своеобразное подданство», «боевое содружество», «протекторат», «военно-политический союз», «симмахия». При разнообразии формулировок в отечественной историографии вопроса не оспаривалось и не оспаривается положение о добровольности и взаимовыгодности данных отношений. Обращает на себя внимание и единодушие, демонстрируемое отечественными исследователями, в описании характера отношений Кабарды и Крымского

Азикова Юзанна Мартиновна — кандидат исторических наук, доцент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. E-mail: azik-uu.84@mail.ru.

Azikova Yuzanna M. — candidate of historical sciences, associate professor at the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov. E-mail: azik-uu.84@ru.

ханства. Авторы пишут о «гнете» Крымского ханства над Кабардой, о борьбе кабардинцев с крымскими «захватчиками», об «агрессивных устремлениях» султанской Турции и ее вассала Крымского ханства. В целом попытки построения общей картины формата отношений Кабарды с Крымским ханством и Русским государством сводятся к модели: «Русское государство — безусловный и бескорыстный спаситель Кабарды; Крымское ханство — поработитель, гонитель и агрессор во всех случаях».

Подобное однобокое видение обусловлено, во-первых, недостатком источников, призванных наиболее полно проиллюстрировать взаимоотношения Кабарды с Портой и Крымским ханством, во-вторых, приоритетной актуальностью исследований, связанных с образованием многонационального российского государства. С.Х. Хотко отмечает, что «история Кабарды преподносится почти целиком в русле истории российского государства, а изучение процесса установления дипломатических и политических отношений между двумя странами имеет тенденцию к преувеличенному толкованию в стиле политических, пропагандистских и литературных клише “добровольного присоединения”, “вековой дружбе” и “мудром выборе предков”. Очевиднейший исследовательский провал — история кабардино-крымских отношений. Еще меньше внимания уделено османо-кабардинским связям в XVI—XVIII столетиях»¹.

Попытка преодоления указанной тенденции просматривается в работах Хотко и Т.Х. Алоева². Повествуя о крымско-кабардинском «альянсе», а затем о крымско-кабардинском «противоборстве», Хотко говорит о равнозначных субъектах международной политики, а не о перманентной агрессии, с одной стороны, и оборонительном характере действий — с другой. Исследователь указывает на то, что Кабарда успешно противостояла Крымскому ханству в борьбе за Восточное Закубанье³. Алоев делает упор на устойчивость Кабарды перед лицом потенциальной либо реальной опасности, исходившей от Крымского ханства. Автор указывает и на целенаправленный подрыв Кабардой интересов Крыма.

В современном кабардиноведении существует точка зрения, в соответствии с которой отношения, установившиеся между Русским государством и Кабардой в середине XVI в., рассматриваются в качестве военно-политического союза⁴. Отдельные авторы усматривают наиболее близкую аналогию данному союзу в античном институте — симмахии — соглашении о боевом союзе⁵. Характер союза и статус сторон в XVI—XVII вв. оговаривались в шертных соглашениях. В XVIII в. практика шертования уступила место вступлению под имперскую «протекцию». И в первом и во втором случае реализовывался принцип покровительства России в лице ее государя над отдельными частями Кабарды, либо над всей Кабардой⁶.

Политико-правовой анализ кабардино-русских взаимоотношений, осуществленный К.Ф. Дзамиховым с привлечением списка критериев подданства, разработанного в отечественной историографии, показал, что 1) хотя со второй половины XVI в. русский царь стал номинально называться «государем кабардинских горских черкасских князей», фактически Кабарда не включалась в большой царский титул; 2) «правлящие верхи Российского государства и Кабарды обща-

лись и имели официальные взаимоотношения друг с другом только через государственные структуры, представляющие внешнеполитическую сферу»; 3) кабардинцы не выплачивали налогов в общегосударственную казну; 4) на Кабарду не распространялось российское законодательство, она жила по нормам обычного права, и в Кабарде не была учреждена российская администрация ⁷. Дзамихов, таким образом, пришел к заключению, что отношения, установившиеся между Русским государством и Кабардой с 1557 г., не ограничивали самостоятельность последней в решении внутривосточных и внешнеполитических вопросов ⁸. Официальные основания для распространения юрисдикции России на Северный Кавказ, и на Кабарду в частности, появились не ранее XVIII в. и только после заключения Кчук-Кайнарджийского (1774 г.) и Ясского (1791 г.) русско-турецких договоров ⁹.

Описывая основные положения шертных договоренностей, исследователи часто обращаются к присяге на верность Кабардинской земли Русскому государству и к жалованной грамоте царя Фёдора Ивановича верховному князю Кабарды Канбулату Идаровичу (1588 г.), как к наиболее типичным образчикам. В данных документах оговариваются права и обязанности сторон ¹⁰. Так, кабардинская сторона находится по отношению к Русскому государству «в службе и обороне» (гарантия защиты, то есть «обороны» при условии верной «службы» Русскому государству в лице царя). «Служба» предполагала следующие моменты: «не приставати» к врагам государя и не отступать от него; считать врагов царя своими врагами, а друзей — своими же друзьями; в случае каких-либо боевых столкновений в регионе стоять на стороне астраханских и терских воевод, ратных людей государя; приводить под царскую руку местных владельцев, как помогая астраханским и терским воеводам, так и самостоятельно; выезжать попеременно в Терский город и нести службу; участвовать не только в региональных столкновениях на стороне русского государя, но и в европейских войнах, если царь решит пойти на «своего недруга на Литовского и в Немцы» и т.д. Оборона от недругов предполагала защиту «ото всяких недругов», то есть это могли быть как не вступившие «в царское жалованье и в службу» кабардинские князья, так и любые другие внешние силы, угрожавшие подписавшим шерт кабардинским князьям. Важной составляющей пункта об обороне являлось строительство нового русского города в устье Терека ¹¹.

С кабардинской стороны, как указывают источники, не обходилось без длительных обсуждений «как [им] быти под государевою рукою и государю служить» ¹². Со своей стороны Русское государство обязывалось оказывать кабардинским князьям всяческую военную помощь и не обделять царским жалованьем, но с условием — «смотря по вашей (кабардинских князей. — Ю.А.) службе» ¹³.

В XVI—XVII вв. более или менее регулярное «жалованье» полагалось кабардинским князьям, показавшим царю свою службу, князьям, жившим в Терском городе и находившимся на непосредственной службе у царя (например, Сунчалей Янглычевич Черкасский), наиболее влиятельным уоркам и всяким потенциальным союзникам. При этом в Москве понимали, что не все приезжающие в Терский город кабардинские князья и дворяне собираются верой и правдой

служить русскому государю. Рекомендовалось также «не верстать» жалованьем (или делать это ограниченно) всех вассалов князей, показавших или намеревающихся показать свою службу. Кабардинские князья, живущие в Терском городе, требовали для приезжающих к ним по делам «князьям и мурзам и их узденем давать ... государево жалованье на приезд и на отъезд, корм и питье и платье и сукна». Царь же велел отвечать на такие настойчивые просьбы, «што давать им государева жалованья незашто, потому как государю надобны были люди, а ани не токмо што сами на службу не шли, и узденей и людей своих никою не послали»¹⁴. Таким образом, жалованье было ежегодным поощрением небольшого числа наиболее верных кабардинских князей и небольшой части их вассалов, либо единовременным вознаграждением за конкретную службу, услугу, оказанную царю. В одном интересном документе (1645 г.) описывается «дача жалованья крымского царя ближнему человеку Сефер Газы Агие» за то, что «государю служил», выдал находившегося в Крыму самозванца, объявившего себя «сыном царя Димитрия»¹⁵.

В XVIII в. практика «дачи жалованья погодно» кабардинским князьям сошла на нет. Появились единовременные выплаты, отправляемые кабардинским князьям за определенные услуги, за участие в русско-турецких конфликтах на стороне России и пр. Частой становилась практика присылки денежного вознаграждения «заранее», то есть деньги, принятые кабардинскими князьями, обязывали их оказать ответную «любезность» русскому правительству по тем или иным вопросам¹⁶. Понимая это, не все кабардинские князья и не всегда соглашались брать эти материальные вознаграждения. В документе под названием «Выписка когда и при каких случаях кабардинским владельцам давано было от здешней стороны награждение» (1711—1765 гг.) в каждом конкретном случае дается разъяснение для каких именно целей к кабардинским князьям отправляют деньги и иное имущество: «дача ... в подкрепление утесняемых тогда из них от крымцов и в приласкание их к здешней стороне», «за Кубанской поход и за в том походе оказанную службу», «в оказательство здешняго в том удовольствия, что они его паки к себе приняли» (кабардинские князья приняли обратно изгнанного ранее князя Касая Атажукина), «в показание... некотораго призрения» выгнанному из Кабарды Магомеду Кургокину, «награждение за поиск их в 1758 году против чеченцов, а в самом деле для успокоения их от предпринятого при Моздоке селения» и т.д. Таким образом, речь уже шла не о погодном жалованье, а о награждениях по случаю. В приведенном источнике отражено недовольство, высказанное кабардинским уорком (дворянином) по данному поводу: «пока с Турецкой стороны намерения нет с Россиею воевать, тогда им, кабардинцам, и денег не дают, а когда такое намерение оказывается, то и деньги им дают»¹⁷.

В грамотах, отправляемых из Москвы, кабардинских князей называли «холопами». Впрочем, кабардинские князья сами себя называли подобным образом. Так, в грамоте Алегуко Шогенукова и его родственников, отправленной царю Михаилу Фёдоровичу (1640 г.), часто повторяется: «а мы, государь, холопи ваши, старинные холопи, и отцы и деды наши». Однако декларируемое «холопство» никак не увязывается с тем *что* и *как* позволяют себе писать Алегуко и его

сподвижники¹⁸. С кабардинской стороны речь идет просто о следовании делопроизводственной традиции, протоколу. Но так ли все однозначно, когда о холопстве упоминается со стороны царя или его представителей? В записи переговоров с послом Алегуки Биязрукой Ахмаметевым, привезшим скандальную грамоту, отмечается следующее: «а ныне он, Алегука-мурза, з братьею... писали не попригожу, з большим невежеством, как холопом к великому государю своему писать не довелось. Искони вечные они холопи царского величества, а пишут так, чево и слышать не годитца». В ответной царской грамоте князьям Казыевой Кабарды выказывается недовольство действиями «холопов» царя Муцала и Будадея Сунчалеевичей, направленными против других «холопов» государя Кельмамета и Ильдара Куденетовичей. Михаил Фёдорович не доволен тем, что в ссоре, возникшей между его холопами, Муцал и Будачей обращаются не к своему государю, а к Алегуке и Атажуке. Царь возмущается самовольным поступкам своих «холопов», которым не годится решать проблему в обход своего государя, обращаясь к третьим лицам¹⁹. Таким образом, в документах высказывается претензия на необходимость приведения содержания в соответствие с декларируемой формой.

Приведенные выдержки связаны с изначально имевшим место неодинаковым прочтением договорных обязательств кабардинскими князьями и самодержавной властью²⁰. Со временем в полный титул русского царя было внесено добавление: государь «Иверской земли Грузинских царей и Кабардинской земли, Черкасских и Горских князей»²¹. По мнению Е.В. Пчелова, поводом для включения кавказских объектов в титул русского царя (1589 г.) послужило стремление русских дипломатов «завысить могущество и влияние Московского царства на Востоке» в глазах Священной Римской Империи. Но это мало соответствовало действительности²².

Кабардинские князья охотно заключали шертные соглашения, рассматривая свои отношения с Москвой в качестве союзнических. «В их глазах было естественным право на смену коалиций и союзников»²³. Добросовестное выполнение обязательств определялось как личными моральными качествами того или иного князя, так и совпадением интересов на конкретном этапе взаимоотношений. Могли иметь место и двусмысленное изложение фраз присяги, и недомолвки, не составлявшие «по их понятиям прямого клятвopеступления»²⁴. Кроме того, не все речевые обороты кабардинцев могли быть адекватно интерпретированы переводчиками и делопроизводителями Русского государства (и наоборот).

Шертные договоры содержали в себе больше номинального и условного, чем реального и долгосрочного. Договоренности, заключаемые Русским государством и Крымским ханством в XVI—XVII вв., также относятся к категории шертных грамот. Ознакомление с данным корпусом источников создает иллюзию перманентно дружественных, добрососедских отношений между странами. Даже нелицеприятные эпизоды в их взаимоотношениях описываются в исключительно вежливых и тактичных выражениях. Хан и царь по отношению друг к другу говорят о непрекращающейся братской дружбе и любви²⁵. В царской переписке с крымским ханом усматриваются задабривание, стремление усыпить внимание, выиграть время. Таким образом,

шертные грамоты, оформлявшие те или иные договоренности, зачастую являлись формами без полного соответствия содержанию. Они не были равнозначны «межгосударственным пактам нового времени, а являлись персональными соглашениями правителей и теряли силу после ухода от власти одного из них, отчего требовали периодического обновления». А формула «учинение в холопстве» в шертных договоренностях, подписываемых кабардинскими князьями, означала, по мнению В.В. Трепавлова, всего лишь внешнеполитическую ориентацию на Русское государство — «и не более того»²⁶.

При том, что формулировка «военно-политический союз», удивившаяся в современном кавказоведении, адекватно отражает характер кабардино-русских отношений до конца XVIII в., данное обозначение, тем не менее, условно и требует пояснений. «Союз возможен между сопоставимыми по военному могуществу и экономическим ресурсам партнерами, а иерархический ранг российских монархов был намного выше статуса адыгских предводителей»²⁷. Исследователи вопроса уточняют, что союз между Русским государством и Кабардой был асимметричным. Выделяются четыре основных признака асимметрии: «1) несоответствие властных полномочий Московского царя и верховного князя Кабарды; 2) практика пожалования царем “больших” князей Кабарды; 3) асимметризм военного присутствия на территории союзного государства и условий обмена “ратными людьми”; 4) односторонность институтов приведения к присяге, аманатства и выезда на службу»²⁸.

Вызывает сомнения правомерность констатации факта существования военно-политического союза Кабарды и Русского государства без уточнения, о какой именно части Кабарды идет речь, и в какой исторический отрезок времени. Темрюк Идаров, обращаясь к Ивану Грозному, номинально говорил от имени всей Кабарды, являясь верховным князем. Фактически же помощь оказывалась его уделу. В дальнейшем это было продемонстрировано строительством укрепленного городка во владениях Темрюка и оказанием ему помощи в борьбе с удельными князьями, придерживавшимися иного политического курса.

Неточными представляются высказывания типа «кабардинский князь такой-то привел на Кабарду крымские войска»; «на помощь к такому-то кабардинскому князю пришли русские войска, выполняя свой союзнический долг». И в том и в другом случае внешние силы вторгались на территорию Кабарды, оказывая помощь одним в ущерб жизни других. В противовес сложившемуся исследовательскому мифу о том, что кабардинских князей в XVI—XVII вв. вынуждала обращаться к Русскому государству за военной помощью перманентная внешняя агрессия, источники свидетельствуют о том, что первоочередная борьба с привлечением внешних сил в это время шла внутри самой Кабарды. Так, например, в ответной грамоте из Посольского приказа, отправленной Алегукке Шогенукову и его родственникам (1640 г.), с прямой угрозой отмечается, что, если князья Казыевой Кабарды не исправятся, не будут служить Русскому государству, не отдадут разграбленное имущество Кельмамету Куденетовичу и другим и пойдут служить мусульманскому царю, то русская сторона разорит удел²⁹.

Тезис о военно-политическом союзе Кабарды и Русского государства — это исследовательская конструкция, не претендующая на всестороннее освещение многогранной исторической реальности, требующая уточнений, пояснений и оговорок. Тем не менее, на современном этапе она служит наиболее адекватной формой презентации характера отношений и статуса сторон в изучении кабардино-русских связей. Форма отношений, сложившихся между Русским государством и Кабардой, не ограничивала самостоятельности и независимости последней, так как в противном случае данные связи были обречены на быстрый разрыв. При этом кабардинские князья не могли действовать без оглядки на интересы России в регионе. Это в известной степени сужало круг альтернативных действий кабардинской правящей элиты на международной арене, но не мешало построению кабардинской государственности.

В исследовании проблемы характера взаимоотношений Кабарды и Крымского ханства и статуса сторон в отечественном кавказоведении еще не перестали использовать оценочную лексику негативного характера. Указывается на постоянную «угрозу крымско-турецкой военной и политической экспансии», на то, что «в отличие от московских царей, турецкие султаны и крымские ханы не хотели видеть в Кабарде (в Черкесии в целом. — Ю.А.) равноправного политического партнера и стремились к установлению полного господства над адыгами для получения ежегодной дани³⁰. В отношении первой части высказывания можно сказать, что не все части Кабарды и не всегда подвергались угрозе экспансии или реальной экспансии со стороны Крымского ханства. Вторая часть высказывания тоже достаточно спорная, учитывая асимметричный характер союза Кабарды и Русского государства. Конечным итогом соперничества в Кабарде как для Крымского ханства, так и для Русского государства должно было стать установление более или менее прочного контроля над рассматриваемой территорией для продвижения своих интересов. В отличие от Москвы стратегия Бахчисарая опиралась больше на «кнут», чем на «пряник». Можно предположить, что именно «мягкие», дипломатические методы Москвы обеспечили упрочение ее позиций в регионе, что, однако, не должно заслонять конечной цели действия в регионе Русского государства и Крымского ханства — установления контроля, а со временем и господства.

Несмотря на наличие определенных трудностей в изучении характера связей Кабарды и Крымского ханства, значительная работа по опровержению тенденциозных подходов к проблеме была продемонстрирована авторами издания «Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века. Исследования и материалы». В статьях Б.Х. Бажнокова, Дж.Я. Рахаева, А.В. Кушхабиева, Т.Х. Алоева, З.А. Цевой³¹ представлено, по сути, новое видение сложных и многогранных кабардино-крымских отношений, не страдающее однобокостью и упрощенностью. Если попытаться кратко изложить основные положения, выдвигаемые и защищаемые авторами, то они выглядят следующим образом: 1) нет никаких сомнений в том, что Крымское ханство стремилось упрочить свой контроль над Кабардой разными методами; 2) военный метод упрочения позиций Крымского ханства мог быть успешно реализован только в случае ее

проявления в качестве помощи одной из борющихся внутри Кабарды княжеских группировок, в противном случае неоспоримый военный потенциал кабардинской аристократии во главе с князьями становился фактором, исключающим успех крымских предприятий; 3) немаловажным аспектом укрепления позиций Крыма в стране являлось установление родственных уз между кабардинскими князьями и крымскими ханами как посредством аталычества, так и через заключение браков; 4) история кабардино-крымских отношений была наполнена не только негативным опытом нашествий и опустошений, но и позитивными эпизодами союзничества для достижения конкретных целей; 5) в то время как крымские ханы старались извлекать свою выгоду из внутрикабардинских противоречий, борющиеся внутри Кабарды силы также не упускали случая воспользоваться поддержкой Крымского ханства, не позволяя ей, однако, установить свое господство над Кабардой, чреватое потерей независимости; 6) основным аргументом крымских ханов и сановников, призванным подтвердить подданство кабардинцев по отношению к Крыму, являлся факт выплаты ими «дани»; 7) при этом крымские ханы вынуждены были напоминать о необходимости выдачи «дани» кабардинцами при помощи демонстрации силы, что исключает элемент признания законности и обязательности «дани» кабардинской стороной, то есть это не было устоявшимся порядком выплаты регулярных налогов подданными; 8) сами кабардинцы отказывались видеть в «дани» что-либо кроме «подарков», отправляемых ими добровольно крымским ханам при восшествии на престол; 9) в сознании крымских ханов, живущих в обществе с традиционным укладом, дары, не носящие постоянного и обязательного характера, со временем превращаются в обязательные и регулярные подношения; 10) кабардинские князья также жили в обществе с традиционным укладом и, со своей стороны, понимая, что все нерегулярное и необязательное со временем станет регулярным и обязательным, упорно использовали по отношению к отправляемым к крымским ханам подношениям обозначение «подарок»; 11) крымские ханы пытались приравнять к дани и штрафы, взимаемые с кабардинцев за совершенные против них правонарушения и одновременно увеличивать эти штрафы по собственному произволу в одностороннем порядке; 12) подобные требования, противоречащие, по мнению кабардинцев, традиционным установлениям, отмечались даже с угрозой для жизни и мирного сосуществования; 13) время от времени крымские ханы требовали участия кабардинских вооруженных сил в разнообразных конфликтах на стороне Крыма; 14) кабардинские князья часто отклоняли и подобные требования, ссылаясь на разные обстоятельства, если данные походы не соответствовали их интересам, либо могли навредить им; 15) притязания Крыма по отношению к Кабарде были декларативными и при наличии у последней серьезного военного потенциала односторонние заявления ханства не соответствовали реальному положению вещей.

Свои притязания на верховенство над Кабардой Крымское ханство постулировало, исходя из двух положений. Во-первых, крымские ханы считали себя наследниками золотоордынских ханов, имевшими все основания рассчитывать на следование традиционной форме выражения иерархической субординации и на получение ежегод-

ного сбора налогов, принятых в Джучиевом улусе ³². Во-вторых, Крымское ханство (особенно после того как в 1475—1479 гг. над ним утвердилось османское владычество ³³) было достаточно уверено в людских и материальных ресурсах, чтобы считать для себя приемлемым и необременительным навязывание господства при помощи силы как адыгам вообще, так и кабардинцам в частности.

В.Д. Смирнов цитирует сообщение турецкого историка Джевдета, писавшего, что «к Высокой Двери прибыл человек от бека племени Бесленей, Кызылбека, по имени Хаджи-Исмаил, да человек от бека племени Тимур-Кой, Арслан-бека, по имени Хаджи-Мухаммед (свидетельство описывает события конца XVIII в. — Ю.А.) и заявили следующее: “Кабарда”, сказали они, “и другия черкесския племена суть старинные слуги Высокой Державы: они вплоть до времен султана Баязида Вэли состояли на службе в военное и мирное время под именем конницы. Потом, когда Коджа-Хаджи-Герай-хан (Смирнов уточняет, что в годы правления Баязида II (1480—1512 гг.) с ним мог встречаться не Хаджи-Гирей, а его сын Менгли-Гирей. — Ю.А.) при свидании с Баязид-ханом, попросил его, чтобы означенныя племена находились на службе у него, то последовало соизволение на его просьбу, и с тех пор упомянутыя племена стали находиться на службе Крымских ханов”» ³⁴.

По мнению Смирнова, в источнике иллюстрируется начало (официально санкционированное Османской Империей) и характер взаимодействия Крымского ханства с кабардинцами. В тексте говорится о военной службе без упоминания распространения власти Порты либо Крыма на внутривнутриполитические и внешнеполитические процессы. Речь идет о привлечении военного потенциала черкесов, которым было необходимо наличие сильных покровителей. Порты и Крымское ханство и в дальнейшем возлагали определенные надежды на жителей Северного Кавказа, и Кабарды в частности, в борьбе с Ираном. Архивные источники свидетельствуют о том, что представители Крыма приезжали в Кабарду с призывами собирать вооруженные силы для похода на Шахову землю, на Русь либо еще куда-то. Призывы подкреплялись тем, что принято в русских источниках называть «жалованьем», подарками для кабардинских князей и влиятельнейших дворян ³⁵. В отношениях с Крымским ханством, таким образом, наблюдалось не только требование «дани» с кабардинцев, но и одаривание кабардинцев, которого не требовалось бы в случае безоговорочного господства Крыма над Кабардой. Карл Пейсонель отмечал, что «хан не может вербовать войска у черкесов, но когда ему нужно поддерживать какую-нибудь войну, он спрашивает у беев некоторое число людей для поддержки: они дают ему их или отказывают, смотря по тому, какие у них намерения по отношению к ним» ³⁶.

Любые военные предприятия крымских сил на территории Кабарды без санкционирования и поддержки хотя бы части кабардинских князей были обречены на провал. Это объяснялось, наряду с прочим, наличием достаточно ощутимого расстояния между Кабардой и Крымом, не позволявшего ханам своевременно восполнять потери в людских и материальных ресурсах ³⁷. Эмиддио Д’Асколи (1634 г.) писал, что татары «также воздерживаются ходить в Чиркасию, потому что там очень воинственный народ. Хан отправляется туда лишь в

том случае, когда какой-нибудь знатный черкес позовет его на помощь, дабы мстить врагу своему, другому могучему князю... Когда двое ссорятся, третий радуется, иначе татарину было бы мало выгоды от черкесов»³⁸.

Смирнов указал на то, что черкесы «искони причислялись к подданным Крымских ханов, хотя эта зависимость никогда не выражалась в определенных и правильно организованных формах практического осуществления ханской власти над землями, лежащими вне пределов Крымского полуострова»³⁹. Османский автор конца XVII в. Гезар-Фенн описывал данное положение вещей так: «Крайний предел черкесов, обитающих в Таманском округе, куда назначаются от Высокой Державы судьи, составляют черкесы Жанэ: у них еще действуют вообще постановления шариата. Брать из них невольников не позволительно. А от Жанэ вплоть до черкесов Кабарды — это места войны; брать у них пленников позволительно. В таком-то своем состоянии они из страха покоряются ханам, так что, говоря: “Пусть только он не воюет против нас”, ежегодно его величеству хану, калге, и нур-эд-дин-султану приподносят черкесских невольников под именем подарка, потому что райя, обитающие в их деревнях, составляют собственность их беков. Когда его величество хан потребует от их беков войска, то они присылают его достаточное количество. Когда у ханов рождаются дети, то они берут их к себе на воспитание и, чтобы этим выказать свою покорность, воспитывают их до зрелого возраста, так что некоторые ханычи живут там до тех пор, пока у них не начнет расти борода... По достижении зрелости этот ханыч почитает своего аалыка точно как отца родного. Если воспитанный таким образом ханыч достигает через Высокую Державу властительства, то он употребляет все старания к тому, чтобы своего аталыка и эмельдеша (молочного брата. — Ю.А.), в признательность, обогатить пред всеми прочими»⁴⁰. Несмотря на то, что приведенный отрывок в целом правильно описывает характер взаимоотношений Кабарды и Крымского ханства, все же необходимы уточнения. Во-первых, не всегда по первому же требованию хана кабардинцы выставляли необходимое количество вооруженных людей. Во-вторых, крымская сторона не могла по своему произволу, в одностороннем порядке увеличивать количество «невольников». Ксаверио Главани писал, что Черкесия «ни от кого не зависит и состоит под покровительством крымского хана, насколько сама признает это для себя удобным; в случае предъявления им каких-либо чрезвычайных требований отвергает их без стеснения»⁴¹. Карл Пейсонель пояснял, что «черкесы должны скорее рассматриваться как данники, чем подданными крымского хана... Хан не получает никакого дохода с этих земель, ни с подданных Черкесии; они платят ему только при его восшествии на престол подать, которая состояла из 300 рабов»⁴². В источниках нашло отражение нежелание кабардинцев без боя и безропотно отдавать какое-либо имущество, превышавшее традиционно принятые размеры «подарка». Кроме всего прочего, крымским ханам приходилось напоминать кабардинцам о так называемой «дани» при помощи демонстрации силы⁴³.

Смирнов обращал внимание на то, что крымские ханы, находясь в родственно-дружественных отношениях с одними «черкесскими

племенами», враждовали с другими. В первую очередь, крымские ханы оказывали давление на кабардинцев, упорно не желавших признавать свою политическую зависимость от Крымского ханства, но и не отказывавшихся предоставлять «подарки», вымогаемые у них. «Не довольствуясь данью, которую платили кабардинцы невольниками каждому новому хану под именем “подарка”, “приходного”, или в разное время под именем “погрешного”, ханы, увлекаемые жадой еще большей наживы, делали беспрестанные набеги на бедных черкесов, придираясь ко всякому случаю и не взирая на явную покорность их. Впрочем иногда эти набеги не дешево обходились Гераям, и некоторым они стоили даже жизни... Случалось и так, что в критические моменты члены Герайской фамилии, даже сами ханы, искали убежища у тех самых черкесов, на которых они в другое время нападали по самым ничтожным поводам». Таким образом, Смирнов делает вывод о «призрачности» зависимости черкесов от Крымского ханства ⁴⁴.

В соответствии с информацией, содержащейся в источниках, единственным материальным выражением зависимости кабардинцев от Крыма являлись «подарки», отправляемые хану при его восшествии на престол. Кабарда и Крымское ханство по-разному понимали сущность выплачиваемой кабардинцами «дани». Кабардинцы, отправляя добровольно «подарки» крымскому хану, исключали вероятность потери своей независимости. Получение же крымскими ханами «дани» являлось в их глазах подтверждением зависимости от них Кабарды.

Крымские ханы фактически никак не посягали на систему власти традиционного кабардинского общества, на управленческие права кабардинских князей (как внешнего, так и внутреннего плана). В письме Асланбека Кайтукина, а также других кабардинских князей и дворян к Петру Алексеевичу с просьбой возвратить и не принимать в будущем их беглых «работных и пахотных» людей, отмечается следующее: «...подданные наши пахотные люди многие для своей свободы от нас убегают в Терки и в Астарахань и крестятся, и когда мы оных требуем назад, и нам их не возвращают. Да за таких беглых наших и с крымцами ссоры и брань чинитца, а наипаче за то, что они и насильно у нас людей отнимают» ⁴⁵. Таким образом, кабардинская аристократия во главе с князьями была обеспокоена, в первую очередь, фактом насильственного отъема у них значительного количества людей, подданных, а не возможным утверждением власти крымских ханов над Кабардой с последующим внесением соответствующих корректив в работу системы власти, с учреждением крымских административных органов на местах. Изучение источников, иллюстрирующих утверждение российской администрации в Кабарде, демонстрирует ясное понимание князьями, чего они лишаются и после каких нововведений российского правительства. Кабардинские князья, управляя Кабардой, обладавшей, как и всякий этносоциальный организм, этнической, территориальной, экономической, социальной, потестарно-политической общностью, внимательно наблюдали за тем, чтобы степень нарушения регулируемой ими целостности не превысила допустимые пределы, угрожая независимости страны.

Исследование отношений и статуса сторон во взаимодействии Кабарды как с Русским государством, так и Крымским ханством с

применением критериев подданства, разработанных отечественными исследователями, показывает, что Кабарда не являлась составной частью ни одного из обозначенных государств. Но специфика реализации княжеской власти в Кабарде (родовой сюзеренитет Иналовичей над Кабардой) и особенности функционирования системы власти традиционного кабардинского общества предопределяли наличие широких возможностей у соседних государств для вмешательства во внутрикабардинские дела. Зачастую главным фактором победы в междоусобных столкновениях являлись помощь княжеским группировкам со стороны внешних сил.

Все правила на территории Кабардинской политики были установлены исключительно внутри страны без диктовки внешних сил. В Кабарде также существовал определенный порядок общения и взаимодействия с международным сообществом, предполагающий возможности игры на противоречиях более сильных соседей и отсутствии «вечных» договоренностей с ними. Признание первенства того или иного монарха соседнего государства имело силу только до определенного момента и только в случае наличия возможностей извлечения известной выгоды из подобных асимметричных договоренностей.

Присутствие интересов Русского государства и Крымского ханства в регионе предопределяло невозможность их игнорирования и необходимость осуществления самостоятельных действий и принятия самостоятельных решений с оглядкой на реакцию России и Крыма. Таким образом, отсутствие централизованного государства и множественность асимметричных внешних связей отчасти сужало круг возможных альтернативных действий управителей традиционного кабардинского общества в решении внешнеполитических задач.

Л.Е. Гринин склоняется к тому, что суверенитет в ранних государствах необходимо понимать существенно иначе, чем в зрелых государствах. Суверенитет в ранних государствах может быть нерасчлененным и множественным. В своем определении раннего государства Гринин использует в качестве альтернативы слову «суверенность» обозначение «автономность». В его понимании суверенность является совершенно необходимой характеристикой только для зрелых государств⁴⁶. Суверенитет Кабарды, не являвшейся ни развитым, ни зрелым государством, не может в полной мере соответствовать определению государственного суверенитета вообще. Вероятнее всего, в случае с Кабардой наблюдается раннегосударственный, неполный, множественный суверенитет, который все же является достаточным для развития раннегосударственной формы институционализации власти. Для Кабарды XVI—XVIII вв. особенно актуально разграничение условной, номинальной зависимости от соседних держав и ее фактической, реальной независимости. В каждом отдельном случае необходимы оговорки, иллюстрирующие номинальное и реальное во взаимоотношениях Кабарды с внешним миром без игнорирования самоопределения и самоощущения традиционного кабардинского общества, с одной стороны, и обосновывающихся какими-либо соображениями притязаний Русского государства и Крымского ханства — с другой.

1. ХОТКО С.Х. Восточное Закубанье в контексте этносоциальной и демографической истории Черкесии. Бесленей — мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII—XIX вв. Сб. документов и материалов. Майкоп. 2009, с. 8.
2. Там же; АЛОЕВ Т.Х. К вопросу о международно-правовом статусе Кабарды в начале XVIII в. — Исторический вестник. 2005, вып. I, с. 3—28; ЕГО ЖЕ. К вопросу о содержании и характере внешнеполитических связей Кабардинского княжества и Московского государства во второй половине XVI века. — Исторический вестник. 2007, вып. V, с. 214—225; ЕГО ЖЕ. Факторы резистентности Большой Кабарды военному натиску Крымского ханства (вторая четверть XVII — первая треть XVIII в.). В кн.: Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века. Исследования и материалы. Нальчик. 2008, с. 186—219.
3. ХОТКО С.Х. Ук. соч., с. 11, 25.
4. МАЛЬБАХОВ Б.К., ДЗАМИХОВ К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI — конец XVIII в.). Нальчик. 1996, с. 18—21.
5. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик. 2007, с. 57.
6. ТРЕПАВЛОВ В.В. «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность. — Вопросы истории. 2007, № 11, с. 157—160.
7. ДЗАМИХОВ К.Ф. К проблеме взаимоотношений адыгских народов с Российским государством в XVI — первой половине XVIII века: историографический и политико-правовой анализ. В кн.: Народы Северного Кавказа и Россия (к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии с Россией). Материалы Всероссийской научной конференции (Нальчик, 18—21 октября 2007 г.). Нальчик. 2007.
8. ЕГО ЖЕ. Исторический опыт политико-правовой регламентации русско-адыгских отношений: анализ документов XVI—XVIII вв. — RES PUBLICA. Альманах социально-политических и правовых исследований. Нальчик. 2001, вып. 2, с. 11.
9. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб. 1869, с. 24—49.
10. БЕЛОКУРОВ С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578—1613 гг. М. 1889, с. 47—51.
11. Там же, с. 47—51.
12. Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (Архив КБИГИ), ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 89.
13. Там же, л. 108.
14. Там же, д. 8, л. 153—155, 270—271.
15. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР), ф. Р-1209, оп. 6, д. 32, л. 1—2.
16. Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 1, д. 8, л. 445—448.
17. Там же, д. 7, л. 380—384.
18. Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. (КРО). Документы и материалы. Т. 1. М. 1957, с. 181—183.
19. Там же, с. 185, 190.
20. БОРОВ А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). Нальчик. 2007, с. 26.
21. БЕЛОКУРОВ С.А. Ук. соч., с. 57.
22. ПЧЁЛОВ Е.В. Кабардинская земля в царском титуле и русской государственной геральдике XVI — начала XX века. Нальчик. 2007, с. 40—41.
23. БОРОВ А.Х. Ук. соч., с. 26.
24. Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 1, д. 36, л. 63.
25. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI—XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел, ф. Лашкова. Симферополь. 1891.
26. ТРЕПАВЛОВ В.В. Ук. соч., с. 157.

27. Там же, с. 158.
28. История многовекового содружества..., с. 67.
29. Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 1, д. 11, л. 410.
30. БГАЖНОКОВ Б.Х. Историческое значение Канжальской битвы. В кн.: Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века. Исследования и материалы. Нальчик. 2008, с. 10, 12.
31. ЕГО ЖЕ. Ук. соч., с. 9—50; РАХАЕВ ДЖ.Я. Проблема дани в системе социально-политических отношений Крымского ханства и Кабарды в XVI — начале XVIII века. В кн.: Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века, с. 116—153; КУШХАБИЕВ А.В. Некоторые аспекты Кабардинско-крымской войны 1707—1708 годов. Там же, с. 175—185; ЦЕЕВА З.А. Адыго-крымские военные конфликты: причины, формы, последствия. Там же, с. 220—239; АЛОЕВ Т.Х. Факторы резистентности Большой Кабарды..., с. 186—219.
32. РАХАЕВ ДЖ.Я. Ук. соч., с. 124.
33. НЕКРАСОВ А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV — первая половина XVI в.). М. 1990, с. 53.
34. СМИРНОВ В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб. 1887, с. 247.
35. Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 1, д. 8, т. 1, л. 221—225, 284—286; д. 12, л. 95—100; ДЗАМИХОВ К.Ф. Адыги: веки истории. Нальчик. 2008, с. 583—584.
36. ПЕЙСОНЕЛЬ К. Трактат о торговле на Черном море. В кн.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов (АБККККК) XIII—XIX вв. Нальчик. 1974, с. 200.
37. Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 270; КРО, т. 2, с. 161.
38. Д' АСКОЛИ Э. Д. Описание Черного моря и Татарии (1634 г.). В кн.: АБККККК, с. 63.
39. СМИРНОВ В.Д. Ук. соч., с. 347.
40. Цит. по: Там же, с. 347—348.
41. ГЛАВАНИ К. Описание Черкесии, составленное Ксаверио Главани, французским консулом в Крыму и первым врачом хана в Бахчисарае, 20 января 1724 г. В кн.: АБККККК.
42. ПЕЙСОНЕЛЬ К. Ук. соч., с. 199.
43. ДЗАМИХОВ К.Ф. Кабарда и Россия в политической истории Кавказа..., с. 562—563.
44. СМИРНОВ В.Д. Ук. соч., с. 349—350, 717.
45. Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 1, д. 8, т. 1, л. 342.
46. ГРИНИН Л.Е. Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. М. 2010, с. 167.

О посольстве генерала А.П. Ермолова в каджарском Иране

Н.Р. Гезалова

Аннотация. Статья представляет собой подробное исследование дипломатической деятельности главнокомандующего русской армией на Кавказе (1816—1827) генерала А.П. Ермолова в ходе его посольства в Иран. Из всех посольств, когда-либо отправленных из России в Иран, посольство ген. Ермолова было самым значимым как по своему составу, так и по денежным затратам. Это посольство было направлено к каджарскому двору с целью закрепления за Россией земель, отошедших к ней по Гюлистанскому трактату, и ослабления влияния англичан в Иране путем установления постоянных дипломатических отношений с этой страной. В статье дается оценка дипломатическим шагам генерала Ермолова с целью налаживания русско-иранских отношений и воплощения в жизнь условий Гюлистанского мирного договора.

Ключевые слова: Иран, Гюлистанский договор, генерал Ермолов, Аббас-Мирза.

Abstract. This article is a detailed study of diplomatic activity of the Commander-in-chief in the Caucasus A.P. Yermolov (1816—1827) during the period of his being as ambassador to Iran. From all embassies ever sent from Russia to Iran the embassy of General Yermolov's was undoubtedly, the most prominent both for its staff, and for money spent on it. This embassy sent to the Qajar's court for the purpose of retention of the lands ceded to Russia under the Gyulistan treaty and weakening the British influence in Iran by establishing the continuous diplomatic intercourse. In the article there given an assessment to search for improving the Russian-Iranian relations and realization the terms and conditions of the Gulistan peace treaty.

Key words: Iran, Gulistan treaty, general Yermolov, Abbas Mirza.

Источниковую базу исследования составляют ценные сведения из сохранившихся записок и воспоминаний, как самого генерала А.П. Ермолова ¹, так и других участников его посольства: советника посольства А.Е. Соколова ², чиновника посольской канцелярии В. Бороздна ³, офицера Квартирмейстерской части, штабс-капитана Коцебу ⁴. В работе использованы материалы изданных П. Берже Актов Кавказской Археографической Комиссии (АКАК), а также ряд других источников, описывающих деятельность российского чрезвычайно-

---

Гезалова Нигяр — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана. E-mail: nigar22@gmail.com.

Gezalova Nigyar — PhD in history, leading researcher at the Institute of History named after A.A. Bakikhanov NAS. Azerbaijan. E-mail: nigar22@gmail.com.

го посольства, отправленного в 1817 г. императором Александром I к Фетх Али-шаху с целью окончательного урегулирования с каджарским правительством Ирана вопроса о разграничении владений на основании заключенного с Россией в 1813 г. Гюлистанского трактата. Эти источники содержат подробные сведения не только о политическом, но и об экономическом и социально-культурном положении Ирана этого периода. Несомненную ценность представляют также сведения о военном положении Ирана, о внутриворцовых расправах, о дипломатическом этикете того времени и т.д. История иранской миссии Ермолова чрезвычайно любопытна также с точки зрения определения степени влияния культурно-цивилизационных различий на ход дипломатических переговоров ⁵.

В течение почти трех десятилетий, начиная с начала XIX в., каджарский Иран упорно и настойчиво боролся с Россией за господство на Южном Кавказе. Эту борьбу стремились использовать в своих целях Англия и Франция, соперничавшие между собой за влияние на Ближнем Востоке. Особенную активность проявляла Британская империя, которая свои истинные намерения преподносила как попытку противодействовать созданию угрозы своей богатейшей колонии — Индии. Английские и французские обещания о содействии не способствовали успеху военных операций шахских войск в ходе русско-иранской войны 1804—1813 годов. Следует заметить, что после первой русско-иранской войны Франция оказалась на время выведенной за пределы геополитических баталий в южнокавказском регионе. Несмотря на договоры 1801 и 1809 гг. надежды Ирана на английскую помощь не оправдались. Дело в том, что Англия одновременно была союзницей России по антифранцузской коалиции и не хотела обострять с ней отношения.

Первая русско-иранская война 1804—1813 гг. закончилась поражением Ирана и 24 октября 1813 г. в селение Гюлистан ⁶ был подписан мирный договор. Хотя после этого военные действия прекратились, однако напряженность в отношениях двух стран сохранилась. Причиной этого были спорные вопросы, связанные с нечеткостью интерпретации сторонами статей договора, касающихся, в частности, границ ханств, которые перешли под покровительство России. Кроме того, существовали неясности относительно положения Лянкаранского (Талышского) ханства, которое стороны толковали по-своему. Еще до заключения Гюлистанского договора каджарское правительство включило в договор так называемый особый «сепаратный акт», в котором выговорило себе право просить российского императора возвратить Ирану некоторые из завоеванных земель.

Сразу же после заключения Гюлистанского договора Англия, с целью создания оборонительного союза для борьбы против российской экспансии на Южном Кавказе, поспешила заключить новое англо-иранское соглашение. В ноябре 1814 г. британский посол Оузли добился ратификации договора, подписанного с шахскими властями в 1809 г. его предшественником Харфордом Джонсом. Основным смысл этого «окончательного», или Тегеранского, договора 1814 г. ⁷, по признанию П. Сайкса, «сводился к констатации того факта», что «афганская и французская угроза Индии исчезла, ее место заняла русская угроза» ⁸. Одновременно с дипломатической активностью в Иране

британские агенты развернули кипучую деятельность по реорганизации вооруженных сил этой страны. Под наблюдением английских инструкторов проводилась подготовка «новой армии», или «*nizam-i jadid*», по европейскому образцу. Данные российской разведки свидетельствовали, что весной 1817 г. в распоряжении каджарского государства находилось 32-тысячное войско, и подготовка новых солдат продолжалась. Параллельно с отбором пехоты в 1817 г. началось обучение новой кавалерии ⁹.

Каджарские правящие круги, среди которых был главнокомандующий и наследник престола Аббас Мирза, были преисполнены реваншистских стремлений. По мнению российских источников, англичане «поддерживали воинствующую партию и поощряли мечты наследника престола о победоносной войне» ¹⁰.

Заключение Бухарестского договора с Турцией (1812) ¹¹ и Гюлистанского договора с Ираном (1813), а также разгром армии Наполеона усилили влияние России на Ближнем Востоке, что привело к углублению англо-русских противоречий. Гюлистанский мир не разрешил русско-иранских противоречий. Иран был недоволен условиями договора, стремился к его пересмотру и восстановлению довоенных границ. «Царская Россия тоже не была удовлетворена Гюлистанским договором, потому что рассчитывала установить границу по Араксу и завершить присоединение всего Закавказья» ¹². Опираясь на так называемый «сепаратный акт» Гюлистанского договора, по которому Иран имел право просить российского императора о возвращении ему некоторых из завоеванных земель, в Петербург для переговоров было отправлено посольство Мирзы-Абуль-Хасан-хана ¹³.

20 января 1816 г., то есть месяц спустя после официального приема, состоявшегося по возвращении Александра I в Петербург, шахский посол Мирза-Абуль-Хасан направил министру иностранных дел царской России К.В. Нессельроде (1780—1862) ¹⁴ ноту с призывом к пересмотру Гюлистанского договора, учитывая, что он был «составлен кратко и в общих только чертах», а также ссылаясь на великодушное обещание царя Александра I вернуть шаху часть своих завоеваний ¹⁵. Ссылаясь на этот «сепаратный акт» Гюлистанского договора, каджарский посол выражал уверенность, что российский император возвратит Ирану все земли, отданные по Гюлистанскому трактату, или часть их за денежное вознаграждение, оставив себе только Дагестан и Грузию. «Шах, полагаясь вполне на известную всем доброту и великодушие императора, — убеждал он Нессельроде, — убежден, что не получит отказа в просьбах, столь ничтожных в сравнении с величием души государя. Исполнение желаний шаха упрочить дружбу между двумя державами, и слава его величества, распространившись по всему свету, приобретет еще более блеска» ¹⁶.

В марте 1816 г. Нессельроде передал иранскому послу ответную ноту царского правительства, в которой территориальные притязания Ирана были отвергнуты. В ноте каджарскому правительству напомнили, что русско-иранскую войну 1804—1813 гг. начал Иран, а не Россия. Россия была втянута в нее, защищая свои южные границы, а также интересы добровольно принявшего российское подданство населения Кавказа ¹⁷. Также в ноте отмечалось, что после смерти Ага Мохаммед-шаха и «вследствие бывшего в Персии междоусобия,

разные области, коих присоединение к России персидский шах осознал последним договором, заключенным с ее шаховым величеством, добровольно поступили в ее подданство и сии связи утверждены торжественным с ним постановлением... Ханство Талышинское (Лянкаранское. — *Н.Г.*) также весьма с давнего времени всегда находилось в таком же положении и никогда не соглашалось признать себя в зависимости от Персии; одно только ханство Гянджинское, было покорено силою оружия, можно почесть завоеванным»¹⁸. Поэтому Россия, говорилось в ноте, отклонила необоснованные притязания Ирана на Кавказские области. Однако через несколько дней Мирза-Абуль-Хасан-хан просил, чтобы Россия уступила Ирану хотя бы Лянкаранское, Карабахское и Гянджинское ханства¹⁹.

Не желая обострять и без того напряженные отношения с кавказским Ираном и в надежде на дальнейшие переговоры, Российское правительство обещало, что окончательный ответ даст после тщательного обследования новой пограничной линии и завершения работы специальной дипломатической миссии в Тегеране. К тому же, значимость кавказского направления во внешней политике России была в тот период не столь велика, и оно не притягивало к себе такого количества сил и средств, как турецкое. Для России важнее был нейтралитет Ирана в русско-турецких отношениях²⁰.

Для разрешения спорных вопросов 29 июня 1816 г. чрезвычайным и полномочным послом в Иран был назначен генерал А.П. Ермолов²¹, командир Отдельного Грузинского корпуса, наместник в Грузии и главный управляющий гражданской частью в Астраханской и Кавказской губерниях. Генералу Ермолову было поручено, «чтобы он во время своего пребывания в Персии изыскивал все способы, дабы укрепить те дружеские связи, на коих незыблемо должны быть основаны мир и доброе согласие между обоими государствами»²². Он должен был решить вопрос о русско-иранской границе и по возможности склонить Иран к совместному выступлению против Турции. В петербургской инструкции Ермолову подчеркивалось, что «если Иран будет соблюдать нейтралитет, то и Россия будет занимать нейтральную позицию во всех войнах, которые будет вести Иран; Россия будет стремиться к сохранению дружественных отношений с Ираном, но не допустит вмешательства Англии в русско-иранские дела»²³.

В письме Ермолову министр иностранных дел Нессельроде, раскрывая значимость его миссии, писал, что император «не прежде может приступить к какой либо решительности, как получив точное сведение о положении нынешних границ и областей, утвержденных мирным договором за Россию». Поэтому российский император «изволил назначить одного из своих военачальников, удостоенного полною доверенностью Его Императорского Величества, который туда отправится с тем, чтобы обозреть во всей подробности нынешнее положение границ наших, равно как и тех мест, до коих особенно относятся требования его шахова величества»²⁴. При этом Александр I предоставил Ермолову широкие полномочия: он не только должен был представлять интересы России на переговорах, но и имел право самостоятельно определить круг этих интересов.

Более детально инструкции, выданные Ермолову, состояли в следующем: «1). Увериться, нельзя ли в Талышинском (Лянкаранском.

— Н.Г.) и Карабахском ханствах найти средство к удовлетворению домогательств Персии в возвращении ей некоторых земель, отошедших к России по Гюлистанскому договору, чрез проведение новой черты границ, и получение, во взаимство того, других выгод. 2). Открыть торговые конторы в Энзели, а особенно в Астрабаде. 3). В вопросе о признании Аббас-Мирзы наследником престола держаться политики Англии, которая, хотя и дает ему титул наследника, но не принимает на себя никакого в том ручательства. 4). Заключить с Персией такое постановление, по которому она, со своей стороны, обязалась бы наблюдать наистрожайший нейтралитет, во взаимство чего Россия обязалась бы оставаться совершенно безучастной во всех войнах, кои Персия вести будет с сопредельными ей или иными государствами ²⁵. 5). Остановить перевес английского влияния в Персии, ослабить оное неприметным образом и, наконец, вовсе истребить его. 6). Расположить Персию, для ее блага, к миру с Россией. 7). Собрать подробные сведения о правлении сей земли и ее способах, о ее статистике и топографии, а также о состоянии и силе войск ее, и 8). По отъезде из Тегерана учредить там всегдашнюю миссию ²⁶» ²⁷.

Как было сказано выше, после Гюлистанского мира Россия была заинтересована в сохранении мирных отношений с Ираном, поскольку во внешней политике была занята Восточным вопросом, а во внутренней — решением тяжелого экономического положения. Ермолову было предписано при переговорах с шахом постараться «утвердить их во мнении, что для блага Персии необходимо нужно ей быть в мире с Россиею и, следовательно, представить нам все то, что по трактату следует; наблюдать тщательно, чтобы дружественные сношения укрепились и избегать всего, что может нарушить их...» ²⁸ Для расширения торговли между Россией и Ираном Ермолов должен был добиться разрешения открыть в Иране торговые общества и конторы, а также построить караван-сарай. Иранские представители не соглашались на постройку караван-сарая под предлогом того, что через некоторое время они могли превратиться в крепости, как это случилось с английскими конторами в Бендер-Бушире. Поэтому послу предстояло убедить кадjarское правительство в отсутствии таких намерений у русского правительства.

Кроме того, Ермолов должен был разведать количество находящегося в обращении золота и серебра; приобрести достоверные сведения о числе ханств, городов, селений, дорогах, особенно, ведущих в Индию, Бухару и Хиву; о соседних с Ираном землях и их взаимоотношениях с Ираном и т.д. ²⁹ Это было связано с тем, что кроме политических противоречий, между Британией и Россией обострились и торговые противоречия в Иране. Экспорт товаров из Ирана в Индию намного превышал иранский экспорт в Россию ³⁰. Россию не могло не беспокоить, что английские товары наводняли кадjarские рынки, в то время как экспорт русских товаров через Кавказ и Астрахань был значительно сокращен ³¹. В инструкции Ермолову российский император особо подчеркивал: «Сколь ни тесны мои сношения с Великобританским правительством, я не могу, однако же, равнодушно видеть, чтобы власть его усиливалась в соседнем мною государстве, о котором, по необходимости, я должен стараться, чтобы оно не было подвержено постороннему европейским державам влиянию» ³². Далее

Александр I отмечал: «Англия естественно должна желать, чтобы все виды и помышления Персидского правительства были обращены к северу и будет возбуждать в нем против нас подозрения, дабы отвлечь его внимание от юга. Меня не занимают замыслы, чтобы посредством Персии потрясти власть Британии в Индии и, следовательно, я неоспоримое имею право стараться всеми мерами, дабы остановить действие такой системы, которая со временем легко обратиться может и к той цели, чтобы вредить моим владениям на Кавказе»³³. В дополнительной статье к инструкции император поручил Ермолову для принятия взвешенного решения определенное время провести в Грузии, исследовать обстановку на месте и только после этого ехать в Тегеран³⁴.

Прибыв в Грузию, Ермолов отправил на иранскую границу штабс-капитана Н.Н. Муравьева (будущего генерала Муравьева-Карского, 1794—1866), чтобы на основе его докладов решить, какие уступки каджарскому правительству приемлемы³⁵. Во всеподданнейшем рапорте к государю императору от 9 января 1817 г. (отправленном с фельдъегерем Лангом) Ермолов пришел к заключению о невозможности возвращения требуемых Ираном земель³⁶. Основываясь на докладах Муравьева и на собственных наблюдениях, командующий русскими войсками на Кавказе доложил Александру I, что, с точки зрения безопасности границ империи, целесообразна только передача Лянкаранского ханства, но и его передавать нельзя, потому что хан Лянкарани в течение двадцати последних лет проявлял подавляющую преданность российской короне³⁷. Ермолов писал царю, что Иран собирает большое количество войск на границе, восстанавливает старые крепости и строит новые. Он утверждал, что войны желают и жители приграничных земель Ирана, так как в это время правительство, опасаясь измены и бунта, не собирает с них налоги. Кроме того, Ермолов указывал, что война выгодна и каджарским сановникам, которые таким образом «удовлетворяют корыстолюбию своему, расточая казну шахскую».

Ермолов предполагал, что англичане, используя свое влияние, спровоцируют новую войну, «дабы Персия не обратила внимания своего на беспокойства в Индии, а более опасаясь, чтобы мы недружественным с нею связям не заставили ее на них оглянуться»³⁸. Ермолов предлагал императору не уступать Ирану никаких территорий, объясняя это тем, что «граница... при малейшем изменении будет еще труднейшею к обороне и всегдашнее повлечет беспокойство». Генерал считал, что Иран со временем «должен будет понять потерю областей», расположенных между Россией и Араксом, и предполагал, что «первая война должна отдать их в наши руки. До того не будет твердой и покойной со стороны Персии границы»³⁹. После этого рапорта Ермолов получил депешу от графа Нессельроде с предложением отложить свое посольство, которое планировалось начать в начале марта, до получения подробных инструкций⁴⁰. Наконец, 2 апреля была получена депеша графа Нессельроде от 13 марта 1817 г., которая утвердила предложения Ермолова о невозможности возврата любых земель Ирана, и позволила генералу отправиться в Тегеран. Единственно возможной территориальной уступкой в Петербурге считали Талышское (Лянкаранское) ханство, которое Александр I был

готов признать независимым, но не допускал возможности перехода этого государственного образования под покровительство Ирана ⁴¹.

Предварительно в Иран была направлена группа чиновников с целью обговорить и решить технические вопросы предстоящего посольства. Сначала Ермолов послал статского советника А.Ф. Негри (1784—1854), а когда тот тяжело заболел в пути — коллежского советника С.А. Мазаровича (?—1852). Подробные письма Мазаровича к Ермолову содержат ценную информацию о внутривосточной обстановке в Иране, ожиданиях каджарских чиновников, связанных с прибытием российского посольства, а также об участии англичан и французов в политической жизни Ирана ⁴². В то время, как Мазарович решал технические вопросы в Иреване, Тебризе и Тегеране, Ермолов получил указание оставаться в Тифлисе до получения новых инструкций из Петербурга ⁴³.

Задачи, поставленные перед Ермоловым, были не из легких. Несмотря на то, что он не имел опыта дипломатических переговоров, тем не менее, он не был новичком в кавказских делах. Ермолов участвовал в персидском походе Валериана Зубова в 1796 г., и этот факт позволил ему избежать оплошностей, неминуемых для первого знакомства с чужой политической и поведенческой культурой ⁴⁴.

Говоря о предстоящей миссии, Ермолов представлял ее себе следующим образом: «Отправляюсь в такую землю, о которой ни малейшего понятия не имею; получаю инструкцию, против которой должен поступать с самого первого шагу, ибо она основана на том же самом незнании о земле. В ней поручено мне поступать по общепринятой ныне филантропической системе, которая совсем здесь не приличествует и всякая мера кроткая и снисходительная принимается за слабость и робость. Еду ко двору, известному нестерпимую гордостью и надменностью, и что везу с собою? Отказ на возвращение областей, которое шах ожидает четыре года... Ко всему тому шах и министерство уверены, что посольство не может быть отправлено с другим намерением, как искать высокого его дружества и с покорностью поднести требуемые провинции» ⁴⁵. Ермолов считал, что дипломатия на Востоке не может вестись так, как в Европе. Неустойчивость центральной власти династии Каджаров давала возможность миссии Ермолова осуществить самые неожиданные политико-дипломатические маневры.

В апреле 1817 г. русское посольство в составе 200 человек во главе с генералом Ермоловым выступило из Тифлиса в Тегеран. 30 апреля посольство встретил Аскер-хан с войском. Аскер-хан, опытный дипломат, который в свое время возглавлял каджарское посольство в Париже, был назначен мехмендаром ⁴⁶, или официальным проводником посольства. Это было проявлением особого уважения к высоким гостям из России ⁴⁷. На пути своего продвижения посольство останавливалось в Эчмиадзине и Иреване ⁴⁸, а 20 мая прибыло в Тебриз ⁴⁹.

Каждый шаг Ермолова от Иревани до Тебриза, где предстояли переговоры с наследником каджарского престола, сопровождался демонстрацией военной силы. «Весьма приметно было, — говорил посол, — что персияне старались показать их как можно более и, сколько умели, в лучшем виде. В городах не оставалось ремесленника, на

которого не нацепили бы ружья, хватали приезжавших на торг персиян и составляли из них конницу, дабы вразумить нас, какими страшными ополчениями ограждены пограничные области Персии. Из благопристойности я только смеялся сему, но не столько смешно было персиянам»⁵⁰. Попытки демонстрации силы Ираном, постоянные военные парады только смешили Ермолова и свидетельствовали лишь о том, насколько поверхностны сведения каджар о России и ее потенциале. С другой стороны, любой, побывавший в Иране в это время, констатировал полный упадок и слабость государственного аппарата. Политическая ситуация в Иране казалась Ермолову настолько шаткой и нестабильной, что он считал, что Россия может открыто вмешиваться в его внутренние дела.

По пути в резиденцию наследного принца в Тебризе состоялась встреча с Аббас Мирзой. Не доезжая семи верст до предместья Тебриза, посольство Ермолова было встречено гвардией Аббас-Мирзы — «встроенные в одну линию, на правом крыле расположены были 42 орудия, потом регулярная кавалерия, далее 18 батальонов регулярной пехоты, а за ними в одну линию персидская и куртинская конница и народная персидская пехота»⁵¹. Во время въезда Ермолова в Тебриз посольство сопровождали английские офицеры — капитан Гарт и поручик Виллок — один, формировавший иранскую пехоту, а второй — кавалерию⁵². Российский посол отмечал, что «английские офицеры Индийской торговой компании, нанимающиеся у персиян учреждать регулярные войска, стояли перед фронтом, некоторые в своих мундирах, другие в угождение персиянам в их овчинных шапках»⁵³. «Они получают весьма хорошую от двора плату и имеют все для жизни удовольствия...»⁵⁴

Торжественный прием, который был организован российскому посольству и который продолжался несколько дней, свидетельствовал об ожидании каджарского правительства, что Россия пойдет на определенные территориальные уступки. Во время переговоров Аббас-Мирза не скрывал, что с сожалением видит в пределах России области Южного Кавказа, отошедшие ей по Гюлистанскому договору, и болезненно реагировал на все возражения Ермолова вернуть их⁵⁵. Аббас-Мирза старался задержать посольство Ермолова в Тебризе, так как шах поручил ему сообщить о конкретных планах Ермолова и разузнать, уполномочен ли он возратить Ирану Карабах и Лянкаран.

Ермолов категорически отказался исполнить принятый при каджарском дворе церемониал, который он считал унижительным для русского посла. Согласно этому церемониалу, человек, входящий к шаху и наследнику иранского престола, обязан был снять обувь у порога и надеть красные чулки. Из-за отказа следовать иранскому этикету Аббас-Мирза принял Ермолова не в комнате, где обычно принимали послов, а перед домом, на каменном помосте внутреннего двора.

Вызывающее поведение Ермолова дало лишний повод для обострения и без того непростых отношений между двумя государствами. После нескольких дней парадов и светских приемов посольство покинуло Тебриз⁵⁶. Возникшая напряженность «была слишком неприятным делом, и Ермолов старался по возможности сократить свое пребывание в Тебризе. Однако известий о том, где и когда шаху угодно будет принять его, не было. Лишь, только двадцать четвертого мая

было получено письмо, приглашавшее посла в летнюю резиденцию шаха в Султание. Ермолов немедленно собрался в путь»⁵⁷. Уезжая, Ермолов через Мирзу Бозорга (главного советника Аббас-Мирзы) сообщил, что «не будучи принятым должным образом, а встретившись с ним (Аббас-Мирзой. — *Н.Г.*) на дворе, он (Ермолов. — *Н.Г.*) не может считать это аудиенцией, а потому не считает себя обязанным с ним прощаться, но впрочем, как с человеком милым и любезным, хотел бы с ним еще раз где-нибудь встретиться»⁵⁸. Это заявление было явной провокацией, но ни правитель Азербайджана, ни его придворные не решились каким-то образом на него отреагировать.

Подождав 21 день прибытия шаха в поселке близ Султание, посольство 26 июля 1817 г. наконец въехало в Султание. Навстречу послу был выслан шахский министр Мирза-Абул-Вахаб, который занимал должность Мотамед ад-Доула (в переводе с персидского «опора государства»). Он прислан был узнать, в чем именно будут состоять предложения посла. Но на все его расспросы Ермолов отвечал, что, ни в какие официальные переговоры до личного свидания с шахом он вдаваться не может. Тем не менее, между ними было несколько совещаний, сопровождавшихся горячими спорами. Абул-Вахаб утверждал, что шах не перестанет рассчитывать на уступку ему земель, отторгнутых Россией, в особенности Карабаха, и что за отказом может последовать война. Ермолов отвечал, что из земель он не уступит ни единой пяди, «...если же, — прибавил он, — замечу я малейшую холодность в приеме шаха, то, охраняя достоинство моей родины, сам объявлю войну и потребую границ уже по Араксу, назначив день, когда русские войска возьмут Тавриз»⁵⁹.

При въезде посольства Ермолова в Султанию, навстречу ему выехал отряд из нескольких тысяч всадников, возглавляемый вали Курдистана⁶⁰. Первая аудиенция и церемония вручения верительных грамот состоялась 31 июля⁶¹, вторая аудиенция и вручение подарков от Александра I — 3 августа⁶². Однако все эти встречи носили сугубо церемониальный характер и конкретные дела на них не рассматривались. Нарушая этикет дворца, шах сам принял подарки императора, привезенные Ермоловым. Во время нахождения в резиденции шаха, каджарские министры поочередно, по несколько раз в день, посещали Ермолова и просили уступить Ирану ряд областей Южного Кавказа, однако все попытки были напрасны.

8 августа началась переписка Ермолова с Мирзой Шефи, первым министром шахского двора по решению территориальных противоречий между двумя государствами. Решение вести переговоры через письма было принято Ермоловым для того, чтобы внести больше конкретики в содержание переговоров. Все письма со стороны России были написаны собственноручно послом⁶³. Первая встреча Ермолова с Фетх Али-шахом с глазу на глаз состоялась 16 августа⁶⁴. Описывая линию поведения Ермолова на этих встречах, В. Потто отмечает: «Перед Ермоловым главнейшей и весьма трудной задачей было, как выше сказано, удержать за Россией области, которых сильно домогалась Персия, но в то же время, не только сохранить, но и упрочить дружественные связи с этой страной. И сначала Ермолов думал, что переговоры затянутся, что ему не скоро еще удастся выехать из Султание. Но он напал на настоящий путь к дипломатической победе, путь

“лести шаху” и энергичной настойчивости, напротив, с его министрами. Действуя, таким образом, он отнял у последних всякую охоту длить переговоры, и все ограничилось несколькими свиданиями и одной конференцией двенадцатого августа, впрочем, довольно бурной. Верховный визирь и Мирза-Абдул-Вахаб истощили все свое красноречие, чтобы склонить Ермолова на уступку Карабаха, или, по крайней мере, хоть часть Талышинского ханства, — Ермолов не уступил ничего»⁶⁵. По мнению российских исследователей, «Ермолов избрал тактику углубления раскола правящей иранской элиты, отнюдь не монолитной в своем отношении к вопросу о территориальном разграничении на Южном Кавказе. С Фетх Али-шахом он говорил языком лести, блестяще имитируя цветистую восточную риторiku. А с шахскими министрами он общался в жестком тоне, эффективно используя внушительные тембры своего голоса и внушительные черты своего лица. С помощью всего этого “театрального” арсенала Ермолов лишил иранских переговорщиков всяких надежд на пересмотр Гюлистанского договора...»⁶⁶

В ответ Каджарское правительство отказалось разрешить России иметь своих консулов в городах Ирана. У Фетх Али-шаха и Аббас-Мирзы и так было много противников внутри Ирана, обеспокоенных их уступчивостью России. Шах категорически отказался от назначения русского консула в Гилян, потому что, по его словам, «если принуждены будут поместить русского консула в Гилян, то провинция сия будет для него потеряна»⁶⁷. Было решено, что постоянное дипломатическое представительство России будет учреждено в Тебризе при Аббас-Мирзе, «под распоряжением коего находятся все пограничные с Россией дела»⁶⁸.

Еще одной причиной, почему Иран противился открытию российских консульств, было то, что, хотя Тегеран и имел соответствующее право открывать свои консульства в различных городах России, но не мог этого сделать из-за отсутствия финансовых возможностей для их содержания. Победа России в войне над Ираном убедила ее в том, что и впредь можно будет продолжать наступательные военные действия вглубь страны. Открытие консульств для ведения политической, экономической и даже разведывательной деятельности на территории Ирана было выгодно исключительно России. Так как Ермолов не сделал никаких уступок в отношении исполнения условий Гюлистанского договора, то и Иран не был намерен соглашаться с его пожеланиями, в частности, по поводу открытия в стране русских консульств⁶⁹.

Другое расхождение двух стран было связано с возвращением военнопленных и дезертиров, оказавшихся на иранской стороне в ходе первой русско-иранской войны. Речь шла о пленниках, уроженцах тех мест, которые, по условиям Гюлистанского договора, отошли к России. Их Россия также считала своими подданными. Согласно 6-й статье Гюлистанского договора, эти лица в течение трех месяцев должны были быть возвращены в Россию. Однако в текстах договора на персидском и русском языках относительно этого вопроса были разночтения, и стороны по-разному интерпретировали его. А главное — не было четкости в определении границ⁷⁰.

Кроме вопросов выполнения условий Гюлистанского соглашения и делимитации границы, Ермолов обсуждал с шахом и другие

проблемы. Например, он говорил о планах заключить российско-иранский союз, направленный против Османской империи, а также просил разрешить российским войскам свободный проход через южное побережье Каспия для нападения на Хиву и Бухару ⁷¹. Российский посол также предлагал задействовать российских офицеров в обучении кадджарских солдат. Ни одной из поставленных российским правительством целей Ермолов в Иране не достиг, но и кадджары, со своей стороны, не получили никаких уступок от России.

Ермолов считал, что уступки будут истолкованы как проявление слабости и отнюдь не приведут к гарантии мира. В целом он вел себя в Иране высокомерно и вызывающе. Так, однажды он сообщил, что является прямым потомком Чингисхана и мог бы претендовать на шахский престол ⁷². Возможные обиды в какой-то степени были компенсированы богатыми подарками, сделанными шаху, его старшей жене, старшему и младшему сыновьям, визирям и т.п. Посольство вообще было обставлено довольно пышно — оно обошлось российской казне в 40 950 руб. серебром. После прощальной аудиенции у шаха ⁷³ Ермолову были вручены знаки отличия ордена Солнца и Льва 1-й степени, всем чиновникам посольства — 2-й и 3-й степеней ⁷⁴.

По возвращении Ермолова из Ирана русским правительством было решено учредить в Иране постоянную дипломатическую миссию, которая должна была продолжать добиваться реализации положений Гюлистанского трактата. По представлению Ермолова, главой миссии был назначен Симон Иванович Мазарович (с 1818 по 1826 г.), а секретарем в миссию был направлен А.С. Грибоедов. Ермолов же за выполнение миссии в Персии 8 февраля 1818 г. был произведен в генералы от инфантерии.

По пути в Грузию российское посольство 9 сентября 1817 г. вновь остановилось в Тебризе. В отличие от первой встречи на этот раз Аббас-Мирза принял Ермолова и все посольство в аудиенц-зале ⁷⁵. На переговорах с Мирзой Бозоргом Ермолов требовал согласования даты начала делимитации границы. Была достигнута предварительная договоренность о том, что эти работы начнутся в апреле 1818 года.

Во время пребывания в Тебризе обсуждался другой важный вопрос — о признании Россией Аббас-Мирзы законным наследником престола. Ермолов не скрывал своих симпатий к его старшему брату (известному как Доулатшахи, 1789—1821), который был наместником шаха в центральной части Ирана (Керманшах) и в своей политике опирался на персидскую (иранскую), а не тюркскую аристократию. Когда Аббас-Мирза обратился к Ермолову и, опираясь на статьи Гюлистанского соглашения, просил о признании его наследником трона, Ермолов ответил, что такие вопросы может поднимать только шах. И поскольку шах не говорил с ним об этом в Султанье, то сам Ермолов не чувствует себя в праве начинать подобные переговоры ⁷⁶. Ермолов считал, что, выступая против кандидатуры Аббас-Мирзы, он ослаблял влияние англичан на Тегеран: Аббас-Мирза был последовательным, решительным, но едва ли не единственным проводником западных идей в Иране. Что касается Аббас-Мирзы, то для него вопрос о признании со стороны России был стратегически важным. Британская корона, хотя и считала его законным наследником престола, не предоставила принцу никаких гарантий поддержки в случае

смерти шаха ⁷⁷. Отсутствие мощной внешней поддержки у претендентов на трон делала неотвратимой кровавую междоусобную борьбу между сыновьями шаха. Ермолов поддерживал претензии старшего сына шаха, считая, что для России полезны распри в шахской семье. Мохаммед Али-Мирза, старший брат Аббас-Мирзы, поспешил воспользоваться разногласиями между Ермоловым и Аббас-Мирзой и с этой целью приехал в Тебриз как раз к прибытию туда русского посольства. «На конспиративной встрече в Тебризе Мохаммед Али-Мирза заявил Ермолову, что своему брату он наследства не уступит; жаловался на шаха, который, по его словам, не нашел способа прекратить вражду братьев и решил организовать покушение на его жизнь, чтобы престол достался Аббас-Мирзе. Мохаммед Али-Мирза не скрывал, что больше всего опасается помощи, которую Россия при случае может оказать Аббас-Мирзе. Он обещал Ермолову прилагать усилия, чтобы сохранить мир только потому, что война с Россией может усилить его конкурента: увеличит численность его войск, и он получит много денег, после чего с ним невозможно будет бороться» ⁷⁸.

По возвращении в Тифлис Ермолов написал русскому правительству доклад. Оценивая все виденное в Иране, Ермолов предлагал императору отказаться признать Аббас-Мирзу наследником престола, так как понимал, что этим он оказал бы важную услугу англичанам, упрочив их влияние в Иране. В своем донесении Нессельроде он писал, что «если же признать Аббас-Мирзу наследником, то уверяю Ваше Сиятельство, что мы будем служить видам англичан и укоренением владычества их в Персии, если бы ограничивалось одной системою дать выгоды своей торговле. Но они, устроив внутренний порядок ее и изоцряя силы воинственного народа, будут уметь действовать им в политической системе Европы, лаская дух завоевания Аббас-Мирзы» ⁷⁹. Ермолов предлагал поддержать кандидатуру другого сына шаха — Мохаммед-Али-Мирзу — на кадjarский престол, так как тот не был сторонником англичан, а также не одобрял реорганизацию кадjarской армии, проводимую при английской поддержке ⁸⁰. В случае смерти Фетх Али-шаха, Ермолов ожидал вспышки междоусобиц между сыновьями шаха, что позволило бы сдвинуть границу империи на юг. Внутриполитическая ситуация в Иране казалась Ермолову настолько шаткой и нестабильной, что он считал что Россия может открыто вмешиваться во внутренние дела. Имея от царя поручение решать старые споры с Ираном, Ермолов умышленно создавал новые. Но ставка на Мохаммеда Али-Мирзу оказалась напрасной: вскоре он умер от холеры, и Аббас-Мирза остался единственным реальным претендентом на трон.

Описывая деятельность Аббас-Мирзы по реорганизации иранской армии, строительству оружейного и литейного заводов и постройке военных крепостей, Ермолов отмечал: «Аббас-Мирза представляет иноземцам всякого рода выгоды». И далее: «...нам теперь совершенно полезны мир и доброе согласие с Персией...», так как «в короткое время Персия может иметь пехоту, которая станет наряду с лучшими в Европе» ⁸¹. Действительно, шок, последовавший от поражения в войне с Россией и завоевание ею почти всего Кавказа, вынудил кадjarское правительство осознать необходимость масштабной военной реформы ⁸². Аббас-Мирза, как дальновидный политик, отда-

вал себе отчет в том, что кадjarский Иран был очень отсталой страной, для независимости и целостности которой имелись многочисленные угрозы извне. Необходимо было принять действенные меры для укрепления и внутренней консолидации государства. Выход из этого положения Аббас-Мирза видел не только в проведении реформ социально-экономического или системного характера, но и в создании в Иране регулярной армии европейского типа. Наследный принц Аббас-Мирза нуждался в сильной модернизированной армии для ведения войн за пограничные турецкие пашалыки, за афганские земли, за возвращение Восточной Грузии и азербайджанских ханств Южного Кавказа под власть шаха. Армия современного типа была нужна Аббас-Мирзе и для борьбы с многочисленными претендентами на шахский престол, а в случае прихода к власти — для борьбы за объединение страны, централизацию власти, для расправы с сепаратистки настроенными ханами.

17 сентября Мирза Бозорг от имени Аббас-Мирзы прислал Ермолову официальное письмо, в котором ответил на предложения российского посла. Иран согласился на назначение поверенных в делах России и Ирана, в соответствии с соглашением, в Тебризе и Тифлисе. Что касается представительства в Гиляни, то вопрос о его открытии откладывался на неопределенный срок ⁸³.

19 сентября 1817 г. состоялась аудиенция у Аббас-Мирзы ⁸⁴, а на следующий день неожиданно для Аббас-Мирзы российское посольство покинуло город. Принц послал вдогонку Ермолову письмо, в котором выражал крайнее удивление отъездом дипломатов во время, когда переговоры о важных вопросах (в частности, признание Аббас-Мирзы наследником трона со стороны России) не получили формального завершения ⁸⁵. Посол России объяснил свое поведение бесплодием переговоров ⁸⁶.

Отъезд российского посольства из столицы Иранского Азербайджана стал последним дипломатическим демаршем Ермолова в Иране. 24 сентября российское посольство прибыло в Нахчыван ⁸⁷. Именно оттуда Ермолов направил первый отчет Александру I. Интересно, что посол весьма высоко оценил результат своей работы.

В последующие месяцы в Тифлис регулярно поступали многочисленные сведения о призывах к насилию против русских в Азербайджане и о поддержке кадjарами дагестанцев, чеченцев и лезгин в их борьбе против России. Но представители Ирана всегда снимали с себя ответственность за эти действия, утверждая, что такую поддержку врагам России оказывали отдельные чиновники без ведома шаха ⁸⁸. Очевидно, что такие заявления были ложными и неубедительными. Однако они отражали специфику русско-иранских отношений того времени: два государства заверяли друг друга в дружбе и преданности, но на деле способствовали ослаблению друг друга, готовясь к новой масштабной войне.

В целом, результаты посольства Ермолова в кадjarский Иран можно считать для России успешными. В результате сложных переговоров вновь были подтверждены условия Гюлистанского соглашения, что означало, что новые территориальные приобретения России на Южном Кавказе стали частью империи. Ермолов отверг все притязания кадjar на территории Северного Азербайджана. Хотя кадjarское правительство отказалось от учреждения русских консульств и выдачи российских пленных и дезертиров, однако Ермолову уда-

лось договориться о создании российского посольства в Иране. В дальнейшем Россия устроила свое консульство во главе с Ваценко, но главнокомандующий не смог наладить его эффективную работу по защите российских торговых интересов. Несмотря на то, что в результате заключения при посредничестве Англии антироссийского османско-иранского договора, в 1823 г. начался новый виток обострения русско-иранских отношений, до начала военных действий в 1826 г. стороны продолжали придерживаться условий Гюлистанского мирного договора. Все это было лишним подтверждением того, что генерал Ермолов выполнил поставленные перед ним задачи по усилению влияния России в регионе.

В то же время посольство Ермолова не только не избавило Россию от возможной военной угрозы со стороны Ирана, но во многом явилось катализатором скорой войны. Подтвердив условия Гюлистанского соглашения, на деле Иран не отказался от своих претензий на ряд территорий. Не добившись уступок от России путем переговоров, Иран стал активно готовиться к войне. Для этого необходимо было, прежде всего, модернизировать армию. Поэтому вопрос о материальной и технической поддержке по модернизации иранской армии был главным в ходе переговоров Каджаров с европейскими странами. Иран прекрасно осознавал, что государство, столь мощное как Россия, вплотную приблизившись к его границам и захватив часть земель, на которые традиционно Иран имел особые права, несомненно, не остановится на достигнутом и пойдет дальше. Это была реальная угроза территориальной целостности самого Ирана.

Личность Ермолова совсем не однозначно оценивается в современной историографии. С именем Ермолова связывают начало знаменитой Кавказской войны (1817—1864), хотя отдельные конфликты происходили и ранее. Факты свидетельствуют, что миссию Алексея Петровича Ермолова нельзя с уверенностью назвать успешной, так как война не была предотвращена. Заслуга Ермолова состоит в том, что он сумел отсрочить военное столкновение. Помимо этого, именно Ермолов заложил основу длительного дипломатического сотрудничества между Россией и Ираном.

Таким образом, возникшие противоречия в связи с неопределенностью некоторых пунктов Гюлистанского договора, а также разные интерпретации прохождения пограничных линий, стали причинами второй русско-иранской войны (1826—1828 гг.)

Примечания

1. Записки А.П. Ермолова 1798—1826 гг. М. 1991.
2. СОКОЛОВ А.Е. Дневные записки о путешествии российско-императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах. М. 1910.
3. БОРОЗДНА В. Краткое описание путешествия Российского Императорского посольства в Персию в 1817 г. СПб. 1821.
4. KOTZEBUE M. von. Narrative of a journey into Persia, in the suite of the imperial Russian embassy, in the year 1817. London. 1819.
5. Не меньшую ценность представляют зарисовки и картины живописцев посольства В. Мошкова и Корфа.
6. 24 октября (12 октября) 1813 г. в урочище Гюлистан в Карабахе на реке Зейве между Россией и Ираном был подписан мирный договор — предварительный документ, подлежащий утверждению в Петербурге. По этому договору, Россия

- окончательно приобрела ханства Карабахское, Гянджинское, Ширванское, Шекинское, Дербентское, Губинское, Бакинское, часть Лянкаранского, Дагестан, Грузию, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию. Российский император ратифицировал Гюлистанский договор 21 мая 1814 г. уже в Париже, а обнаружен он был в 1818 году.
7. Договор 1814 г. обязывал шаха порвать отношения с враждебными Британии странами, а в случае англо-афганской войны — выступить против Афганистана. Взамен английское правительство обещало Ирану добиться пересмотра Гюлистанского мира и предоставить субсидии в сумме двухсот тысяч туманов, если возникнет война между ним и какой-либо европейской державой.
  8. SYKES P. History of Afghanistan. Vol. I. London. 1940, p. 380.
  9. АКАК, т. VI, ч. 2, с. 149.
  10. Персидская война. Кампания 1826 г. Из записок графа Симонича. Кавказский сборник. Т. XXII. Тифлис. 1901, с. 3.
  11. Бухарестский мир 1812 г. был заключен между Россией и Турцией по итогам русско-турецкой войны 1806—1812 годов. Договор состоял из 16 открытых и 2 секретных статей. Он улучшил стратегическое положение России, которой перешла Бессарабия с крепостями Хотин, Вендоры, Аккерман, Килия и Измаил. Кроме того, отныне русско-турецкая граница устанавливалась по р. Прут и Килийскому руслу. Россия оставила за собой значительные территории на Южном Кавказе, получила право торгового судоходства по всему течению Дуная. Молдавия и Валахия были возвращены Османской Турции, которая, в свою очередь, возвратила им все привилегии, предоставленные Яским миром 1791 года. Сербия получала автономию в вопросах внутреннего самоуправления.
  12. БАЛАЯН Б.П. Международные отношения Ирана в 1813—1828 гг. Ереван. 1967, с. 16.
  13. Каджарский сановник (мирза), ведавший иностранными делами; именно Мирза-Абуль-Хасан подписал вместе с тогдашним главнокомандующим на Кавказе ген. от инфантерии Ртищевым (1812—1816) Гюлистанский договор.
  14. Министр иностранных дел России (1816—1856).
  15. ДЕГОЕВ В.В., СТАМОВА И.И. Приз для победителя: Международное соперничество на Кавказе в первой трети XIX века. М. 2013, с. 212.
  16. ДУБРОВИН Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб. 1886, с. 203—204.
  17. АКАК, т. V, с. 773.
  18. Там же, с. 774.
  19. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. VI, с. 204.
  20. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 217, д. 15, л. 7; КАРСКАЯ Л.Н. Генерал Ермолов: «Я не согласился на красные чулки и прочие условия». — Военно-исторический журнал. 2001, № 1, с. 47.
  21. 8 апреля 1816 г. Александр I назначил Ермолова командиром Отдельного Грузинского корпуса, наместником в Грузии и главным управляющим гражданской частью в Астраханской и Кавказской губерниях. Ему была вверена вся полнота гражданской и военной власти на этих территориях. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. VI, с. 10.
  22. РГВИА, ф. 217, д. 15, л. 7; КАРСКАЯ Л.Н. Ук. соч., с. 47.
  23. АКАК, т. VI, ч. 2, с. 12.
  24. Там же, т. V, с. 774.
  25. Имелись в виду русско-турецкие войны.
  26. Гюлистанский договор предусматривал обмен лишь временными представителями. Англичане уже имели эту привилегию.
  27. БЕРЖЕ А.П. Посольство А.П. Ермолова в Персию в 1817 г. Исторический очерк. — Русская старина. 1877, т. 19, с. 257.
  28. АКАК, т. VI, ч. 2, с. 126.
  29. Там же, с. 119.
  30. История дипломатии. Т. 1. М. 1959, с. 611.
  31. ЕНИКОЛОПОВ И.К. Из истории русско-иранских отношений и дипломатической деятельности А.С. Грибоедова. — Историко-филологический журнал. 1962, № 4, с. 144.
  32. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 19, оп. 4, д. 441, № 1—51, л. 17—18.
  33. Там же, л. 17—18; АКАК, т. VI, ч. 2, с. 125.
  34. АКАК, т. VI, ч. 2, с. 128—129.
  35. ЛЕСИН В.И. Генерал Ермолов. — Вече. 2011, с. 212—213.

36. СОКОЛОВ А.Е. Ук. соч., с. 6.
37. АКАК, т. VI, ч. 2, с. 142.
38. Там же, с. 140.
39. Там же, с. 142.
40. СОКОЛОВ А.Е. Ук. соч., с. 9.
41. АКАК, т. VI, ч. 2, с. 147—148.
42. Там же, с. 142—146.
43. Там же, с. 146.
44. ДЕГОЕВ В.В., СТАМОВА И.И., Ук. соч., с. 213.
45. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 73. СПб. 1892, с. 245.
46. Дословно, принимающий гостей.
47. KOTZEBUE M. von. Op. cit., p. 91.
48. НЕРСИСЯН М.Г. Записки декабриста Е.Е. Лачинова о путешествиях А.П. Ермолова в Иране 1817 г. — Историко-филологический журнал. № 1, с. 106.
49. БЕРЖЕ А.П. Ук. соч., с. 274.
50. ПОТТО В.А. Кавказская война. Т. 2. Ставрополь. 1994, с. 34.
51. РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 4, л. 6—6об.
52. БОРОЗДНА В. Ук. соч., с. 84; СОКОЛОВ А.Е. Ук. соч., с. 16.
53. РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 4, л. 6.
54. БОРОЗДНА В. Ук. соч., с. 87.
55. АКАК, т. VI, ч. 2, с. 178—179.
56. НЕРСИСЯН М.Г. Ук. соч., с. 107.
57. ПОТТО В.А. Ук. соч., т. 2, с. 22.
58. БЕРЖЕ А.П. Ук. соч., с. 395.
59. ПОТТО В.А. Ук. соч., т. 2, с. 23; АКАК, т. VI, ч. 2, с. 178.
60. KOTZEBUE M. von. Op. cit., p. 249
61. АКАК, т. VI, ч. 2, с. 156.
62. Там же, с. 158.
63. БЕРЖЕ А.П. Ук. соч., с. 409.
64. НЕРСИСЯН М.Г. Ук. соч., с. 113.
65. ПОТТО В.А. Ук. соч., т. 2, с. 26.
66. ДЕГОЕВ В.В., СТАМОВА И.И., Ук. соч., с. 213—214.
67. КУЛАГИНА Л.М. Россия и Иран (XIX — начало XX века). М. 2010, с. 57.
68. МАХДИЯН М.Х. История межгосударственных отношений Ирана и России (XIX — начало XXI века) М. 2014, с. 49.
69. Там же, с. 50. По предложению Ермолова, дипломатическая миссия должна была состоять из поверенного в делах, секретаря и двух-трех молодых людей, которые изучали бы персидский язык.
70. МАХДИЯН М.Х. Ук. соч., с. 51.
71. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. VI, с. 270.
72. ИГАМБЕРДЫЕВ М.А. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века (из военно-политической истории). М. 1969, с. 187.
73. Выписки из журнала Российского Посольств в Персию 1817 года. — Отечественные записки. 1827, № 92, с. 257—268.
74. СОКОЛОВ А.Е. Ук. соч., с. 31.
75. БЕРЖЕ А.П. Ук. соч., с. 421.
76. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. VI, с. 270—272.
77. БЕРЖЕ А.П. Ук. соч., с. 257.
78. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ), ф. 19, оп. 4, д. 442, л. 2.
79. АКАК, т. VI, ч. 2, с. 181.
80. ШОСТАКОВИЧ С.В. Английская дипломатия и борьба вокруг иранского престола в Иране в первой половине XIX в. — Вопросы истории международных отношений и колониальной политики. Вып. 1, 1974, с. 59.
81. АКАК, т. VI, ч. 2, с. 178.
82. Asian Culture and History, vol. 4, No. 2, p. 161—162.
83. АКАК, т. VI, ч. 2, с. 170.
84. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. VI, с. 278.
85. АКАК, т. VI, ч. 2, с. 172.
86. Там же, с. 173.
87. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. VI, с. 281.
88. Там же, с. 324, 549—550.

Иван Филаретович Бабичев

Л.В. Пономаренко, Ныгусие Кассе В. Микаэль

Аннотация. Статья посвящена жизни и деятельности И.Ф. Бабичева, человека, чье имя не упоминается в исследованиях ни российских, ни зарубежных авторов, в том числе эфиопских. Биография Бабичева, который принимал активное участие в наиболее важных военных и дипломатических событиях начала модернизации административного аппарата Эфиопской империи, заслуживает отдельного исследования. Авторы делают попытку восполнить образовавшийся пробел, широко используя материалы неопубликованных архивных источников.

Ключевые слова: Менелик II, Хайле Селассие I, Эфиопия, МИД России, И.Ф. Бабичев.

Abstract. The article is devoted to the life and works of Fitaurari I.F. Babichev, the man whose name is not mentioned in the studies of any Russian or foreign authors, including Ethiopians. The biography I.F. Babichev, who took an active part in the most important military and diplomatic events during the beginning of the modernization of the administrative apparatus of the Ethiopian empire, deserves a separate study, which has not previously been carried out. The authors are attempting to fill the gap, on the basis of unpublished archival material sources.

Key words: Menelik II, Hayly Selassie I, Ethiopia, Ministry of Foreign Affairs of Russia, I.F. Babichev.

Эфиопия — страна с многовековой историей — не раз переживала сложные времена, определявшие направления ее дальнейшего развития. К числу таких периодов следует отнести эпоху правления императоров Менелика II (1889—1913 гг.) и Хайле Селассие I (1930—1974 гг.), когда в стране начались серьезные перемены в области внутренней и внешней политики. Перед эфиопскими лидерами встала задача прорвать политическую и экономическую блокаду, организованную Великоб-

---

Пономаренко Людмила Васильевна — доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов. E-mail: l.ponomarenko@mail.ru; *Ныгусие Кассе В. Микаэль* — доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов. E-mail: ethmil@mail.ru.

Ponomarenko Lyudmila V. — doctor of historical sciences, professor of Peoples Friendship University of Russia. E-mail: l.ponomarenko@mail.ru; *Nigusie Kassaye W. Michael* — doctor of historical sciences, professor of Peoples Friendship University of Russia. E-mail: ethmil@mail.ru.

ританией, Францией и Италией, чьи колониальные владения в Африке граничили с Эфиопской империей.

Начиная с 1893 г., Менелик II установил тесные контакты с Российской империей — единственной страной, не входившей в клуб колонизаторов Африканского континента. Россия оказала значительную помощь в становлении и модернизации эфиопского государства. Эфиопию посетили тысячи российских добровольцев, в том числе военные и политические деятели, дипломаты, исследователи, такие как В.Ф. Машков, Н.С. Леонтьев, А.К. Булатович, поэт Н.С. Гумилёв и другие. Позже, в 1927 г., выдающийся русский генетик, селекционер, географ Николай Иванович Вавилов не только побывал в Эфиопии, но и собрал там уникальные образцы семян сельскохозяйственных культур.

В конце XIX — начале XX в., когда императоры Эфиопии начали социально-политические и административные реформы, им необходимы были не только союзники, но и квалифицированные кадры, которые претворили бы в жизнь планы центрального правительства.

Получивших образование западного образца эфиопов было очень мало. Особенно нехватка кадров наблюдалась среди специалистов по международным отношениям. Поэтому первое время эфиопскому руководству часто приходилось прибегать к услугам иностранцев. Среди таких иностранных специалистов был и Иван Филаретович Бабичев (26 мая 1872 — 1952 г.)

Сын титулярного советника Полтавской губернии, юный Иван Бабичев воспитывался в ромненском духовном училище и елисаветградском кавалерийском юнкерском училище по первому разряду. Затем он поступил на службу вольноопределяющимся II разряда в 25-й драгунский Казанский полк, где служил с 15 августа 1890 по 15 декабря 1893 года ¹.

По-видимому, Бабичев был способным молодым человеком, чему свидетельствуют данные из его послужного списка:

— 17 августа 1890 г. Иван Бабичев был командирован в Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище для прохождения курса наук;

— 7 сентября стал юнкером младшего класса;

— 28 мая 1891 г. был переведен в старший класс полковым унтер-офицером;

— 16 июля 1892 г. старшим унтер-офицером училища был награжден за отличную стрельбу ².

Окончив курс по первому разделу, Бабичев был переведен в эскадрон-юнкера. До своего приезда в Эфиопию он был офицером 25-го Драгунского Казанского Его Императорского Высочества эрцгерцога австрийского Леопольда полка ³.

Прибытие Бабичева в Эфиопию полно загадок. Например, известный поэт, эссеист, прозаик, переводчик, историк Андрей Полонский пишет, что «в 1898 году юный офицер Ваня Бабичев был командирован в Абиссинию. Он вошел в военное сопровождение русской дипломатической миссии... Молодой поручик самовольно покинул воинскую службу и отправился в экспедицию, организованную ученым и авантюристом Н.С. Леонтьевым — на совершенно неизвестный европейцам юго-запад страны, к берегам озера Рудольф.

Воинская дисциплина не терпела такого самоуправства. Бабичева уволили из армии и повелели возвращаться домой. Но Иван Филаретович решил остаться. Он женился на знатной местной красавице, перешел на абиссинскую службу, получил чин фитаурари (атакующий во главе), равный русскому полковнику, и счастливо зажил в африканской столице»⁴.

Но архивные документы опровергают все вышеизложенные слова, кроме той фразы, где говорится, что молодой Иван Бабичев женился на местной красавице из знатного рода. Согласно секретному письму министра иностранных дел России военному министру генерал-адъютанту Вановскому от 11 февраля 1897 г., «французское правительство, через посредство посла нашего в Париже, сообщило о действиях русского офицера Бабичева, появившегося на Африканском побережье, населенном племенем Данакилов, якобы с официальным поручением и вступившим в сношении с одним из туземцев, служившим в качестве переводчика офицером русского судна в 1896 году. По поздним сведениям, доставленным французскими властями, офицер этот открыл с султаном Рахейты, владения которого находятся под протекторатом Франции, переговоры об уступке этой территории России»⁵. Получается, что Бабичев прибыл в Эфиопию не в 1898, а в 1896 г., не в сопровождении Российской миссии, а самостоятельно. Это подтверждают данные из его послужного списка:

— 15 сентября 1894 г. — 2-х месячный отпуск по болезни с сохранением содержания;

— 3 ноября 1894 г. — прибыл из отпуска на 14 дней раньше срока;

— с 7 июня 1896 г. по 22 июня 1896 г. — отпуск;

— с 16 по 26 сентября 1896 г. — уволен в отпуск;

— 4 октября 1896 г. — прибыл;

— просрочил в отпуске 8 дней, просрочка признана уважительной;

— с 21 ноября по 15 декабря — уволен в отпуск. Отпуск продолжался до 28 декабря 1896 г.;

— 21 января 1897 г. — продолжен отпуск;

— затем разрешен 11-месячный отпуск⁶.

Таким образом, скорее всего, Иван Филаретович прибыл в Джибути во время одного из своих отпусков.

О том, к каким результатам привели переговоры Ивана Филаретовича с султаном Рахеты, информации нет. Несмотря на это, поступок молодого русского офицера стал причиной беспокойства Парижа и Петербурга, которые в то время находились в дружественных отношениях.

В том, что поведение Ивана Бабичева имело политическую важность, свидетельствует следующее письмо министра иностранных дел: «Я не преминул доложить Государю Императору о неприятном впечатлении, произведенным выходом гражданина Бабичева на французское правительство, Его Величеству благоугодно было всевластвующе повелеть немедленно принять все необходимые меры к скорейшему прекращению этого легкомысленного предприятия, могущего вызвать нежелательные осложнения (с Францией. — Л.П., Н.К.)»⁷.

В ответ на письмо министра иностранных дел генерал-адъютант Вановский написал следующие слова: «По поводу деятельности кор-

нета Бабичева на африканском берегу Красного моря, имею честь сообщить Вашему Сиятельству (МИД), что означенный офицер может быть востребован обратно в Россию лично при посредстве чинов управляемого Вами Министерства (МИД). При сем имею честь при-совокупить, что корнет Бабичев, по имеющимся здесь частным о нем сведениям, признавался своими сослуживцами по полку ненормальным (авантюристом) в умственном отношении и предпринял свою поездку в Африку совершенно произвольно»⁸. Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод о том, что молодой Иван Филаретович приехал в Африку самостоятельно, а не в сопровождении русского Красного креста или дипломатической миссии России.

Другим документом, утверждающим, что Бабичев своевольно совершил свой первый вояж в Африку, является письмо военного министра Вановского от 29 октября 1897 г. министру иностранных дел графу М.Н. Муравьеву: «В дополнение письма моего от 21 февраля сего года (1897), имею честь сообщить Вашему Сиятельству, что офицер 25-го драгунского Казанского полка поручик Бабичев, находившийся в 11-месячном отпуску, ныне вернулся в Россию и за истечением срока отпуска подал просьбу об увольнении его в запас»⁹. Этот документ свидетельствует, что Бабичев прибыл в Африку не в 1898, а в 1896 — начале 1897 г., и не с российской дипломатической миссией, а самостоятельно.

Записка Н. Леонтьева (без даты) также может стать подтверждением того, что «Бабичев был самостоятельным вольным путешественником, а не сопровождающим лицом. В январе 1897 г. (дата совпадает с 11-месячным отпуском Ивана Филаретовича. — *Л.П., Н.К.*) в Джибути, по дороге в Абиссинию (Эфиопию), я познакомился с поручиком Бабичевым, не имевшего достаточных средств продолжить свое путешествие. Как соотечественник я оказал ему посильную помощь, взяв с собой в Абиссинию, чтобы выручить его от крайне неудобного положения в Джибути.

Гражданин Бабичев во время сего путешествия, как в Энтото (резиденция императора Менелика II. — *Л.П., Н.К.*), так и обратно, оказал мне так много услуг своим скромным и положительным характером, а также необыкновенной исполнительностью, что вскоре сделался моим ближайшим помощником и доверенным лицом... Император Менелик наградил его орденом III степени за его смелую поездку в Рахейту — поездку, которая, естественно, не могла бы не понравиться ближайшим соседям, но впоследствии никакой вражды со стороны французов к господину Бабичеву, приобретшему симпатии французской колонии в Энтото (резиденции Менелика. — *Л.П., Н.К.*) и расположение Абиссинцев (эфиопов. — *Л.П., Н.К.*). Надеюсь, что господин Бабичев возвратится со мною, как это и было его намерение. Я поручил ему все детали по делу разгрузки оружия, отправленного Негусу (Менелику II. — *Л.П., Н.К.*), и рассчитываю на господина Бабичева, как на важного помощника для приемки груза в Абиссинии. Если эти обстоятельства позволят мне почтительнейше просить Ваше сиятельство исходатайствовать разрешение господину Бабичеву, прошение которого на отчисление в запас армии уже принято начальством, выезда за границу, так как в лице его я теряю единственного своего помощника для правильной приемки вверен-

ных мне военных материалов и за доброе поведение которого я ручаюсь перед начальством»¹⁰.

Из письма господина Леонтьева следует, что Бабичев отправился в Рахит по просьбе Менелика II, а французы не были против общения Бабичева с правителем данной территории.

Если это так, то возникает вопрос, почему официальный Петербург был отрицательно настроен к пребыванию Бабичева на Африканском Роге? Какие интересы имели высокопоставленные чиновники Петербурга в Абиссинии?

Письмо военного министра может являться косвенным доказательством того, что имели место столкновения интересов между Бабичевым и высшим чином империи.

П.С. Вановский в своем письме от 29 октября 1897 г., адресованном министру иностранных дел Муравьеву, писал: «Офицер этот (Бабичев. — Л.П., Н.К.) обратился с рапортом в главное артиллерийское управление по уполномочению, как он заявляет, господина Леонтьева, с ходатайством об отпуске пороха и других предметов в дополнение к предметам вооружения для Абиссинского правительства. После доклада мне ходатайства поручика Бабичева я приказал не входить с ним в отношения, усматривая между тем, что, по-видимому, поручик Бабичев, входя в соглашение с господином Леонтьевым, имеет в виду продолжать в Африке свою деятельность, оказывающуюся ранее столь легкомысленной. Прошу Ваше сиятельство уведомить меня, не признаете ли Вы нужным принять относительно поручика Бабичева каких-либо мер, которые помешали бы ему снова предпринять на африканском побережье что-либо вредное нашим интересам». Какие интересы имели высокопоставленные чиновники Петербурга, стоит только догадываться.

Письмо министра иностранных дел военному министру от 3 ноября 1897 г. также является косвенным доказательством столкновения интересов: «Касательно намерения поручика Бабичева взять на себя по уполномочению будто бы господина Леонтьева доставку в Абиссинию пороха и другие предметы вооружения, имею честь уведомить Вас, что Государь Император соизволил воспретить Бабичеву поехать в Абиссинию даже по собственному желанию»¹¹.

Позже к недоброжелателям Бабичева прибавился и министр внутренних дел. В письме от 8 ноября 1897 г. написано: «...Сообщено надлежащим властям, чтобы упомянутому поручику Бабичеву не был выдаваем заграничный паспорт. В случае же, если названный Бабичев уже успел получить таковой, то чтобы при появлении сего лица на пограничном пункте для следования за границу, он ни в коем случае не был бы пропущен за пределы Империи, а имеющийся у него заграничный паспорт отобран и препровожден в департамент полиции»¹². Бабичеву не просто запретили выезжать в Эфиопию, но и взяли у него подписку о невыезде за пределы России.

Конечно, интриги высокопоставленных лиц империи, которые сумели убедить государя императора в необходимости запретить Бабичеву поездку в Эфиопию, не могли не разочаровать его. Тем не менее, он решил до конца разобраться в причинах столь сурового решения. Этому свидетельствует переписка между военным министром Вановским и министром иностранных дел Муравьевым:

«...Ныне стоящий в запасе армейской кавалерии поручик Бабичев обратился с докладною запиской, в коей просит выдать ему копию указанного высочайшего повеления и уведомить департамент полиции, что ему воспрещен выезд в Абиссинию, но не вообще за границу»¹³.

Тем временем Бабичев добился своего перевода в запас. А 26 февраля 1898 г. получил разрешение Государя «Принять и носить пожалованный ему иностранный орден “Абиссинский орден-печать Соломона 3 степени”»¹⁴. Перевод в запас означал, что Бабичев больше не подчиняется «Военному ведомству», и тот не имеет ни юридического, ни морального права препятствовать его выезду за границу.

Нейтрализовав «Военного министра», Бабичев продолжил мирную борьбу за свое право. В марте 1898 г. в письме, адресованном товарищу министра иностранных дел Ламздорфу, он пишет: «Прошу содействовать и ходатайствовать Вашего сиятельства перед господином Министром иностранных дел о выдаче мне удостоверения, что к выезду моему в Абиссинию со стороны министерства иностранных дел препятствий не встречается, ввиду ухода моего в запас и обязательства ничего не предпринимать от имени правительства»¹⁵. Прошу резолюцию на мою докладную записку, переданную Азиатской части главного штаба 3 марта 1898 года, сообщать по адресу: Одесса, Л. Константиновскому, для передачи И. Бабичеву. На ответ мною приложено 80 к., гербовая марка, а при сем почтовая (20 к.)».

В Одессе Бабичев начал работать на господина Леонтьева, главного поставщика оружия и боеприпасов в Эфиопию. Из Одессы он направил в МИД несколько телеграмм, с запросом об отмене запрета на поездку за границу. Однако положительного ответа не последовало.

Тем временем Одесская газета от 5 января 1899 г. вышла со следующей заметкой: «Абиссинское посольство делает попытки завязать торговые отношения с Россией. Кроме отправленной отсюда на пароходе Русского общества “Царица” первой партии в количестве семь вагонов, доставленных из Москвы, всевозможных образцов русских товаров, посольство учреждает коммерческое агентство в Одессе, Петербурге, Москве, Киеве и Варшаве в целях содействовать торговым операциям и распространять на русских рынках Абиссинские производства, таких как кофе, кожу, слоновую кость, мускус и прочее. Вопрос о приобретении парохода для совершения раз в месяц товаро-пассажирский рейсов между Джибути и Одессой, близится к разрешению. Учреждение агентства возложено на помощника г-на Леонтьева — поручика Казанского полка И. Бабичева, устраивающего теперь коммерческое агентство здесь»¹⁶.

После долгой и упорной борьбы 14 апреля 1898 г. Бабичев получил паспорт под номером 4519 из агентства МИД России в Одессе. До этого, 25 февраля 1898 г., Иван Филаретович дал подписку следующего содержания: «...я, нижеподписавшийся, даю сию подписку в том, что, в виду объявленного мне высочайшего повеления о воспрещении мне, И. Бабичеву, выезда в Абиссинию, обязуюсь в случае выезда моего за границу не вступать в пределы Абиссинии, а равно и в смежные с нею владения, вперед до получения на сие разрешения установленным порядком»¹⁷.

Сразу после получения паспорта и разрешения на выезд за границу, Бабичев оказался во Франции. Согласно французским газетам,

он был замечен в Париже в компании Леонтьева. Любопытно, что даже после того, как Бабичев покинул Россию, по поручению министра иностранных дел страны графа Ламздорфа, за ним продолжалась слежка. Например, 30 октября 1898 г. представитель России в Эфиопии господин Власов направил в МИД России Ламздорфу следующее конфиденциальное письмо: «...20 числа французский полномочный министр сообщил мне о том, что по полученным им с курьером сведениям известный поручик Бабичев прибыл в Джибути и имел столкновение с местными таможенными чинами из-за попытки погрузить ночью несколько ящиков. На более подробные расспросы об этом инциденте господин Лагард (представитель Франции) уклонился от объяснений, ограничившись лишь замечанием, что он не придает таковому никакого значения, и что Бабичева вместе с господином Леонтьевым он видел в Париже, накануне своего отъезда оттуда. Представляя вышеизложенное на благосклонное воззрение Вашего сиятельства, в дополнение к сообщению моему от 12 числа сего месяца за № 217, имею честь присовокупить, что мною принимаются меры к недопущению г-на Бабичева в пределах Эфиопии»¹⁸. За этим последовали и другие письма с донесениями, теперь уже из далекой Эфиопии.

Между тем, 14 мая 1899 г. с торговым караваном Леонтьева в Аддис-Абебу прибыли поручик запаса Бабичев и поручик Шедёвр. Как требовали правила того времени, оба явились к российскому полномочному министру. Позже об этой встрече Власов доложил в МИД России Муравьёву: «...приняв г-на Бабичева весьма холодно, я, прежде всего, напомнил ему о выданной им подписке, коей он формально обязался не появляться в пределах Абиссинии, равно и о том, что за нарушение обязательства этого он подлежит ответственности по всей строгости законов Империи и пригласил его немедленно покинуть Аддис-Абебу, а затем и пределы Абиссинии. Когда же Бабичев сослался на неимение средств уехать, я предложил снабдить его таковыми. Прося разрешения дать ему шестидневный отдых и возможность собраться в обратный путь, Бабичев дал мне слово уехать по окончании этого срока, а между тем, по настоянию г-на Леонтьева, продолжает оставаться здесь. По такому же настоянию г-на Леонтьева, принявшему на себя всю ответственность за Бабичева, Император (Менелик II. — *Л.П., Н.К.*), вопреки данному мне обещанию, дал последнему разрешение прибыть сюда»¹⁹.

Исполняя распоряжение посольства России, которое сумело убедить эфиопские власти в необходимости выслать из страны Бабичева, он уехал из Эфиопии и некоторое время жил в Джибути, где служил в компании по эксплуатации экваториальных провинций (южные провинции Эфиопии.)

В надежде довести свое дело до самого царя, Бабичев обратился в канцелярию Его Императорского величества. Но его надежды не оправдались. 7 октября 1899 г. ходатайство Бабичева о прощении было признано ненадлежащим удостоверению. Представительству России в Аддис-Абебе было поручено добиваться высылки Бабичева из Эфиопии и прилегающих к этой стране государств, так как он нарушил данные им обязательства о невыезде в Абиссинию. Но спустя некоторое время, вопреки запрету, Бабичев возвратился в Эфиопию. Он

был приглашен императором Менеликом II (скорее всего по ходатайству Леонтьева) на службу. Ему подарили имение и назначили ответственным за строительство дорог и других технических сооружений. Менелик II постепенно стал доверять Бабичеву и другие поручения. Несмотря на это со стороны полпреда России Бабичев по-прежнему считался нарушителем.

Узнав, что 7 апреля 1900 г. в Аддис-Абебу прибыл поручик запаса Бабичев, титулярный советник Орлов решил напомнить Императору Менелику о его обещании не допускать в пределы Абиссинии означенного русского подданного. Император ответил, что Бабичев прибыл в столицу через пустыни, и поэтому Эфиопские власти не имели возможности задержать его по дороге. Кроме того, по словам Менелика, Бабичев страдал тяжелой формой лихорадки, поэтому намерение о высылке его из Эфиопии не может быть реализовано ²⁰. Таким образом, Менелик II, хотя бы на время, сделал так, чтобы вопрос Бабичева перестал быть темой разговора между Аддис-Абейбой и Петербургом.

Леонтьев также активно поддерживал Бабичева. В письме Ламздорфу он сообщал: «Быстрый отъезд Бабичева из Абиссинии может вконец подорвать мои дела, так как он является там моим единственным лицом, на которого я могу вполне рассчитывать... Убедительно прошу Ваше Сиятельство не погубить мои большие интересы в случае невозможности оставления г-на Бабичева в Абиссинии, продлить там пребывание его до моего возвращения и сдать мне порученных дел. За его благонадежное поведение я вполне ручаюсь» ²¹.

С приходом В. Лапина в Эфиопию отношение российской миссии в Аддис-Абейбе к поручику Бабичеву изменились. В письме, адресованном князю В.С. Оболенскому-Нелидовскому-Мелецкому Лапин рассказывал: «За время моего пребывания в Аддис-Абейбе, я имел случай навести о г-не Бабичеве справки, коими выяснилось, что означенный русский подданный состоял на службе Абиссинского правительства, пользуется расположением Императора Менелика и не только не приносит вреда нашим интересам, но может быть нам весьма полезен» ²².

В феврале 1904 г. сам поручик Бабичев написал российскому царю Николаю II письмо следующего содержания: «Жажда деятельности и любознательности руководили мною, когда я впервые, высадившись на берег Африки, один отправился в путешествие. Жизнь людей черной расы манила меня вглубь страны. Высадившись в Обок, я дошел до Рахайтского султана, где пребывал несколько месяцев». Далее он сообщает, как познакомился с Леонтьевым: «Это было в конце 1895 года, я считался в заграничном отпуску. В начале 1896 года, проживая в Джибути, я намеревался уже вернуться в Россию и в это время в Джибути прибыл г-н Леонтьев для следования в Эфиопию с подарками Вашего императорского Величества императору Эфиопии. Г-н Леонтьев, узнав, что я владею арабским языком, предложил мне поехать с ним, чтобы подействовать сложной в то время организации каравана. Я, обрадованный возможностью увидеть сказочную Абиссинию, спросив разрешения заграничного отпуска, отправился вместе с г-ном Леонтьевым в столицу Эфиопии Аддис-Абебу. По оконча-

нии миссии г-н Леонтьева император Менелик II в прощальной аудиенции изволил выразить желание видеть у себя в будущем, как г-на Леонтьева, так и меня»²³. «Мне, как кавалерийскому офицеру²⁴, знакомому с уходом за лошадьми, — продолжает Бабичев, — было поручено доставить в Петербург, Вашему императорскому Величеству, лошадей императора Менелика II. При осмотре этих лошадей Вашим императорским Величеством в царском селе, я имел счастье присутствовать». Далее Бабичев пишет о том, что по непонятным причинам ему было запрещено выезжать из России. В завершении он отмечает: «Не чувствуя за собой никакой вины, марающей честь мундира офицера, я, между тем, нахожусь в положении опозоренного и не имею право общения с офицерскими представителями в Аддис-Абебе»²⁵. «Тяготясь до боли нелегальным, будто бы, пребыванием своим в Абиссинии, я не чувствую под собой прочной почвы и ежеминутно думаю и страдаю за свое опозоренное имя и не имею возможности продуктивно применять все силы свои на пользу и служение дорогой моему сердцу России и единой Эфиопии, столь ласково меня здесь приютившей»²⁶.

То ли рекомендации Лапшина, то ли письмо самого Бабичева, произвело впечатление на государя. Тем не менее, император соизволил снять с поручика запаса Бабичева запрещение на пребывание в Эфиопии. Об этом было сообщено в посольство России в Аддис-Абебе телеграммой № 23 от 16 мая 1904 года²⁷.

Бабичев зарекомендовал себя способным, добросовестным служащим, и Менелик II все больше начал ему доверять дела государственной важности. Кроме того, император Эфиопии отправил Ивана Филаретовича в Европу для закупки за наличные деньги некоторого количества парных повозок, необходимых для перевозки тяжестей от Дыре Дауа (конечного пункта железной дороги) через пустыню в Аддис-Абебу.

Бабичеву удалось убедить Менелика заказать этот товар не в Европе, а в России. В октябре 1905 г. после девятилетней разлуки с родными Бабичев прибыл в Россию не как простой отставной поручик, а как представитель императора Менелика II.

По прибытии в Петербург, Бабичев развернул бурную деятельность. При встрече с высокопоставленными чинами он называл себя представителем Менелика II, а также директором транспорта Абиссинии. Из его писем можно сделать вывод о том, что поручик готов был служить Эфиопии верой и правдой. Приводим в качестве примера письмо Бабичева, адресованное военному министру: «Зная, что Государь император, расположенный к Абиссинии, всегда стремился поддержать ее, а в настоящее время, после тяжелой нашей войны (русско-японская война 1905 г. — *Л.П., Н.К.*), лишен возможности помочь ей. Я беру на себя смелость дать мысль, чем можно было бы наиболее существенно поддержать эту страну теперь же, не вызывая никаких расходов со стороны правительства». Абиссиния, только после столкновения с Италией начавшая общение с Европой, хорошо понимая, что «белые» будут стремиться поработить ее и, сознавая, что только силою оружия она может сохранить самостоятельность, спешно вооружилась всяким хламом, который ей предлагали «белые». В этой стране можно было найти ружья всех систем — от Кремнева до

Маузера, включительно. Преобладали французские ружья Граи и русские Берданки. «Состоя много лет на службе у императора Менелика в качестве строителя дорог и директора транспортов, я хорошо знаком с организацией и бытом этой страны. Полагаю, что при столкновении Абиссинии с Европейской армией, вооруженной винтовками с малокалиберными магазинами, ей, вооруженной лишь ружьями Гра или Берданками, придется очень плохо. Приобрести же малокалиберное оружие Абиссиния не имеет средств. Дружественная Россия может теперь же дать возможность этой стране вооружиться нашими трехлинейными винтовками, послужившими нам в минувшей войне (с Японией) и для нас теперь малопригодными. Если бы наше правительство признало возможным уступить мне 20 тысяч трехлинейных винтовок, находящихся в Манчжурии и пришедших после войны в негодность, то я взял бы исправить и вычистить эти ружья, пустить их на рынок Абиссинии за бесценок, чем и окупил бы свои расходы. В Абиссинии на русскую трехлинейку смотрят, как на идеал вооружения, так что с вооружением гвардии Менелика этими ружьями, казалось бы, было безразлично и для престижа России». Бабичев дал слово, что транспортные расходы на дорогу от Манчжурии до Джибути он берет на себя²⁸. Он не только знал слабые стороны Эфиопии, но и сумел спрогнозировать, что Европа по-прежнему желает колонизировать Эфиопию — единственную свободную страну в Африке.

«Конечно, официальный Петербург, да и посольство России в Эфиопии, скептически относились к инициативе Бабичева. Джанхой (император Менелик) не одобряет, затеянной г-ном Бабичевым, аферы и ждет его обратно с повозками». «Я лично не доверяю кредитоспособности г-на Бабичева и его умению устроить дело... Во всяком случае, отпуск винтовок должен состояться лишь при уплате наличными»²⁹, — писал Лапшин.

Бабичев получил отрицательный ответ как со стороны МИД, так и военного министра. Его мечта вооружить эфиопские войска не была реализована. История помнит о том, что именно нехватка оружия и боеприпасов стала причиной поражения эфиопских войск от рук итальянских фашистов в 1936 году.

Бабичев был одним из немногих иностранных подданных, связавших свою судьбу с Эфиопией. Он женился на эфиопской красавице — Текабеч Вольде Цадик. Вместе с семьей Бабичев поселился вблизи города Дебре Зейт (ныне Бышофту) в 60 км от Аддис-Абебы. Здесь он получил земельный участок. Название деревни Бабич, расположенной в 10 км от главной базы ВВС Эфиопии в г. Дебре Зейт, сохранилось и по сей день.

Брак был удачным. У Бабичева родились дети: три девочки — Елена, Соня и Маруся — и два мальчика — Михаил и Виктор. Позже семья переехала в столицу. Самым знаменитым стал старший сын, Михаил Бабичев, которого в народе звали «Мишка». Он родился в 1908 году. Получил начальное и среднее образование в Аддис-Абебе в школе имени Тефери Меконина. После окончания школы, по распределению, он поступил в танковое училище. В тогдашней Эфиопии всех способных учеников старших классов направляли в военные училища.

В 1920-е гг. Эфиопия закупила самолеты, и Михаил Бабичев стал одним из первых курсантов летного училища. Первым инструктором был Гастон Ведел, представитель французского авиационного завода «Аэропесиаль». В октябре 1930 г. первые 9 эфиопских летчиков, в том числе одна женщина, и 11 механиков получили удостоверения об окончании летного училища. Им присвоили звания старших лейтенантов. Затем М. Бабичева отправили во Францию для продолжения обучения. Он окончил известную летную школу «Истр Франс», получил диплом с благодарностью и стал первым эфиопским военным летчиком. По возвращении на родину ему присвоили звание майора. Он стал инструктором, а затем командиром летного училища.

Во время итало-эфиопской войны 1935—1936 гг. майор Михаил Бабичев служил военным летчиком. Первые эфиопские летчики летали на самолетах с деревянной рамой и фюзеляжем, обитым брезентом. Разумеется, они не могли противостоять итальянской авиации с ее бомбардировщиками и истребителями, поэтому использовались, в основном, для осуществления связи между разными армейскими подразделениями.

Михаил Иванович совершил полеты в Май чау (Северный фронт), Адал (Юго-Восточный фронт) и Данакиль (Северо-Восточный фронт). Кроме того, он сыграл ключевую роль в транспортировке оружия, боеприпасов и раненых воинов, был награжден различными медалями и знаками почета Эфиопской империи.

5 мая 1936 г. после кровопролитной семимесячной войны итальянские войска оккупировали Эфиопию, которая была присоединена к другим итальянским владениям в Африке. В годы оккупации (1936—1941) майор Михаил Бабичев иммигрировал за границу. После освобождения в 1941 г. Эфиопия снова начала развивать свою авиацию, не только военную, но и гражданскую. По поручению императора Хайле Селассие I М. Бабичев организовал службы гражданской авиации страны, благодаря которым Эфиопия стала первой страной Африки, создавшей гражданскую авиацию.

В 1943 г. были восстановлены прерванные еще в 1917 г. дипломатические связи между Эфиопией и Советским Союзом. Михаил Бабичев был направлен в СССР в ранге первого секретаря посольства Эфиопии в Москве, а в 1946—1948 гг. служил временным поверенным в делах Эфиопии в СССР.

В Москве Михаил Иванович женился на россиянке Людмиле Петровне Нестеренковой. В 1947 г. у них родился сын Александр. 20 января 1948 г. императорская миссия Эфиопии сообщила МИД СССР, что поверенный в делах Михаил Бабичев серьезно болен³⁰. Несмотря на старания врачей, недуг приковал его к постели. Поэтому правительство Эфиопии решило предоставить ему отпуск по болезни для возвращения домой в Аддис-Абебу. Михаил Иванович надеялся, что его семья поедет вместе с ним.

8 июля 1948 г. М. Бабичев написал письмо В.М. Молотову, главе МИД СССР: «Получил от своего правительства отпуск по болезни для возвращения домой в Аддис-Абебу, я позволяю себе, Ваше превосходительство, направить Вам это письмо не как поверенный в делах, а как больной человек, который рассчитывает на Вашу помощь, Ваше снисхождение и Ваше понимание в том, чтобы разре-

шить моей жене поехать вместе со мной. Мне будет очень тяжело уехать без нее, так как я страдаю нервным заболеванием. В надежде на получение положительного ответа, я прошу Вас, Ваше превосходительство, принять уверение в моем весьма высоком уважении»³¹.

Спустя некоторое время М. Бабичев написал еще одно письмо на имя Вышинского, заместителя министра иностранных дел СССР: «Я посылаю Вам это письмо, находясь больным в постели, и я имею полную надежду получить положительный ответ. Меня настигла тяжелая болезнь — кровоизлияние в мозг. Но благодаря заботам, оказанным мне советскими врачами, моя жизнь была спасена. В связи с тем, что я получил, в целях выздоровления, отпуск для поездки к себе и, поскольку слабость моего общего состояния и односторонний паралич делают очень затруднительными мое передвижение, я был бы Вам весьма признателен, если бы Вы оказали мне помощь в том, чтобы моя супруга смогла меня сопровождать. Поскольку ее присутствие и помощь всегда являлись для меня большой поддержкой, позволю себе подчеркнуть, что при наличии у меня нервной болезни ее присутствие со мной оказало бы мне ощутимую помощь для восстановления моего здоровья».

В декабре 1948 г. Михаил Бабичев вернулся на родину, в Эфиопию, в сопровождении своей сестры Элен. Несмотря на столь трогательные слова в письмах руководителям МИД СССР, ему не разрешили взять с собой жену и сына.

Хайле Селассие I любил и высоко ценил первого военного летчика, основателя гражданской авиации империи. Михаила привезли домой с аэродрома, и поскольку ходить сам он не мог, его посетил император с императрицей. Монарх долго расспрашивал Михаила Ивановича об отношении русских к Эфиопии и, в частности, к нему, Михаилу Бабичеву.

По словам Бабичева-старшего, который присутствовал во время посещения императора, Михаил отвечал императору, что он пользовался в Москве уважением, и, несмотря на свой молодой возраст и невысокий ранг, присутствовал на всех приемах наряду с послами великих держав; что его всегда безотлагательно принимал товарищ Вышинский; что ему непременно разрешили бы взять с собой жену, советскую гражданку, если бы не та шумиха, которая была поднята английской и американской прессой в связи с запрещением выезда из СССР русским девушкам, вышедшим замуж за иностранцев; что ему предлагали взять с собой его сына, но он обещал, что приедет за ним после своего выздоровления; что для него в Москве было сделано все возможное по оказанию медицинской помощи; что такое отношение к нему со стороны советских властей вызвало зависть представителей других миссий³².

Кроме императора Михаила Бабичева навестили наследный принц, а также сановники, министры и простой народ. Это является доказательством того, что первый летчик империи пользовался не только уважением, но и любовью среди своих сограждан.

Михаил Бабичев скончался 13 декабря 1965 г. в возрасте 54 лет. Он не надолго пережил своего знаменитого отца Ивана Филаретовича.

М. Бабичев был похоронен в центре Аддис-Абебы, в Кафедральном соборе Святой Троицы на кладбище патриотов. На могиле на-

чертана краткая биография «Майора Мишки Бабичева» на амхарском языке. С 2010 г. за могилой ухаживают ученики русской школы при посольстве РФ в Аддис-Абебе. 1 мая 2011 г. по случаю 99-летия со дня рождения и 45-летия со дня кончины М. Бабичева в Аддис-Абебе в Соборе Святой Троицы собралась его семья, в том числе сын Александр с супругой и сыновьями. После военного переворота 1974 г. семья Бабичева, как и многие представители эфиопской элиты, вынуждены были эмигрировать из страны. Ныне потомки Ивана Филаретовича живут в России, Италии, Франции, Великобритании и Северной Америке.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 409, оп. 2, д. 12 046, п/с. 282—594, л. 5.
2. Там же, л. 5об.
3. Там же, л. 4об.
4. ПОЛОНСКИЙ А. Времена и пространства. Русские в Абиссинии или обычные житейские истории. <http://www.russianpoems.ru/znak/p5.html>.
5. Архив внешней политики России (АВПР), АУ МИД СССР, Политический архив, ф. 1897—1906, оп. 482, д. 2016, л. 2—3.
6. Там же, л. 6об.
7. Там же, д. 2016, л. 2.
8. Там же, л. 4.
9. Там же, л. 9.
10. Там же, л. 5.
11. Там же, л. 10.
12. Там же, л. 11.
13. См. письмо военного министра по Главному штабу от 25 декабря 1897 г. № 3173. АВПР, АУ МИД СССР, Политический архив, ф. 1897—1906, оп. 482, д. 2016, л. 11.
14. РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 12 046, п/с. 282—594, л. 4об.
15. АВПР, АУ МИД СССР, Политический архив, ф. 1897—1906, оп. 482, д. 2016, л. 17.
16. Там же, л. 18.
17. Там же, л. 37.
18. Там же, л. 40—41.
19. Там же, л. 43—44.
20. Там же, л. 54.
21. Там же, л. 67.
22. Там же, л. 71.
23. Там же, л. 72—73.
24. 17 июля 1894 года. За 2-верстную офицерскую скачку награжден первым призом. См. послужной список, л. 6.
25. Там же, л. 74.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же, л. 87—88.
29. Там же, л. 91.
30. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 143, оп. 2, папка 5, д. 1, л. 1.
31. Там же, л. 2.
32. Там же, оп. 8, папка 6, д. 9, л. 49.

Советские банки в годы Великой Отечественной войны

А.В. Зотова

Аннотация. В статье на основе архивных документов прослеживается деятельность банков СССР в период Великой Отечественной войны. Автором дается критический анализ историографии проблемы, свидетельствующий о ее слабой разработанности. Обращено внимание на то, что в период Великой Отечественной войны банки Советского Союза решали две стратегические задачи: сокращение расходов, не связанных с деятельностью фронта, и поиск финансовых средств для ведения боевых действий. Каждый банк в стране отвечал за определенное направление экономической деятельности, что позволяло государству успешно координировать финансовую работу всех отраслей экономики, перенося в случае необходимости финансовую нагрузку на те или иные банки. Политика СССР способствовала формированию самообитных отношений между банками и клиентами. Государство поощряло увеличение банками объемов выдававшихся кредитов. В статье делается вывод о том, что опыт взаимодействия банков и их клиентов в период Великой Отечественной войны представляет практический интерес и для современных взаимоотношений кредитных учреждений и их партнеров.

Ключевые слова: Отечественная война 1941—1945 гг., банки, финансы, кредит, Госбанк, Промбанк, Торгбанк, Сельхозбанк.

Abstract. In the article on the basis of archival documents traces the activities of banks of the USSR during the Great Patriotic war. The author provides a critical analysis of historiography of the problem, indicating that it is poorly elaborated. The author draws attention to the fact that in the period of the Great Patriotic war banks of the Soviet Union had two strategic goals: reducing costs, not related to the activities of front, and seeking funding for the conduct of hostilities. Every Bank in the country was responsible for a certain sector of economic activity. This allowed the state to coordinate successfully financial operation of all sectors of the economy, transferring if necessary financial burden on banks. Policies of the USSR contributed to the formation of unique relationships between banks and customers. The government encouraged increase in the volume of loans issued by banks. The article concludes that the experience of interaction between banks and their clients during the Great Patriotic war is of practical interest for modern relationships of credit institutions and their partners.

Key words: Patriotic war of 1941—1945, banks, finance, credit, The state Bank, Industrial Bank, Commercial Bank, Agricultural Bank.

Роль финансов в любой войне очевидна. Огромную роль денежные средства играли и в ходе Великой Отечественной войны. К сожалению, до сих пор в
Зотова Анастасия Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. E-mail: anastasiyazotova@mail.ru.

Zotova Anastasiya V. — PhD in History, associate professor of the Saint-Petersburg State University of telecommunications named after M.A. Bonch-Bruевич. E-mail: anastasiyazotova@mail.ru.

историографии нет комплексных исследований, посвященных роли советских банков в обеспечении деятельности фронта и тыла.

Вышедшая в 1967 г. монография «Финансовая служба Вооруженных сил СССР в период войны» носила больше популярный характер, проследившая в хронологическом порядке отдельные эпизоды из жизни финансовых органов Красной армии в годы войны¹. Книга была рассчитана на финансовых работников Советских Вооруженных сил и на всех, кто интересовался историей нашего государства. По существу издание представляло собой один из сегментов военной литературы, рассказывавших о деятельности различных видов, родов войск и отдельных служб.

Не решила проблемы изучения банковской сферы и вышедшая в 1978 г. монография В.П. Дьяченко². Книга была посвящена истории финансовой системы страны с 1917 по 1950 год. В ней был сделан акцент на исследование истории НКФ СССР и динамики финансового законодательства. Складывалось впечатление, что финансовая система Советского Союза существовала сама по себе, независимо от деятельности государственных банков.

Показателем реальных достижений историков стали опубликованные материалы конференции «Финансовая система государства в годы Великой Отечественной войны»³, изданные в 1996 г.: ни один из участников конференции в своем докладе или сообщении не обращался к архивным документам. К сожалению, конференция, организованная в 2010 г. Финансовым университетом при Правительстве РФ, не внесла качественных изменений в исследование проблемы⁴. Исключение составляет доклад Е.В. Бадаева, посвященный деятельности Госбанка СССР в годы войны⁵.

По инициативе Центробанка РФ за последние годы вышло 14 изданий в серии «По страницам архивных фондов Центрального Банка РФ», в 5-м и 13-м выпусках которых содержатся в сжатом виде сведения о роли этого банка в развитии финансовой системы в 1941—1945 годах⁶. Это на сегодняшний день один из немногих примеров введения в научный оборот источников, освещающих деятельность советских банков в годы Великой Отечественной войны. Скромный перечень мемуарной литературы⁷ также вносит недостаточный вклад в изучение проблемы.

Между тем, банки представляли собой важные институты реализации государственной финансовой политики. На протяжении всего военного периода в Советском Союзе работали Госбанк, Сельхозбанк, Цескомбанк, Промбанк, Торгбанк, а так же Сберегательные кассы. В научной литературе встречаются сведения о Внешторгбанке⁸, однако исследования в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) не дали возможности выявить данные о деятельности этого банка в годы войны. Косвенным подтверждением того, что во время Великой Отечественной войны Внешторгбанк не работал, являются сведения о том, что все внешнеторговые операции, включая кредитование и расчеты, осуществлялись через Госбанк СССР⁹.

В 1941—1945 гг. советские банки по существу решали две стратегические задачи: сокращение расходов, не связанных с нуждами фронта и тыла, и изыскание новых источников поступления денежных средств. Первую задачу технически решить было относительно просто. Решение второй осложнялось самим процессом перепрофилирования большинства советских предприятий с учетом военного времени.

До конца 1941 г. этот процесс протекал крайне болезненно. Есть разные мнения по поводу того, насколько советские финансовые органы были готовы к работе в военных условиях. По мнению известного экономиста Б.И. Соколова, денежная система СССР в годы войны работала эффективно¹⁰. По мнению же В.С. Геращенко, Советский Союз к началу войны не был готов к кредитной

деятельности в условиях войны ¹¹. Представляется, что в этом случае истина лежит посередине. Действительно, во второй половине 1941 г. банковская система страны с трудом перестраивалась на военный лад. Ей не хватало оперативности, гибкости, четкости понимания первоочередных действий. Очевидна была плохая отлаженность взаимодействий банковской системы с военными структурами. Процесс кредитования предприятий, работавших для нужд фронта, в первые месяцы войны не был отлажен. Но нельзя не признать, что Наркомат финансов СССР во главе с А.Г. Зверевым в короткие сроки сумел адаптироваться к новой обстановке и уже в 1942 г. начал действовать эффективно, что позволяло полностью обеспечивать финансами стратегические расчеты ГКО и подчиненных ему структур.

Разумеется, Наркомфин СССР в своей деятельности мог использовать лишь те рычаги, которые были свойственны политической обстановке в государстве. Одним из них являлось социалистическое соревнование. В начальный период войны оно было невозможно: обстановка сверхнапряженности во всех сферах деятельности советских людей, крайняя нервозность, сформированная новой жизненной атмосферой войны и непрерывными неудачами Красной армии на фронте, не позволяли даже думать о соцсоревновании как довоенной форме «производственных коммуникаций». Но через полгода после начала боевых действий, после победного наступления под Москвой, когда советские люди почувствовали «начало конца» ненавистного врага, на советских производственных предприятиях и в учреждениях вновь возродилась довоенная форма трудового соперничества — соцсоревнования. Общность веры советских людей в то, что окончательная победа над врагом близка, выразил председатель ЦК Союза финансово-банковских работников А. Сафронов, заявив, что добросовестный труд финансистов позволит «окончательно разгромить немецко-фашистские войска и освободить советскую землю от гитлеровских мерзавцев в 1942 г.» ¹² Если отбросить политическую составляющую соцсоревнований, что, разумеется, было немыслимо в тех условиях, то можно отметить, что оно представляло собой процесс ранжирования отраслевых структур разного уровня по качественным показателям, то есть позволяло определять лучшие и худшие структуры, участвовавшие в обеспечении деятельности тыла. Финансовые органы не были исключением. Подобно другим наркоматам, разумеется, по подсказке СНК СССР, Наркомфин страны объявил об организации Всесоюзного соцсоревнования среди финансовых учреждений всех уровней — от республиканского до районного звеньев. Банкам надлежало также примерить на себя тот или иной качественный статус. Главными показателями успешности банковской деятельности по-прежнему оставались объемы денежных средств, вносимых при их помощи в бюджет и эффективность сокращения расходов, связанных с невоенной деятельностью. Итоги Всесоюзного соцсоревнования подводились ежеквартально, что позволяло непрерывно держать банки в тонусе. Победители награждались переходящим красным знаменем ЦК Союза финансово-банковских работников НКФ СССР и крупными денежными премиями ¹³.

22 июля 1942 г. приказом Наркомфина СССР № 448 для финансовых работников был учрежден нагрудный знак «Отличник финансовой работы» ¹⁴, что также стало стимулом для совершенствования работы банков и других кредитных учреждений. Госбанк СССР, желая усилить моральное стимулирование сотрудников, ввел и собственную награду «Отличник Госбанка».

Каждый банк, действовавший в стране, отвечал за реализацию определенного направления финансовой деятельности. Госбанк обеспечивал цементирующую связь всех кредитных учреждений страны. Кроме того, именно на его счетах аккумулировались средства бюджета СССР ¹⁵. На него возлагалось финансовое обеспечение деятельности государства на главных направлениях рабо-

ты в военных условиях. Сельхозбанк отвечал за финансовую поддержку колхозов и совхозов, а также отдельных жителей сельской местности, имевших желание и возможность развивать свое приусадебное хозяйство и улучшать свои жилищные условия. Промбанк СССР брал на себя ответственность кредитного обеспечения всех промышленных предприятий страны, большая часть которых работала в интересах фронта. На Торгбанк СССР возлагались задачи финансового обеспечения торговых предприятий всех уровней внутри страны. Вопросы внешней торговли, как уже отмечалось, находились в компетенции Госбанка. На долю Банка финансирования коммунального и жилищного строительства (Цекомбанка) легла непростая задача финансового обеспечения не только сложного коммунального хозяйства страны, но и снабжения денежными средствами строительных организаций, выполнявших заказы как фронта, так и тыла. Кроме того, банк осуществлял безвозвратное субсидирование строительства жилья и других объектов коммунального и культурно-бытового назначения. В ходе войны его роль особенно возросла когда возникла необходимость массового строительства новых городов и поселков. Сберегательные кассы, хотя и не именовались банком, по существу являлись таковыми. На них возлагалась ответственность по оказанию услуг гражданам в хранении их денежных средств под те или иные проценты. Этот инструмент давал возможность не столько защищать интересы населения, сколько осуществлять государственные программы по пополнению бюджета страны за счет средств советских людей в рамках государственных займов и проведения денежно-вещевых лотерей.

Госбанк СССР начал перестраивать свою деятельность на военный лад с первого дня войны. Его основные усилия были нацелены на кредитование предприятий, выпускавших продукцию для нужд фронта. Особое внимание уделялось фабрикам и заводам, передислоцировавшимся из регионов, занятых противником, в другие районы страны. При этом на Госбанк СССР легла основная нагрузка по обеспечению Вооруженных сил страны и государства в целом денежными средствами; именно от него зависело в первую очередь, насколько устойчивым будет рубль в условиях ведения Великой Отечественной войны. К июню 1941 г. в Советском Союзе действовали 163 конторы Госбанка СССР. К концу войны их стало 176. Увеличилось и число отделений Госбанка. Если в 1941 г. их было 3785, то к 1945 г. — 3867¹⁶. Хотя число контор и отделений принципиально не возросло, структура Госбанка уже в первые месяцы войны основательно изменилась. За период с 23 июня по декабрь 1941 г. Госбанком СССР было сформировано 598 полевых учреждений, что дало возможность осуществлять его деятельность непосредственно в боевых порядках¹⁷. Полевые банковские учреждения, с одной стороны, выполняли контролирующую функцию в воинских частях и создавали благоприятные условия для того, чтобы военнослужащие становились вкладчиками Госбанка. Солдатам и офицерам в боевой обстановке это было довольно удобно, поскольку была введена так называемая единая вкладная книжка, предъявив которую любой военнослужащий мог получить накопленные средства в любом учреждении Госбанка страны. Кроме того, любой военнослужащий мог без особого труда перечислить свою зарплату на аттестаты, которые по всей стране были введены для родственников солдат, сержантов и офицеров. Если учесть, что число военнослужащих в военные годы непрерывно росло, не трудно понять, что это кредитное учреждение за короткий срок получило несколько миллионов вкладчиков, что существенно увеличило возможности учреждения по обеспечению фронта необходимыми денежными средствами. Представляется, что оперативное изменение конфигурации услуг Госбанка СССР позволило ему, возможно, быстрее остальных банков адаптироваться в военных условиях. За-

бегая вперед, следует отметить, что в конце войны, когда войска Красной армии вели боевые действия на территории других государств, полевые учреждения Госбанка СССР взяли на себя всю техническую работу по проведению финансовых операций с валютой и так называемыми специальными денежными средствами. К концу войны, работая на территории 14 зарубежных стран, полевые банки проводили операции с 25 иностранными валютами¹⁸.

Разумеется, в военных условиях трудно было обойтись без дополнительного включения «печатного станка». Руководству Госбанка пришлось выполнять непростую аналитическую работу, которая позволила допустить эмиссию денег в разумных пределах, то есть в таких, в которых инфляция не стала бы бесконтрольной.

О степени эффективности и востребованности Госбанка СССР во многом говорят и факты, которые, казалось бы, следовало считать косвенными. Не секрет, что осенью 1941 г. многие руководящие структуры Советского Союза и Москвы были эвакуированы из столицы. Большая часть из них перебралась в Куйбышев и Казань. Структуры Госбанка СССР не были исключением. Но его деятельность настолько была необходима государству, что уже 16 января 1942 г. последовало постановление ГКО о возвращении в Москву правления Госбанка СССР¹⁹. Спустя три недели, ГКО вновь принял постановление, в соответствии с которым все остальные структуры Госбанка СССР срочно переводились в столицу для дальнейшей работы²⁰. Особым направлением деятельности было выполнение обязательств по кредитам, предоставленным Советскому Союзу Великобританией и США в рамках ленд-лиза. Великобритания предоставила нашей стране кредит в размере 25 млн фунтов стерлингов на пять лет под 3 процента годовых. Соединенные Штаты кредитовали Советский Союз в размере 1 млрд долларов сроком на пять лет. При этом американский кредит был беспроцентным. Любопытно, что на протяжении всего периода Великой Отечественной войны в СССР сохранялся курс доллара. Он составил 5 руб. 30 коп. за 1 доллар США²¹.

Госбанк СССР как кредитное учреждение не упускал возможности предоставить свои услуги учреждениям и частным лицам, желавшим приобрести облигации государственных займов, осуществлявшихся во время войны. Только в 1943 г. Госбанк принял наличных средств за счет госзаймов на общую сумму почти в 3 млрд рублей²².

Промышленный банк СССР (Промбанк) оказывал кредитные услуги предприятиям центрального подчинения и тем, которые располагались в регионах, входя в состав так называемой местной промышленности. Его деятельность охватывала такие отрасли как легкая, лесная, топливная, мясо-молочная, рыбная и пищевая. Промбанк выделял средства для предприятий, связанных со строительством различных объектов. Его деятельность охватывала финансирование фабрик и заводов, выпускавших товары широкого потребления²³.

Ведущие наркоматы военного профиля, такие как танковой, авиационной, судостроительной промышленности, наркоматы боеприпасов, вооружения, минометного вооружения имели счета именно в этом банке. Более того, в Промбанке СССР размещались счета наркомата обороны СССР, ВМФ СССР (тогда он существовал отдельно от наркомата обороны), наркомата внутренних дел и даже наркомата государственной безопасности. Так, по состоянию на 1 января 1944 г. на счетах этих структур были следующие средства:

- наркомат танковой промышленности — 489 482 297 руб. 51 коп.;
- наркомат авиационной промышленности — 927 983 556 руб. 13 коп.;
- наркомат боеприпасов — 645 513 033 руб. 16 коп.;
- наркомат вооружения — 563 708 654 руб. 30 коп.;
- наркомат минометного вооружения — 161 130 044 руб. 84 коп.;

- наркомат судостроительной промышленности — 119 829 446 руб. 67 коп.;
- наркомат обороны — 166 105 681 руб. 75 коп.;
- наркомат военно-морского флота — 44 365 905 руб. 08 коп.;
- наркомат внутренних дел — 2 451 453 541 руб. 02 коп.;
- наркомат государственной безопасности — 20 056 769 руб. 97 копеек ²⁴.

В структуру банка входили: правление, отдел кредитования импортных поставок, отдел центральных учреждений, отдел финансирования строительства республиканской и местной промышленности. Банк состоял из 95 контор и 103 отделений. У него даже были 3 техникума, готовивших для банка специалистов разного профиля ²⁵. Промбанк СССР как и Госбанк имел полномочия во время Великой Отечественной войны кредитовать импортные поставки, что свидетельствует о масштабах и ответственности его деятельности. Только в 1944 г. банк выделил ссуды на импортные поставки в размере 764 404 812 руб. 66 копеек ²⁶.

Когда началась война, Промбанк заморозил финансирование многочисленных гражданских объектов, а высвободившиеся средства вложил в развитие предприятий, работавших для нужд армии и флота. Велика была роль банка и в денежном обеспечении широкомасштабных работ, связанных с демонтажем предприятий, вывозившихся в глубокий тыл. Банк вкладывал средства и в развертывание фабрик и заводов на Урале, в Сибири, в Поволжье, в республиках Средней Азии, на Дальнем Востоке. Банку государством было дано право контролировать деятельность предприятий по установлению расценок на строительство новых объектов, включая временное жилье для сотрудников предприятий. На протяжении всей войны роль Промбанка в финансировании народного хозяйства страны была очень велика, но особенно она возросла к 1943 г., когда в СССР были развернуты масштабные восстановительные работы в тех районах, которые только-только были освобождены от врага. О масштабах проводимых работ говорит, например, тот факт, что в 1944 г. Промбанк ассигновал на капитальные вложения 16 млрд руб., а в победном 1945 г. — 20 млрд рублей ²⁷. Только на финансирование строительных работ банк выдал строительным организациям в 1943 г. 153 827 млн руб., а в 1944 г. эти вложения увеличились на 63%, составив 25 309,3 млн рублей ²⁸. Таким образом, Промбанк СССР во время войны взял на себя основную нагрузку по финансированию большинства отраслей экономики. Точнее говоря, тех отраслей народного хозяйства, от которых в первую очередь зависела обороноспособность Советского государства.

Кредитные операции Промбанка в некоторой степени пересекались с деятельностью Торгового банка СССР (Торгбанка). Торгбанк, в частности, также осуществлял долгосрочное финансирование капитального строительства в стране. Но в его деятельности акценты делались на финансовое обеспечение предприятий торговли и кооперации. Торгбанк состоял из центрального аппарата и 112 областных, краевых и республиканских контор, которые располагались практически во всех регионах страны ²⁹. Разумеется, масштабы деятельности Торгбанка были несоизмеримы с работой Госбанка и Промбанка. Однако его кредитная деятельность в годы войны была уникальна. Обладая гибкой структурой, банк охватывал кредитованием тысячи торговых предприятий различного масштаба, включая и порой мизерные кооперативные предприятия. Банк сумел сохранить многочисленные кооперативные организации торговли ширпотребом и продовольствием, а также те, которые специализировались на выпуске оборонной продукции. Именно кооперативные организации, включая всевозможные артели, очень удачно дополняли деятельность крупных предприятий, которым было технически невыгодно заниматься производством тех или иных изделий: заготовок для мин и гранат, шанцевого инструмента, индивидуального сельхозинвентаря, упряжей для лошадей и т.д. Банк обеспечивал

финансовую деятельность тех предприятий, которые заполняли многочисленные производственные лакуны, не заполнив которые крупные предприятия в силу своей «неповоротливости» не могли бы в полной мере выполнять государственные заказы для фронта.

Всесоюзный банк финансирования коммунального и жилищного строительства (Цекомбанк) во время войны был, пожалуй, самым «созидательным» советским кредитным учреждением, поскольку его главной задачей в отличие от других банков было не финансирование учреждений, работавших непосредственно на нужды фронта, а субсидирование различного строительства, которое велось в основном для обеспечения жизни советских граждан, включая вопросы коммунального, культурного и бытового обслуживания населения. Как известно, во время войны менялась не просто инфраструктура. По существу на огромном пространстве Советского государства возникали новые крупные очаги жизни, такие, например, как Кемеровская область, созданная в январе 1943 года. Для того, чтобы обеспечить финансами условия жизни и труда советских людей, и действовал Цекомбанк.

Масштабы финансовых операций, если сравнивать их с другими банками страны, у Цекомбанка были невелики. Одним из главных источников поступления денег на счета была оплата коммунальных услуг, по которой у советских граждан в условиях войны была колоссальная задолженность. Банк постоянно не выполнял план сбора средств, за что подвергался резкой критике руководства. Еще одним источником пополнения банковских средств у этого кредитного учреждения были подконтрольные ему ломбарды, которых в стране было несколько тысяч. Однако и они в условиях резкого обеднения населения не могли сыграть существенную роль в налаживании банковской работы³⁰. Одним словом, сотрудникам банка во время войны довелось выполнять во многом неблагодарную, но очень нужную работу, без которой советский тыл вряд ли мог существовать.

Частично задачи Цекомбанка перекликались с задачами, которые выполнял Сельхозбанк. В частности, с февраля 1943 г. на Цекомбанк была возложена задача финансового обеспечения развития подсобных хозяйств. Особое место уделялось развитию огородно-овощного и животноводческого направлений. Важно заметить, что по этому поводу были предусмотрены меры осуществления кредитования еще в середине апреля 1941 года. По этому поводу СНК СССР выпустил специальное постановление № 948³¹ о выходе в свет которого вскоре все забыли. Но жизнь заставила в условиях войны обратиться к этому документу, в котором были предусмотрены меры развития подсобных хозяйств, как важного рычага жизнеобеспечения граждан.

Суть деятельности Цекомбанка на протяжении всей войны оставалась неизменной, но по мере развития событий на фронте, акценты в его деятельности смещались. Если в 1943 г., в период решающих боев, когда Красная армия еще воевала на своей территории, план финансирования капитального строительства через Цекомбанк составлял 1907,5 млн руб. и предусматривал расходование средств на территории, куда практически не ступала нога врага, то в 1944 г. ситуация изменилась. Цекомбанку было поручено вложить в капитальное строительство и ремонт жилого фонда и объектов культурно-бытового назначения 3860,4 млн рублей. При этом значительная часть денежных средств затрачивалась на обеспечение бытовых условий эвакуированного населения и тех, кто возвращался домой на территории, освобожденные от врага³². Справедливости ради, необходимо признать, что восстановительные работы в освобожденных районах, велись недостаточно высокими темпами. Банковские служащие были вынуждены согласиться с тем, что в 1944 г. удалось освоить только 57,9% средств, выделенных на развитие этих регионов³³.

Сельскохозяйственный банк СССР (Сельхозбанк) на протяжении всей своей деятельности имел четко обозначенные задачи — оказание кредитной поддержки колхозам и совхозам страны. Однако с началом войны его функции были несколько скорректированы с учетом складывавшейся реальной обстановки. Появился ряд новых задач, в числе которых было субсидирование сельскохозяйственных организаций и сельских жителей, которые вынужденно оставили места своего проживания из-за наступления вермахта. Возникла необходимость кредитовать вновь возникавшие сельскохозяйственные структуры на новых местах их размещения. Кроме того, появилась необходимость оказания кредитной помощи предприятиям и отдельным гражданам в городских условиях, поскольку в условиях войны значительная часть городского населения выращивала собственными силами овощи, а нередко и домашних животных, птиц для самообеспечения продовольствием. В таких специфических условиях рамки кредитной деятельности Сельхозбанка существенно расширились, а его работа становилась более сложной и разнообразной.

Во время войны в составе Сельхозбанка действовали управление, центральный операционный отдел, а также 374 его филиала в различных регионах страны, в том числе 152 конторы и 223 отделения. Особенностью деятельности Сельхозбанка в годы войны было то, что по его поручению различные кредитные операции выполнялись структурами Госбанка СССР. В интересах Сельхозбанка действовали 3546 отделений Госбанка СССР, в 1550 из которых работали уполномоченные Сельхозбанка. Во время войны потребность в услугах Сельхозбанка непрерывно возрастала. Это подтверждается тем, что к 1945 г. по сравнению с 1944 г. сеть учреждений этого кредитного учреждения «увеличилась на 94 единицы по линии Сельхозбанка и на 642 единицы по линии Госбанка, включая пункты уполномоченных Сельхозбанка»³⁴.

Очевидно, что огромная часть сельскохозяйственной продукции направлялась в действующие части. Эта специфика сказывалась и на деятельности Сельхозбанка, который был вынужден установить необходимые приоритеты: стимулировать выдачей кредитов те сельскохозяйственные предприятия, которые проявляли наибольшую активность в работе в интересах фронта. Помощь банка была разнообразной. Кредиты выдавались не только отдельным предприятиям, но и частным лицам — колхозникам, рабочим совхозов, которые нуждались в средствах для обзаведения индивидуальным хозяйством или в его расширения. Еще одним направлением работы стало развитие сельскохозяйственной деятельности в городах. В том числе и в таких крупных, как Москва и Ленинград. Сельхозбанку пришлось внести свой вклад в изменение сознания горожан: сотни тысяч жителей мегаполисов в военных условиях были вынуждены обзаводиться сельскохозяйственным инвентарем, семенами; получать минимальные знания и навыки выращивания сельскохозяйственной продукции. Горожане в черте города или в ближних пригородах получали земельные наделы, которые стремились использовать с максимальной эффективностью. Практически все крупные городские предприятия и учреждения обзаводились собственными подсобными хозяйствами. На все это нужны были средства, и в сложившихся условиях Сельхозбанк был незаменим. Он помогал фабрикам, заводам, институтам, школам, музеям и, конечно, отдельным гражданам.

Поскольку работа с новой клиентурой была для Сельхозбанка занятием непривычным, возникала необходимость в проведении анализа эффективности вкладываемых средств. Не случайно, вышестоящее руководство время от времени ставило задачу Сельхозбанку «выявить эффект» выделения субсидий³⁵. И хотя такие распоряжения касались, в первую очередь, финансирования деятельности колхозов и совхозов, анализу, разумеется, подлежали и результаты финансовой поддержки городских подсобных хозяйств и отдельных горожан.

Об эффективности работы Сельхозбанка говорят не только отдельные цифры, но и принимавшиеся в то время юридические акты. Например, подтверждением правильности выбранной стратегической линии развития Сельхозбанка служит тот факт, что, проанализировав свою деятельность в 1942 г., банк в феврале 1943 г. принял постановление «О финансировании отделов рабочего снабжения и кредитовании предприятий на организацию и расширение подсобных хозяйств»³⁶.

Заслуживает внимания опыт саморазвития Сельхозбанка. Осознавая важность поддержки собственных кадров, Сельхозбанк СССР в июне 1943 г. принял решение о кредитовании работников системы Сельхозбанка. Каждый сотрудник имел право на получение ссуды на индивидуальное жилищное строительство в размере 5 тыс. руб. под 3 процента годовых сроком на 5 лет. Кроме того, можно было получить ссуду и на приобретение домашнего скота в размере до 2 тыс. руб. на семью под те же проценты, правда, сроком на 2 года, что невольно стимулировало ссудополучателей на частичную сдачу выращенного скота государству³⁷.

Что касается сберкасс, то из-за своих специфических функций они стоят обособленно в общей системе советского кредитования времен Великой Отечественной войны. Остальные же кредитные учреждения — Госбанк, Промбанк, Цескомбанк, Торгбанк, Сельхозбанк — финансово питали крупные сегменты советской экономики. Именно их бесперебойная и очень эффективная работа позволила в годы войны сохранить управляемость рубля, его независимость от иностранных валют.

Государство своей политикой сформировало специфическое отношение банков к своим клиентам: банки были заинтересованы в увеличении объемов выдававшихся кредитов, поскольку это всячески поощрялось. Вероятно, этот опыт следовало бы учесть и в современных условиях. Совпадение банковских интересов с интересами лиц и организаций, получающих кредит, обязательно влечет за собой и рост государственных интересов.

Примечания

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (Договор от 16 февраля 2015 г. № 14.W01.15.6540-МК).

1. Финансовая служба Вооруженных сил СССР в период войны. М. 1967.
2. ДЬЯЧЕНКО В.П. История финансов СССР (1917—1950 гг.). М. 1978.
3. Финансовая система государства в годы Великой Отечественной войны. М. 1996.
4. Роль финансов в обеспечении Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Сб. научных трудов по материалам научной конференции 27 апреля 2010 г. М. 2010.
5. БАДАЕВ Е.В. Полевые учреждения Госбанка СССР в системе денежного обеспечения войск. В кн.: Роль финансов в обеспечении Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., с. 60—72.
6. Денежное обращение в СССР периода Великой Отечественной войны в документах (1941—1945 годы). М. 2008; Госбанк СССР и Минфин СССР в процессе мобилизации и использования сбережений населения (ведомственные материалы). М. 2012.
7. Вспоминая см.: Деньги и кредит. 1995, № 4, с. 6—37; ЗВЕРЕВ А.Г. Записки министра. М. 1973; Совет ветеранов войны и труда Министерства финансов Российской Федерации. Финансисты в годы Великой Отечественной войны. — Финансы. 2010, № 4, с. 4—7.
8. См., например: ЖУКОВ Е.Ф. Денежно-кредитная политика государства в годы войны. В кн.: Финансовая система государства в годы Великой Отечественной войны. М. 1996, с. 32.

9. История министерства финансов России. Т. 3. М. 2002, с. 188.
10. СОКОЛОВ Б.И. Особенности денежного обращения в период войны. — Финансы и кредит. 2010, № 33, с. 78.
11. ГЕРАЩЕНКО В.С. Госбанк в годы Великой Отечественной войны. — Деньги и кредит. 1995, № 4, с. 6.
12. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.), ф. 1853, оп. 7, д. 171, л. 17.
13. Там же, л. 15—20.
14. Там же, л. 19—20.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 7523, оп. 12, д. 1, л. 42, 65.
16. ЖУКОВ Е.Ф. Ук. соч., с. 190.
17. БАДАЕВ Е.В. Полевые учреждения Госбанка СССР в системе денежного обеспечения войск. В кн.: Роль финансов в обеспечении Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Сб. научных трудов..., с. 62.
18. Там же, с. 67.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 644, оп. 1, д. 19, л. 154.
20. Там же, ф. 644, оп. 1, д. 21, л. 23.
21. История министерства финансов России, т. 3, с. 189.
22. ГА РФ, ф. 7523, оп. 15, д. 2, л. 22; д. 6, л. 12; Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7733, оп. 29, д. 146.
23. ЦГА СПб., ф. 2033, оп. 24, д. 14, л. 1—3.
24. РГАЭ, ф. 7733, оп. 29, д. 705, л. 11.
25. Там же, л. 3.
26. Там же, л. 12.
27. История министерства финансов России, т. 3, с. 193.
28. РГАЭ, ф. 7733, оп. 29, д. 705, л. 3.
29. Там же, д. 707, л. 2.
30. ЦГА СПб., ф. 1126, оп. 12, д. 11, л. 6.
31. Там же, л. 60б.
32. РГАЭ, ф. 7733, оп. 29, д. 708, л. 2.
33. Там же, л. 4.
34. Там же, ф. 7733, оп. 29, д. 706, л. 1.
35. ЦГА СПб., ф. 7279, оп. 2, д. 28, л. 17.
36. Там же, л. 42.
37. Там же, л. 10б.

Взаимоотношения войск и гражданского населения в период Малгобекской оборонительной операции

Т.Х. Матиев

Аннотация. Статья рассматривает различные аспекты взаимоотношений и взаимодействия войск РККА и гражданского населения прифронтовых районов Чечено-Ингушской АССР в период Малгобекской оборонительной операции, являвшейся важной составной частью битвы за Кавказ. Анализируется влияние отношений военных и мирного населения на ход боевых действий, налаживание снабжения действующей армии, формирование морально-психологической основы единства народа в противостоянии агрессору.

Ключевые слова: Малгобекская операция, Закавказский фронт, заградотряды, боеприпасы, Северная группа войск.

Abstract. The article deals with the basic content of the land issue as the most important component of social and economic problems of Ingushetia in the early years of the twentieth century. It reveals the influence of socio-economic development of the overall state of the Ingush society of the time, especially its role for them in the Russian socio-political continuum of early twentieth century. Particular attention is paid to measures of the government for the settlement of land relations in the region and the relationship of these efforts with the processes of social and political life in the country as a whole in the period.

Key words: Malgobek operation, Transcaucasian Front, detachments, ammunition, Northern Group.

Битва за Кавказ (24 июля 1942 — 9 октября 1943 г.) стала не только одной из самых долгих страниц Великой Отечественной войны, но и внесла важнейший вклад в победу над врагом. Особое место в истории битвы за Кавказ занимает Малгобекская оборонительная операция Северной группы войск Закавказского фронта.

Непосредственно в период боев за Малгобек местное население принимало самое активное участие в строительстве оборонительных сооружений для войск под артобстрелами и налетами немецкой авиации. Командир 52-й бригады, герой обороны Малгобека В.И. Филиппов вспоминал: «Мы благодарны тем, кто показывал нам тропинки к фашистским позициям, никогда не забудем тех, кто приводил нам овец, приносил мед, чтобы подкрепить ослабевших бойцов.

Матиев Тимур Хусенович — кандидат исторических наук, доцент Ингушского государственного университета. E-mail: istoric-inggu@mail.ru.

Matiev Timur H. — candidate of historical sciences, assistant professor of Ingush State University. E-mail: istoric-inggu.

Граждане населенных пунктов Сагопши, Пседах, Кескем помогали воинам бригады в сооружении противотанковых препятствий, окопов, траншей. Они зачастую сами первыми предлагали помощь»¹.

После захвата Малгобека немцами в начале октября 1942 г. деятельность местных органов власти не прекратилась. Они перебазировались в станицу Вознесенскую, которая являлась ближайшим населенным пунктом, удерживавшимся советскими войсками и так и не сданным врагу. Сюда, в частности, перебрались местные работники НКВД и милиции. По воспоминаниям С.М. Бородина, бывшего в то время начальником Малгобекского ГО НКВД, «несмотря на крайне тяжелую обстановку, работники милиции проводили большую работу. Они следили за вражескими лазутчиками, вылавливали их, нелегально, вместе со своими доверенными лицами, переходили линию фронта, пробирались в Малгобек, выявляли изменников, находившихся на службе у немецко-фашистских захватчиков, уничтожали их, вели борьбу с дезертирами и саботажниками. Особенно активное участие в этой работе принимали оперативные работник милиции Власов и Романов, участковый инспектор милиции Магомет Хаджиев»².

Войска стояли по всей Ингушетии, а не только в прифронтовых районах. В силу небольших размеров территории вся республика стала одной прифронтовой полосой.

Любая война — это особая, экстремальная ситуация, в которой, однако, продолжается жизнь. В ходе войны — тем более, такой длительной, тяжелой и кровавой, какой была Великая Отечественная война — раскрываются разные стороны характера людей — и низкие, и героические. Долгие годы всякая попытка дать правдивую информацию о жизни человека на войне расценивалась как идеологическое преступление. На самом деле полная картина того или иного военного события невозможна без обращения к жизни людей на войне — и солдат в окопах, под огнем, в тылу во время короткого отдыха, и гражданского населения, прихотью истории брошенного в кровавую круговерть военного лихолетья. Исследование взаимоотношений внутри этих групп и между ними во многом позволяет получить объемную картину происходившего на фронте и в тылу и увидеть настоящее лицо войны.

Моральный дух войск, оборонявших Малгобек, был, безусловно, очень высок. В любом ином случае такая сложная задача, как оборона важнейшего рубежа на протяжении полутора месяцев от отлично вооруженного врага, не смогла бы быть настолько эффективной. Тем не менее, общая атмосфера лишений, ежедневных тягот военных будней, нахождения на пороге смерти не во всех будила лучшие качества. Встречались такие явления, как мародерство, трусость, уклонение от выполнения приказа, являющиеся неразлучными спутниками всякой войны и любого сражения.

Однако нет оснований полагать, что они получили широкое распространение. Во-первых, в документах войск, которые держали оборону на малгобекских рубежах, относительно немного упоминаний о такого рода фактах. Во-вторых, сама атмосфера, царившая в войсках во второй половине 1942 г, особенно после выхода печально знаменитого приказа № 227 от 28 июля 1942 г. («Ни шагу назад!») не способствовала распространению подобных явлений. Более того, меры, направленные на то, чтобы поддерживать дисциплину и безжалостно бороться с паникерством и трусостью, которые предписывал приказ Сталина, зачастую оборачивались перегибами, ценой которых, как правило, была человеческая жизнь. Чрезмерная суровость и подозрительность нередко приводили к трагическим эксцессам.

Дисциплинарные нарушения, причем не только со стороны бойцов, но и командиров в частях, сражавшихся под Малгобеком, отмечались еще в период,

предшествовавший началу оборонительной операции. В ходе же самого сражения нервы у многих необстрелянных бойцов, и даже уже участвовавших в боях солдат, не выдерживали — слишком велико было физическое и психологическое напряжение. Случаи неповиновения приказу и неподчинения командирам в любой армии в военных условиях караются строго. В РККА же сентября-октября 1942 г. последствие такого ослушания могло быть только одно — расстрел на месте. Так, в приказе по войскам 9-й армии от 19 октября приводится имевший место 11 сентября 1942 г. факт отказа красноармейца 1369-го полка 417-й дивизии Духа выполнить приказ командира, после чего он «демонстративно в присутствии бойцов бросил вверенное ему личное оружие — винтовку и гранату. За эти преступные действия Дух был на месте расстрелян»³.

Однако в условиях долгого, доводящего до предела человеческих сил противостояния с безжалостным врагом чрезмерное усердие в выполнении приказов нередко имело разрушительные последствия для психики самих исполнителей. Так, в том же приказе от 19 октября командующий 9-й армией приводит пример комиссара 10-й гвардейской стрелковой бригады Чепкасова, который за один день расстрелял двух красноармейцев, направлявшихся из тыла к передовой линии, а в тылу 4-го батальона расстрелял начальника снабжения техника-интенданта 2-го ранга Райсберга (последнего якобы за трусость и небеспечение питанием). Произведенным следствием было установлено, что Райсберг никогда трусости не проявлял и к работе относился добросовестно. В итоге решением Военного трибунала Чепкасов был приговорен к расстрелу⁴.

Падение дисциплины в боевых условиях коснулось даже, казалось бы, такой цитадели армейской дисциплины, призванной надзирать за ее соблюдением с применением самых жестоких мер, как заградительные отряды. Ситуация в этом «роде войск» была настолько серьезной, что командование армии организовало силами военной прокуратуры следствие по фактам имевшихся здесь правонарушений и по ее итогам выпустило специальный приказ, касающийся положения дел в армейских заградотрядах. Так, в приказе командующего 9-й армией № 0124 говорилось: «Военной прокуратурой армии установлены возмутительные факты преступных действий и морального разложения со стороны отдельных командиров армейских заградотрядов.

Следствием установлено, что отдельные командиры 1-го армейского заградотряда систематически на протяжении августа-октября с.г. организовывали коллективные выпивки, злоупотребляли своим служебным положением, своим дурным примером разлагали воинскую дисциплину и не заботились о бесперебойном обеспечении бойцов продуктами питания». Далее в документе приводятся конкретные примеры подобного поведения: доставка и распитие командным составом алкогольных напитков (при этом, «не соблюдая воинские приличия, подрывая свой авторитет как командиров Красной Армии»), привод посторонних женщин в отряд, которые жили там целыми неделями, неоднократные оставления расположения отрядов на длительный срок и др. В результате приказом, под которым стояли подписи командующего армией, начальника штаба и членов Военного совета, командир 1-го армейского заградотряда и командир 2-го взвода 3-го заградотряда были арестованы и отданы под суд военного трибунала⁵.

Снабжение воюющих войск РККА в ходе Малгобекской оборонительной операции было поставлено в общем неплохо. Правда, касалось это, в первую очередь, снабжения боеприпасами — «топливом» войны. В то же время в первые дни операции ощущались проблемы в связи с большим расходом боеприпасов. Так, по состоянию на 3 сентября из основных видов боеприпасов армия была оснащена в достаточном количестве только винтовочными патронами (2 боекомплекта). Мин всех калибров наличествовало только 0,8, артиллерийских

снарядов для легкой артиллерии — 0,9, а артиллерийских снарядов для тяжелой артиллерии — 0,2 боекомплекта. По состоянию на 4 сентября фигурируют практически те же цифры, за исключением некоторого улучшения обеспеченности минами всех калибров — они теперь составляют в войсках 1,04 боекомплекта. Только по состоянию на 6 сентября можно говорить о полной комплектации боеприпасов как для стрелкового оружия (обеспеченность составляла 1,5 боекомплекта), так и для артиллерийского вооружения (1,2 боекомплекта). К 7 сентября эти показатели составляли уже 2,1 и 1,8 боекомплекта ⁶.

В то же время следует отметить относительно высокие показатели обеспеченности войск горючим и продовольствием. Так, на 3 сентября в войсках 9-й армии обеспеченность горюче-смазочными материалами составила 2,3 заправки, 4 сентября — 2,1, а на 6 сентября — 1,8 заправки ⁷. 7 сентября обеспеченность горючим достигла 3,7 заправок ⁸. Обеспечение продовольствием и фуражом дает еще более внушительные цифры. Так, по состоянию на 5 сентября запасы продфуража составляли 7,4 сутдач, на 6 сентября — 7,8 сутдач продовольствия, 5,5 сутдач фуража. На 7 сентября имелись уже 12 сутдач продовольствия и 5,9 сутдач фуража ⁹. Армейские документы 9-й армии редко фиксируют наличие меньше, чем 7-суточных дач продовольствия в войсках ¹⁰. Низкая активность немецкой авиации, сохранение на всем протяжении сражения относительно целостного фронта, отсутствие глубоких прорывов врага, нарушающих коммуникации или тем более создающих ситуации полуокружения или полного окружения наших войск, в совокупности способствовали преодолению трудностей. Тем не менее, говорить о том, что снабжение войск действующей армии под Малгобеком было совершенно лишено всяческих проблем, было бы неверно.

Далеко не всегда можно было вовремя доставить сражающимся войскам питание на передовую, обеспечить бесперебойное снабжение даже на относительно спокойных участках фронта — хотя таковых при той интенсивности боев, которая сохранялась практически на всем протяжении битвы за Малгобек, найти было нелегко.

Перебоями с продовольственным обеспечением, а также общей нервозностью измотанных многонедельными ожесточенными боями войск и неизбежным упадком традиционной дисциплины в обескровленных, сократившихся более чем в половину в результате боев частях можно объяснить (хотя и не оправдать) случаи нарушения уставов, пьянства, мародерства.

Хотя в целом отношения с местным населением военнослужащих отличались доброжелательностью и стремлением взаимно облегчить суровую военную долю (которая для гражданского населения, волей судеб оказавшегося в эпицентре сражения, была, пожалуй, не легче, чем для сражающихся войск), эксцессы отмечались и в этой сфере.

Реквизиции у местного населения также случались: «2 октября лейтенант артдивизиона 59-й отдельной стрелковой бригады Демин днем на улице с. Лакисова стрелял из автомата гусей для Красной Армии... 3 октября группа бойцов 59-й осбр отобрала у населения 150 овец, причем по просьбе колхозников обменяла их на водку» ¹¹.

Другие случаи выглядели куда серьезнее. Например, 10 ноября 1942 г. старший лейтенант 4-й гвардейской стрелковой бригады 10-го гвардейского стрелкового корпуса Короткин и боец Мелестин ссадили с брички заведующего орготделом Пригородного райком партии Кариева и забрали у последнего бричку и лошадь. Несколькими днями ранее группа бойцов 6-й гвардейской бригады 10-го гвардейского стрелкового корпуса разбила пасеку, принадлежавшую Базоркинскому овощесовхозу, и забрала мед ¹².

С наступлением холодов и одновременной стабилизацией линии фронта реквизиции приобретали более «капитальный» характер. Если ранее их предме-

том становился отъем продовольствия, то теперь внимание мерзнувших в окопах и землянках бойцов привлекали строения, в том числе и колхозные. Так, 11 ноября 1942 г. группа бойцов 62-й стрелковой бригады 11-го гвардейского стрелкового корпуса на Камбилеевском хуторе разобрала крыши нескольких силосных ям, чтобы сделать печи. При этом далее указывается, что «несмотря на протесты председателя сельского исполкома, эта группа бойцов продолжала уничтожать совхозное имущество».

16 ноября 1942 г. в с. Шолхи, райцентре Пригородного района, на поле колхоза имени XVII партсъезда при попытке председателя колхоза задержать группу бойцов, самовольно вывозивших 4 брички кукурузы, последние открыли ружейный огонь, ранили председателя и скрылись. «Таких фактов можно привести очень много», — говорится в приказе по армии № 0152 от 8 декабря 1942 года ¹³.

Однако в общем и целом нельзя считать такие факты определяющими отношения войск, защищавших Малгобек, и местного населения. Гораздо более типичными были случаи безвозмездной помощи крестьян окрестных ингушских сел военным, которых они искренне воспринимали как своих защитников и свою армию, воюющую с опасным и безжалостным врагом. Помощь эта принимала самые разнообразные формы — от стирки белья бойцам и командирам до ухода за ранеными и содействия в подвозе боеприпасов на передовую. Многие участники боев за Малгобек из числа местного населения оказывали неоценимую помощь войскам в организации обороны. Благодаря знанию местности они оказывались особенно ценными в ближней разведке.

В Малгобекском музее хранятся воспоминания командира 52-й танковой бригады полковника В.И. Филиппова: «Граждане населенных пунктов Сагопши, Пседах, Кескем помогали воинам бригады в сооружении противотанковых препятствий, окопов, траншей. Они зачастую сами первыми предлагали такую помощь. Сохранился в моей памяти и такой случай проявления патриотизма со стороны местного населения. Как-то, войдя в блиндаж, адъютант доложил, что ко мне просятся двое пожилых мужчин из местных жителей.

Велел впустить их. Они сказали: “Мы знаем, что сейчас трудно снабжать войска продовольствием, потому что дороги перерезаны врагами. Хотим отдать вам небольшую отару овец, принадлежащую жителям, которая пасется в лесной балке”.

Их оказалось голов пятьсот. Мы ежедневно забивали 8—10 овец, кормили бойцов. Это, конечно, была большая помощь. Жители приводили овец и крупный рогатый скот. Мы выдавали им справки, подтверждающие это. На их вопрос: “Зачем справки, мы же не будем требовать обратно”, отвечали: “Это вам документ о том, какой вклад вы внесли в нашу победу над фашизмом”» ¹⁴.

Жительница с. Сагопши С. Даурбекова, которой в 1942 г. было 12 лет, вспоминала, как ее отец каждое утро отправлял из своей отары по два барана в госпиталь в селе Средние Ачалуки ¹⁵.

Бывший санинструктор этого госпиталя Е.В. Пивоварова вспоминала: «Однажды перед зданием госпиталя мы кормили раненых. День был солнечный, теплый. Ну чем мы могли подкрепить раненых бойцов (солдатский паек — и все). Подошли два старика из местных жителей, сели недалеко от нас и молча стали наблюдать за нами. Посидели так некоторое время, покачали головами и, ничего не сказав, ушли. А вскоре к нам пришли женщины, они принесли свежее испеченные кукурузные чуреки, глиняные горшки с маслом, круги домашнего сыра. На следующий день принесли и кур вареных. Сколько мы находились в этом селе, ачалуцкие женщины поставляли нам продукты, кто что мог. Мы остались им навсегда благодарны» ¹⁶.

Таким образом, несмотря на все трудности и возможные эксцессы, неизбежные в сложной военной обстановке, между населением и войсками действу-

ющей армии в прифронтовых районах наладились взаимопонимание и тесное взаимодействие. Это, несомненно, сыграло немаловажную роль в достижении успеха в обороне, а затем и подготовке и проведении успешного контрнаступления советских войск на Северном Кавказе в конце 1941— начале 1942 года.

Примечания

1. В памяти народной. Магас. 2005, с. 67.
2. КУРЫЛЁВ И.В. Боевой путь милиции Чечено-Ингушетии. Грозный. 1976, с. 150.
3. Приказ войскам 9-й армии № 0019. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО), ф. 5871, оп. 5689, д. 74, л. 80.
4. Там же.
5. Приказ командующего 9-й армии № 0124. ЦАМО, ф. 5871, оп. 5689, д. 74, л. 110—112.
6. Обеспечение по основным видам снабжения войск 9-й армии на 18.00. 5.09.1942. Там же, ф. 464, оп. 5689, д. 89, л. 15—27.
7. Обеспечение по основным видам снабжения войск 9-й армии на 18.00. 3.09.1942. Там же, л. 20—24.
8. Обеспечение по основным видам снабжения войск 9-й армии на 18.00. 7.09.1942. Там же, л. 27.
9. Там же, л. 20—27.
10. Обеспечение по основным видам снабжения войск 9-й армии на 18.00. 5.09.1942, л. 20.
11. Приказ войскам 9-й армии от 22 октября 1942 г. № 0020. ЦАМО, ф. 5871, оп. 5689, д. 74, л. 83.
12. Приказ командующего 9-й армии № 0152. Там же, л. 174.
13. Там же, л. 174.
14. В памяти народной, с. 67.
15. Эфир ГТРК «Ингушетия». 3.01.2013.
16. В памяти народной, с. 67.

Межнациональные отношения в артиллерийских подготовительных училищах в 1946—1955 гг.

Е.А. Карпов

Аннотация. В статье впервые на основе архивных источников и мемуарной литературы рассматривается национальный состав и характер межнациональных отношений в артиллерийских подготовительных училищах — малоизученных военно-учебных заведениях для подростков в СССР, действовавших в 1946—1955 годах.

Ключевые слова: артиллерийские подготовительные училища, межнациональные отношения, национальная политика в СССР, воинское обучение и воспитание в СССР, советская молодежь, послевоенный период истории СССР, подготовительное военно-учебное заведения для подростков.

Abstract. The article for the first time on the basis of archival sources and memoir literature examines the ethnic composition and character of interethnic relations in the artillery preparatory schools — studied the military schools for teenagers in the USSR, which operated in 1946—1955.

Key words: artillery preparatory schools, international relations, national policy in the USSR, military training and education in the USSR, Soviet youth, the post-war period of Soviet history, the preparatory military schools for Teens.

К концу 1930-х гг. в Красной армии в рамках общегосударственного курса ухода от коренизации и превращения СССР в страну советских патриотов все чаще стали обращаться к героическим страницам русской военной истории и прошлого русского народа.

Одновременно в армии получили новый импульс идеи внутреннего интернационализма — укрепления дружбы народов Советского Союза, чему способствовало принятие Конституции СССР 1936 г., в которой впервые было закреплено равноправие всех рас и наций во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества, а также территориальный принцип национально-государственного устройства¹.

Вооруженные силы СССР имели опыт формирования и деятельности воинских частей, созданных по национальному признаку. В 1920—1940-е гг., в том числе в годы войны, в Красной армии существовали национальные воинские подразделения (по факту, а не по наименованию, особенно в период дово-

---

Карпов Евгений Александрович — соискатель Института гуманитарных наук ГБОУ ВО МГПУ.
E-mail: Evg-A-Karpov@yandex.ru.

Karpov Evgeniy A. — applicant of the Institute of humanities. E-mail: Evg-A-Karpov@yandex.ru.

енного комплектования по территориальному признаку)². Незадолго до и в годы Великой Отечественной войны из казаков были сформированы кавалерийские части, очевидно, просуществовавшие до середины 1950-х годов³.

После того, как Красная армия в 1944 г. приступила к освобождению Восточной Европы, в вооруженных силах усилились позиции внешнего интернационализма (пролетарская, демократическая, антиколониальная солидарность), который стал особенно востребован с началом «холодной войны»⁴.

Одним из малоизученных вопросов истории советского периода остается характер межнациональных отношений в Вооруженных силах СССР сталинского времени, в том числе в системе подготовки кадров. В историографии отсутствуют сведения, касающиеся характера межнациональных отношений в системе военно-учебных заведений для подростков в 1930—1950-е гг., представленной военно-музыкальными школами, артиллерийскими и военно-морскими спецшколами, спецшколами военно-воздушных сил, артиллерийскими подготовительными училищами, военно-морскими подготовительными училищами, суворовскими военными училищами, суворовскими военными училищами войск НКВД СССР, нахимовскими военно-морскими училищами. Историография данных военно-учебных заведений в принципе немногочисленна.

Абсолютно неизвестными для науки остаются национальный состав воспитанников и характер межнациональных отношений в артиллерийских подготовительных училищах (АПУ) — малоизученных военно-учебных заведениях для подростков с профильным артиллерийским компонентом, сеть которых действовала в период 1946—1955 годов. Всего в системе Министерства Вооруженных Сил СССР (с 1950 г. — Военное министерство СССР) в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 10 июля 1946 г. № 1532-680сс «Об организации артиллерийских подготовительных училищ в системе Министерства Вооруженных Сил Союза ССР»⁵, были созданы 10 АПУ на территории европейской части Советского Союза: два в Москве, по одному в Ленинграде, Ростове-на-Дону, Киеве, Харькове, Одессе, Сталино (с 1961 г. — Донецк УССР), Минске и Ереване. Каждое училище было рассчитано на 600 воспитанников, которые обучались по программам 8—10-х классов средних школ РСФСР и проживали в интернатах, а фактически в казарме.

Сведения о национальном составе воспитанников содержатся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации. Наиболее информативным является фонд № 36 Управления артиллерийских военно-учебных заведений в аппарате командующего артиллерией Советской Армии (УАВУЗ), в ведении которого находились АПУ. Эти данные в масштабе каждого училища представлены в особых справках по форме № 2 «Справочные данные о переменном составе и комплектации... артиллерийского подготовительного училища», которую училище направляло в УАВУЗ по итогам каждой учебной четверти.

Наряду со сведениями о национальном составе, справка включала в себя ряд других социальных демографических категорий. Кроме того, данные о национальности воспитанников присутствуют в переписке УАВУЗ с АПУ из указанного фонда, как правило, в характеристиках на отдельных воспитанников.

Исходя из сведений, содержащихся в справках по форме № 2 по итогам учебного года (сохранились по всем училищам, но не за все годы их деятельности), можно сделать вывод, что абсолютное большинство воспитанников АПУ по национальности являлись русскими. Это утверждение справедливо не только в отношении училищ, расположенных на территории РСФСР, но также Минского и Ереванского АПУ. Максимально известное количество белорусов в первом из них не превышало 153 чел. (в 1948—1949 уч. г.), а армян во втором

— 77 чел. (в 1947—1948 уч. г.), при этом русских в указанный период обучалось 326 и 305 чел. соответственно ⁶.

Вторая по численности национальная группа — украинцы. В АПУ, расположенных на территории УССР, в разные годы они либо составляли большинство, либо уступали по численности русским (от 1/3 до 1/2 и более всех воспитанников). Так, в Киевском АПУ численность украинцев доходила до 308 чел. при 192 русских (1948—1949 уч. г.), в Харьковском АПУ — до 252 при 282 русских (1947—1948 уч. г.), в Одесском АПУ — до 247 при 290 русских (1948—1949 уч. г.), в Сталинском АПУ — до 97 при 180 русских (1947—1948 уч. г.). В училищах на территории РСФСР, БССР и Армянской ССР численность украинцев по отношению к общему количеству воспитанников была незначительной ⁷.

Третья по численности национальность в АПУ — евреи — была широко представлена во всех училищах. Максимально зафиксированное число воспитанников еврейской национальности было в Киевском АПУ — 85 чел. (1948—1949 уч. г.). В ряде училищ за пределами УССР в разные годы их было почти столько же, сколько украинцев и даже больше. Например, в 1-м Московском АПУ обучалось 25 евреев и только 19 украинцев (1948—1949 уч. г.), в Ростовском — 11 евреев и 30 украинцев (1948—1949 уч. г.), в Минском — 71 еврей и 34 украинца (1948—1949 уч. г.) ⁸

Для АПУ был характерен пестрый национальный состав. Училища в значительной степени отражали этническую карту СССР. В разные годы там учились грузины, азербайджанцы, татары, осетины, мордвины, башкиры, якуты, таджики, латыши, литовцы, адыгейцы, казахи, узбеки, караимы. Но их количество было незначительным.

Больше всего из перечисленных народов зафиксировано грузин, обучавшихся в Ереванском АПУ — 11 чел. в 1946—1947 уч. г., причем в следующем году их количество по неизвестной причине сократилось вдвое — до 5 человек. Во всех училищах присутствовали белорусы, наибольшее количество которых за пределами Минского АПУ зафиксировано в Ростовском — 9 чел. (1948—1949 уч. г.) Практически во всех училищах присутствовало незначительное число татар, максимум которых отмечен в Минском АПУ в 1947—1948 уч. г. — 11 человек. Однако в следующем году их не отмечено вовсе ⁹.

Отдельного внимания заслуживают условные «иностранцы» — советские граждане, являвшиеся выходцами из диаспор народов, имевших свои государства (как страны «народной демократии», так и капиталистические), которые традиционно проживали на территории Российской империи и СССР, либо переселились в Россию недавно (например, ассирийцы, учившиеся в Ереванском АПУ ¹⁰). Среди воспитанников были советские поляки, болгары, корейцы, финны, греки и даже испанцы (дети испанских революционеров).

Учитывая время деятельности АПУ, естественно, что в архивных документах отсутствуют упоминания о представителях депортированных народов, находившихся на спецпоселении. При этом в АПУ учились представители этнических групп и народов, частично подвергшихся депортации, например, греки, болгары, поляки и корейцы, а также прибалты.

Характер межнациональных отношений в АПУ становится ясен из переписки УАВУЗ с АПУ, а также немногочисленной мемуарной литературы.

Несмотря на советское гражданство и местное происхождение большинства «иностранцев», начальники АПУ представляли на них характеристики в «органы» для проверки, а также направляли соответствующие донесения в УАВУЗ. Характеристики содержали сведения о родителях, образовании, членстве в ВЛКСМ, социальном происхождении и другие социально-демографические данные.

Типичный пример — характеристики начальника Ереванского АПУ генерал-майора артиллерии Д.И. Тарасова на воспитанников-ассирийцев, ко-

рейца и испанца, направленные в «органы» для проведения проверки. Ассирийцы — уроженцы Грузии и Армении Роберт Шабазов и Леонид Петров; кореец — Линард Цой, уроженец Приморья из г. Никольск-Уссурийск; испанец — Хозе Айя Сиерра, уроженец г. Сантандер, эвакуированный из Испании в 1937 г., родители которого остались на родине. Воспитанник Сиерра прибыл в училище из трудовой воспитательной Халтурийской колонии УНКВД Кировской области. Все воспитанники — члены ВЛКСМ ¹¹.

Опубликованные воспоминания бывших воспитанников позволяют предположить существование некоторого предубеждения в отношении евреев. Периодически, при описании жизни в АПУ подчеркивается принадлежность друзей-однокашников и преподавателей к данной национальности ¹². Очевидно, такое отношение было обусловлено историческими пережитками и некоторым искусственным культивированием антисемитских настроений в обществе (см. «дело Еврейского антифашистского комитета», «дело врачей-убийц» и т.п.). Однако никогда не отмечалась национальность евреев-педагогов, если они были мастерами своего дела.

В целом же, воспитанники беззлобно обращали внимание на национальные особенности преподавателей, которые привлекали их внимание. Например, на преподавателей-армян в Ереванском АПУ, допускавших ошибки в русской разговорной речи ¹³.

Значительная часть воспитанников АПУ из национальных республик недостаточно владела русским языком. Так, в письме начальника Киевского АПУ в УАВУЗ от 18 октября 1947 г. № 0465 сообщается, что вновь принятые воспитанники имеют низкий уровень знаний, особенно те, кто обучался в сельских школах. Например, русский язык учащимся средних украинских школ был совершенно не знаком. Помимо ребят из украинской глубинки проблемы с русским языком были также у кандидатов из Армянской ССР, у азербайджанцев ¹⁴.

Не случайно одной из основных учебно-воспитательных задач в отношении вновь принятых воспитанников, по их воспоминаниям, являлась языковая унификация и преодоление языкового барьера ¹⁵. Русский язык являлся одним из основных инструментов формирования «советского человека». Так, один из бывших воспитанников Ленинградского АПУ в своих мемуарах отмечает, что его, одессита, старались научить говорить по-русски правильно, без акцента, литературным языком, исключая украинские слова из оборота ¹⁶.

Кончено, не существовало необходимости в создании отдельных подразделений внутри АПУ, сформированных по национальному признаку. Воспитанники одной национальности, недостаточно владевшие русским языком, распределялись в разные подразделения и быстро адаптировались, оказавшись в полностью русскоязычной среде.

Никаких межнациональных противоречий в АПУ в архивных документах, равно как и в опубликованных воспоминаниях и беседах с некоторыми бывшими воспитанниками, не выявлено.

Сеть АПУ была постепенно ликвидирована в период 1948—1955 гг., преимущественно в связи с недостаточным уровнем размещения училищ, а также сокращением артиллерийских частей и подразделений Советской Армии, обусловленным постепенным развитием и внедрением новых видов наступательных вооружений, в том числе боевой ракетной техники. В создавшихся условиях отпала необходимость в подготовке артиллерийских офицеров в прежнем количестве. Несмотря на то, что уже в 1953 г. остававшиеся 1-е и 2-е Московские, Ленинградское и Харьковское АПУ являлись основным источником кадров для Ростовского высшего инженерного и Камышинского арттехнического училищ, за два последующих года все АПУ были ликви-

дированы. Некоторые воспитанники расформированных АПУ, пока существовала возможность, были переведены в другие училища.

Общие идеологические установки в воспитательной работе АПУ были направлены на формирование у воспитанников чувства интернационализма в соответствии с текущим политическим моментом (солидарность с антиколониальной борьбой вьетнамского народа, антиимпериалистической борьбой народа Северной Кореи и т.п.) при реальном отсутствии формального и неформального ограничения прав представителей какой-либо национальности в училищах.

В 1940-е и даже 1950-е гг. уклад жизни значительной части некоторых народов и целых этнических групп в СССР, проживавших в сельской местности, оставался достаточно традиционным, несмотря на проверку его прочности в годы коллективизации, индустриализации, Великой Отечественной войны, массовых переселений, а также урбанизации, особенно в послевоенные годы.

Именно традиционностью, патриархальностью жизненного уклада и, как следствие, недостаточным знанием русского языка, вероятно можно объяснить сокращение количества воспитанников грузинской и татарской национальностей в Ереванском и Минском АПУ, а также присутствие буквально единиц представителей титульных наций других союзных республик, кроме прибалтийских (в том числе по причине географической удаленности указанных союзных республик). На этом фоне является закономерным абсолютное доминирование среди воспитанников Ереванского АПУ юношей русской национальности и присутствие во всех АПУ евреев — как представителей наиболее урбанизированных народов.

Обучение и воспитание в АПУ, характеризовавшееся предельной унификацией, было направлено, в первую очередь, на формирование советского патриотизма, приведение к единому стандарту, следствием чего было дальнейшее размывание национальных отличий. Так как АПУ являлись военно-учебными заведениями, они способствовали интеграции воспитанников разной национальности в общесоюзное социальное пространство с доминирующим русским началом, которое скрепляло советскую общность.

Как следует из архивных документов, гораздо более значимым для руководства АПУ, чем национальность воспитанников, являлось их социальное происхождение, а также возможное нахождение их и их родителей на оккупированных территориях в годы войны.

Примечания

1. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических республик. М. 1937, с. 5—8, 24.
2. БЕЗУГОЛЬНЫЙ А.Ю. Национальные формирования в РККА в годы Великой Отечественной войны. — Военно-исторический журнал. 2014, № 6, с. 16—21.
3. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Кавалерийские корпуса в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (Справочник). Л. 1955, с. 92—202; БУГАЙ Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917—90-годы). М. 2000, с. 62.
4. СЕНИЦЫН Ф.Л. За русский народ! Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. М. 2010, с. 4—35.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 5446, оп. 106с, д. 216, л. 140—144.
6. ЦАМО РФ, ф. 36, оп. 363 275с, д. 64, л. 245; д. 66, л. 95—97.

7. Там же, оп. 363 274, д. 67, л. 109—110; д. 68, л. 111—113; оп. 363 275с, д. 57, л. 19—55; д. 59, л. 19—21.
8. Там же, оп. 363 275с, д. 51, л. 284, 285; д. 57, л. 55; д. 64, л. 245—246; д. 67, л. 249—253.
9. Возможно, речь идет о представителях этнотерриториальной группы белорусских татар, традиционно проживающих на территории Беларуси; ЦАМО РФ, ф. 36, оп. 363 274, д. 73, л. 155, 156; оп. 363 275с, д. 64, л. 245; д. 66, л. 95—97; д. 67, л. 249—253.
10. Ассирийцы массово переселялись на территорию России в 1828 и в 1917—1918 гг. из Персии и Османской империи.
11. ЦАМО РФ, ф. 36, оп. 363 274с, д. 75, л. 107, 108.
12. ЛИТВИНСКИЙ М.А. Я Агасфер. М. 2012, с. 88; КОНДРАТЕНКО С.И. и др. Незря недели мы, друзья, артиллерийские погоны: Воспитанники. Курсанты. Офицеры. Ч. 1. М. 1996, с. 126, 321—322.
13. СЫЧЕНКОВ Б.П. Юные боги войны: краткая история средних военно-учебных заведений Советского Союза. М. 2006, с. 164.
14. ЦАМО РФ, ф. 36, оп. 363 274с, д. 61, 67, 69, 75, 84; оп. 363 275с, д. 57.
15. КРУГЛОВ В.В., СЫЧЕНКОВ Б.П. и др. Наша юность, любовь и память. Историко-мемуарный сборник о 1 Московском артиллерийском подготовительном училище. (1946—1955 гг.) Ч. 2. Кн. 1. М. 2003, с. 6. Киевское артиллерийское подготовительное училище: мемориальный сайт. URL: [http:// kievkapu.narod.ru/avtstrel.html](http://kievkapu.narod.ru/avtstrel.html).
16. КОНДРАТЕНКО С.И. и др. Ук. соч., ч. 2, с. 303.

Внутренние противоречия и борьба в руководстве Азербайджанской ЧК в 1920—1922 гг.

А.Х. Халилов

Аннотация. В статье дана краткая научная характеристика процессу формирования и политическому поведению руководства главного карательного органа Азербайджанской ССР — Азербайджанской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, бандитизмом и преступлениями по должности (Аз.ЧК) в условиях установления большевистского режима в республике. В работе повествуется о закулисной борьбе и интригах в правящих кругах Азербайджанской ССР, в частности, среди высших чинов политической полиции республики в начале 1920-х годов. Автор, взяв за основу архивные материалы, дает собственное видения процессов, сыгравших важнейшую роль в общественно-политической жизни Азербайджанской ССР в указанный период.

Ключевые слова: председатель Аз.ЧК, политическая полиция, Азербайджанская ССР, коллегия Аз.ЧК, чрезвычайный комиссар, Э. Ханбудагов, борьба за власть, политическая группа.

Abstract. The article gives a brief scientific description of the process of formation and political behavior of the leadership of the main punitive body of the Azerbaijan SSR — Azerbaijan Extraordinary Commission against counter-revolution, speculation, gangsterism, and crimes of the post (Az.EC) under the establishment of the bolshevik regime in the country. The work tells the story of struggles and intrigues behind the scenes in the ruling circles of Azerbaijan SSR, in particular, among the highest ranks of the political police of the republic in the early 1920s. Author gives his own vision of the people and processes played an important role in the socio-political life of Azerbaijan SSR in the given period.

Key words: Az. EC chairman, the political police, the Azerbaijan SSR, the board Az. EC, extraordinary commissioner, E. Khanbudagov, struggle for power, a political group.

Одним из основных органов правительства Азербайджанской ССР в начале 1920-х гг. являлась Азербайджанская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, бандитизмом и преступлениями по должности (Аз.ЧК). Ставшая синонимом политической полиции Аз.ЧК была создана сразу после апрельского переворота в Азербайджане — в мае 1920 г. в целях борьбы с внутренними врагами Советской власти.

Халилов Аслан Хасы оглы — кандидат исторических наук, докторант Института истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана. E-mail: Xalilov62@inbox.ru.

Khalilov Aslan Khasi — candidate of historical sciences, doctoral at the Institute of History named by A.A. Bakikhanov NAS of Azerbaijan. E-mail: Xalilov62@inbox.ru.

Первым председателем Аз.ЧК стал Баба Алиев, бывший единственным представителем коренной национальности в руководящем составе данного учреждения в указанный период.

В это время во всех сферах общественной жизни Азербайджанской ССР царил хаос. Правительственные органы республики находились на стадии формирования, разграничение полномочий между отдельными ветвями власти отсутствовало. Аз.ЧК не имела четких инструкций, регулирующих ее деятельность. Кроме того, правительство бросило ее на произвол судьбы. Руководители и сотрудники Аз.ЧК, лишённые военного довольствия, должны были жить за счет реквизируемого и конфискованного имущества населения республики. И азербайджанские чекисты воспользовались этим обстоятельством.

Это в определенной мере ускорило освобождение Б. Алиева от должности председателя Аз.ЧК. 15 сентября на заседании Организационного и Политического бюро ЦК АКП(б) Эюб Ханбудагов, до этого работавший в союзе водников, был назначен новым председателем Аз.ЧК, а его заместителями стали А. Кавтарадзе и Алиев. Затрагивая причины смены руководства Аз.ЧК, высший орган ЦК АКП(б) постановил: «Работа ЧК вследствие плохого состава коллегии не только убивает, а наоборот рождает контрреволюцию. Одним из главных недостатков работы является то, что большинство сотрудников ЧК непартийные...»¹

На самом деле, основной причиной кадровых перестановок в руководстве Аз.ЧК являлось то, что Алиев не входил в группу председателя Совета Народных Комиссаров республики Н. Нариманова, который, имея сильные позиции, хотел видеть своего человека в руководстве этого очень важного органа. Как известно, в 1920—1921 гг. Э. Ханбудагов являлся одним из активных сторонников Нариманова в его борьбе против Саркиса, Л. Мирзояна, Р. Ахундова, М.Д. Гусейнова. Но в должности председателя Аз.ЧК он не смог добиться коренного перелома в работе данного органа. В связи с этим, Организационным и Политическим Бюро ЦК АКП(б) была создана комиссия по проверке работы Аз.ЧК. Ее результаты оказались впечатляющими и требовали принятия неотложных мер. В докладе комиссии от 4 ноября 1920 г. говорилось: «Не только Азревком, но и ЦК не обращали внимания на работу Аз.ЧК. Общий отдел особенно плох. В хранилище хаос, нельзя понять, что реквизируемо, что подлежит сдаче. Финансовый отдел тоже не фиксирует иностранные денежные знаки — пишется общее количество, не указывается достоинство монет... Комендатура при ЧК битком набит арестованными за мелочь, а часто попросту...»²

На этом заседании было принято постановление, в котором отмечалось, что Аз.ЧК является органом Азревкома, создается им, работает под его политическим контролем и руководствуется директивами Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК). Кроме того, руководящий орган — коллегия Аз.ЧК — также утверждалась ВЧК. Если раньше в нее входили два человека — Ханбудагов (председатель) и А. Кавтарадзе (зам. председателя), то теперь число ее членов увеличивалось. Создавалась особая коллегия из 5 чел., которая избиралась ревкомом. Кроме того, в коллегия Аз.ЧК входили представители НКВД, НКЮСТА и начальник милиции. Но представители этих учреждений участвовали в работе коллегии только в случае принятия мер общего характера. Повседневную работу должна была вести пятерка — особая коллегия, куда входили: Ханбудагов (председатель Аз.ЧК), В. Панкратов (председатель особого отдела XI армии), Кавтарадзе (заведующий секретно-оперативным отделом, зам. председателя), Айвазов (руководитель политбюро), Угаров (заведующий общим отделом). Из них ВЧК выделял троих, которым поручался разбор важнейших дел. В эту тройку вошли Ханбудагов, Кавтарадзе и Панкратов³. Кроме того, если раньше политбюро на местах действовали практически самостоятельно, то теперь они создавались ЧК по соглашению с местными уездными комитетами партии.

Чтобы положить конец чекистским грабёжам, было решено перевести сотрудников ЧК на военное довольствие.

Кроме вышеизложенного, в постановлении Организационного и Политического Бюро ЦК АКП(б) говорилось о необходимости организовать ревизию ЧК. Возможно это и стало причиной заявления Ханбудагова от 20 ноября 1920 г. об уходе из Аз.ЧК. Он был снят с поста председателя Аз.ЧК в начале февраля 1921 г., пробыв всего пять месяцев на посту главного чекиста Азербайджанской ССР. Официальной причиной досрочного освобождения Ханбудагова от должности стал доклад комиссии «По делу Кавтарадзе» от 6 февраля 1921 года. Комиссия установила, что работники Аз.ЧК устанавливали друг за другом слежку. Агент Аз.ЧК Д. Чечелия по заказу заместителя председателя Кавтарадзе подслушал телефонный разговор между Ханбудаговым и Наркомом путей сообщения Ч. Ильдырымом. Комиссия выявила, что Кавтарадзе занимался разглашением секретных постановлений Политбюро ЦК по поводу преступной деятельности отдельных работников (Хаджилиаса и др.), ставленников Нариманова. В результате Кавтарадзе был снят с поста заместителя председателя Аз.ЧК.

По вопросу Ханбудагова комиссия вынесла следующее решение: «... при наличии безупречной честности в работе, комиссия констатирует малоопытность в руководстве работой Аз.ЧК, что не могло не отразиться на общем ходе работ»⁴. В докладе ничего не было сказано о необходимости его освобождения. Но, несмотря на это, вскоре он был уволен.

В крушении карьеры Ханбудагова основную роль сыграл Нариманов, который в своем известном докладе в ЦК РКП, написанном в декабре 1923 — мае 1924 г., признавался: «Я выгнал из ЧК председателя Ханбудагова за безнравственность...»⁵

Видимо, ставший при помощи Нариманова председателем Аз.ЧК Ханбудагов передавал какие-то важные материалы, связанные с деятельностью группы «наримановцев», в руки их политических оппонентов (Мирзояна, Ахундова, Гусейнова и др.). Кроме того, известно, что Аз.ЧК сыграла не последнюю роль в организации кампании против самого близкого человека Нариманова — чрезвычайного комиссара Шамахинского уезда Ширвани А.Г. Мустафабекова.

Примечательно, что деятельность Ханбудагова не осталась незамеченной противниками Нариманова, чему свидетельствует головокружительный карьерный взлет бывшего шефа Аз.ЧК. В марте 1922 г. Нариманов покинул Азербайджан, а Ханбудагов стал практически вторым человеком в партийной организации Азербайджана после С.М. Кирова — секретарем ЦК АКП(б). Безусловно, в этом ему помог Мирзоян, секретарь могущественного Бакинского Комитета АКП(б).

По решению Политбюро от 10 февраля 1921 г., новым председателем Аз.ЧК стал ярый сторонник Нариманова — М.Дж. Багиров. В отличие от своего предшественника Багиров оправдывал доверие Нариманова до тех пор, пока последний возглавлял правительство Азербайджанской ССР (апрель 1920 — март 1922 гг.). Сотрудники Аз.ЧК стали реальной угрозой для противников Нариманова, а сам Багиров вел себя как телохранитель председателя СНК республики.

Багиров оказался полезным в то время, когда Саркис и его «левая» компания намеревались осуществить переворот в руководстве ЦК АКП(б). Известно, что в начале 1921 г. секретарь ЦК АКП(б) Г. Каминский, по воле политической судьбы ставший сторонником Нариманова, уехал в Москву, где лечился в течение 3-х месяцев. Вместо него временным секретарем ЦК был назначен Ахундов, противник национал-уклонистов — «наримановцев». Секретарь БК Саркис, желавший не допустить к власти Каминского, объявил Ахундова «постоянным» секретарем ЦК АКП(б).

Нариманов, не хотевший видеть Ахундова на посту руководителя ЦК, поспешил нанести ответный удар по своим политическим оппонентам, воспользовавшись услугой своего протеже — председателя Аз.ЧК Багирова.

В конце мая 1921 г. сотрудники Аз.ЧК, якобы случайно, арестовали некоего Гасана Алиева, торговца оружием. Во время допроса арестованного стало известно, что квартира, где проживал Алиев, принадлежала семье Ахундова. В квартире был произведен обыск, и были найдены документы партии эсеров, компрометирующие Ахундова. Квартира была закрыта и опечатана чекистами.

На заседании Политического и Организационного Бюро ЦК АКП(б), состоявшемся в середине июня 1921 г., Ахундов официально отказался от поста «постоянного» секретаря ЦК и предложил Каминскому принять дела ЦК. В отстранении Ахундова немаловажную роль сыграли компроматы, найденные чекистами Багирова в конце мая 1921 года.

После политического крушения Нариманова летом 1923 г., Багиров перешел на сторону его оппонентов. Более того, он, как председатель Аз.ЧК, начал преследовать самых близких сторонников Нариманова. В апреле 1924 г., во время XIII общебакинской партийной конференции, председатель Аз.ЧК заявил: «... я только в феврале 1921 года перешел на работу в АССР... и никакого отношения ни к каким группировкам не имел. Со дня же перехода на работу в ЧК, я вел активную борьбу со всеми типами как Абдул Баги и т.д... А результаты неконтактности и не солидарности с Наримановым можно видеть хотя бы по работе, где я никому из его сторонников не давал пощады и поблажки...»⁶

В 1923—1924 гг. Багиров стал активным членом политической группировки, возглавляемой своим предшественником — Эюбом Ханбудаговым. Однако в мае 1924 г., когда на VI съезде АКП(б), «ханбудаговцы» были разгромлены, он ловко отошел от него. По умению лавировать председателю Аз.ЧК не уступал и его заместитель — Лаврентий Павлович Берия.

Берия был сотрудником «Организации по борьбе с контрреволюцией» при Военном Министерстве Азербайджанской Демократической Республики (1918—1920). В январе 1920 г., когда в результате угрозы Советской оккупации, начались тревожные дни АДР, он был уволен из этого органа по своему прошению и вскоре уехал в родную Грузию. В Тифлисе он был арестован, но в июне 1920 г., после вмешательства полномочного представителя Советской России в меньшевистской Грузии Кирова был освобожден и выслан обратно в Баку, где в июле 1920 г., опять же по рекомендации Кирова, занял пост управляющего делами ЦК АКП(б).

Бытует мнение, будто Берия оказался в руководстве Аз.ЧК благодаря Багирову. На самом деле, Берия служил в ЧК еще до прихода Багирова в Аз.ЧК. Так, в октябре 1920 г. его назначили ответственным секретарем Аз.ЧК по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих в Баку. Утверждения о том, будто Берия уже в феврале 1921 г. занял пост заместителя Багирова, абсолютно безосновательны, поскольку Лаврентий Павлович 24 апреля 1921 г., на заседании Политического и Организационного Бюро ЦК АКП(б), был назначен заместителем заведующего Секретно-оперативного отдела (СОО) Аз.ЧК — Гусейна Ахундова. Только 16 июля 1921 г., согласно Постановлению Политбюро ЦК АКП(б), Берия стал заместителем председателя Аз.ЧК. Позднее, летом 1922 г., он занял еще и пост заведующего СОО Аз.ЧК. Именно тогда один из основных виновников массовых репрессий 1936—1937 гг. в Азербайджанской ССР, Ю. Сумбатов-Топуридзе, благодаря Берии, назвавшего его «самым близким человеком»⁷, стал заведующим бандотделения Аз.ЧК. Как не странно, своей головокружительной чекистской карьерой Берия был обязан не Багирову, а Кирову, ставшему летом 1921 г. руководителем Азербайджанской партийной организации.

Тем не менее, Бакинский период чекистской деятельности Берии не был безоблачным, так как при чистке Азербайджанской партийной организации в декабре 1921 г. был поднят вопрос о его службе в «мусаватской контрразведке» — организации по борьбе с контрреволюцией во второй половине 1919 года⁸. Дело Берии расследовалось ЦКК Азербайджанской и Закавказской партийных

организаций, а затем было передано в ЦКК РКП(б), по постановлению которой, он был переведен в распоряжении РКП(б).

6 мая 1922 г. на заседании Президиума ЦК АКП(б) было принято единогласное решение: «Признать работу Берия в Аз.ЧК крайне необходимой, просить ЦК РКП оставить его в Азербайджане и не приводить в исполнение постановление ЦКК»⁹.

Таким образом, Берия, оказавшись на краю пропасти, отделался легким испугом. Он вновь был спасен могущественным Кировым. Более того, весной и летом 1922 г. Берия на несколько месяцев занял пост председателя Аз.ЧК, так как Багиров в январе 1922 г., по постановлению Закавказской ЦКК, «за нарушение революционной законности» был исключен из рядов партии и отстранен от занимаемых должностей на 4—5 месяцев¹⁰. Именно тогда, Берия занял кресло своего непосредственного шефа. В некоторых официальных документах того периода Берия упоминается как председатель Аз.ЧК. Так, например, в приказе №2703 Административного отдела Закавказского ЧК от 8 июня 1922 г. должность Берии обозначена как председатель Аз.ЧК. Кроме того, в протоколе заседания Президиума ЦК АКП(б) от 8 апреля 1922 г. фамилия Багиров в списке членов Президиума отсутствует, а фамилия Берия, как было положено председателю Аз.ЧК, занимает почетное третье место¹¹. Только после того, как Багиров был помилован Москвой, Лаврентию Павловичу пришлось уступить место своему реабилитированному начальнику. Наверняка, Берия за этот свой «великодушный поступок» не был обделен вниманием тогдашних республиканских руководителей. В августе 1922 г. он, сохраняя за собой пост заместителя председателя Аз.ЧК, был назначен заведующим важнейшего отдела Аз.ЧК — СОО.

В сентябре 1922 г. Берия стал заместителем председателя Грузинской ЧК и заведующим Секретно-политической части этого органа. Это произошло согласно плану Г. Орджоникидзе и Кирова, желавших иметь своего человека в руководстве спецслужбы одной из важных закавказских республик.

Что касается Багирова, то в отличие от Берии и своих предшественников он довольно долго руководил политической полицией Советского Азербайджана. После отъезда Орджоникидзе и Кирова в 1926 г. из Закавказья на него начались гонения. В мае 1927 г. он был освобожден от всех должностей в Азербайджанской ССР, после чего занимал различные посты в правительственных органах ЗСФСР.

Только в сентябре 1929 г. ему удалось вернуться в Азербайджанскую ССР и вновь стать председателем Аз.ГПУ.

Начавшаяся с первых дней установления большевистского режима в Северном Азербайджане групповая борьба и кадровые перестановки в руководящем составе Азербайджанской ССР, в частности, в Аз.ЧК, продолжались не только в течении 1920—1922 гг., но и в последующие годы Советской власти.

Примечания

1. Архив политических документов при Управлении делами Президента Азербайджанской Республики (АПДУДПАР), ф.1, оп. 1, д. 24, л. 6.
2. Там же, л. 32.
3. Там же, л. 33.
4. Там же, оп. 2, д. 16, л. 10.
5. Там же, ф. 609, оп. 1, д. 119, л. 20.
6. БК АКП(б). Стенографический отчет XII Бакинской конференции (26 апреля — 4 мая 1924 года). Баку. 1924, с. 100.
7. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 44, д. 250, л. 79.
8. Там же, л. 47.
9. Там же, оп. 74, д. 127, л. 125.
10. Там же, оп. 44, д. 250, л. 44.
11. Там же, оп. 74, д. 127, л. 109.

Украинская автокефальная православная церковь в 1942—1944 гг.

О.В. Терёшина

Аннотация. Работа посвящена межконфессиональной ситуации в Западной Украине в 1942—1944 гг. и деятельности одного из лидеров Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ) — епископа Ровенского Платона. Источниковедческий анализ его корреспонденции демонстрирует основную черту его религиозной жизни — «неуверенность». Она проявлялась в трудоустройстве, взаимоотношениях с «автономистами», вмешательстве оккупантов в дела церкви, практике перехода в УАПЦ, желании «особости» автокефалистами.

Ключевые слова: Украинская автокефальная православная церковь, епископ Платон, оккупация, неуверенность, зарубежные архивные источники.

Abstract. This research is devoted to the interfaith situation in the Western Ukraine in 1942 — 1944 years and the activity of one of the leaders of the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church (UAOC) — the Rovno's bishop Platon. The source analysis of his correspondence shows the definition of the Ukrainian religious life is « the uncertainty». It was developed itself in the employment, the relationship with the «autonomists», the intervention of the occupants in the affairs of the church, the practice of the transition to the bosom of UAOC, the desire of «singularity» of UAOC's supporters.

Key words: The Ukrainian Autocephalous Orthodox Church, the bishop Platon, the occupation, the uncertainty, the foreign archival sources.

В церковно-исторических исследованиях регион Западной Украины 1939—1944 гг. традиционно привлекает внимание российских и украинских историков¹. Выявление схем взаимодействия разных православных кафедр, советской власти, нацистов и населения, объяснение их причин, мотивов, понимание установок лидеров религиозных структур в настоящее время является особенно актуальным с учетом обострившихся межэтнических и межконфессиональных обстоятельств.

Историческими источниками для данной статьи послужили документы епископа Платона Ровенского о жизни Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ) на оккупированной территории (1942—1944 гг.), хранящи-

---

Терёшина Ольга Викторовна — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного социального университета. E-mail: starushkja@rambler.ru.

Tereshina Olga V. — Ph.d. of the history, associate professor of the Russian State Social University. E-mail: starushkja@rambler.ru.

еся в Украинском историческом и образовательном центре в Сауф Баунд Брук (Нью-Джерси, США) ².

Религиозная ситуация на Украине накануне войны была крайне запутанной из-за значительного количества юрисдикций православных церквей, разнородных национальных интересов, исторических претензий, политического противоборства и различных военных идеологий. В Галиции существовала Униатская католическая церковь, в Западной Украине — Польская православная церковь (глава митрополит Дионисий) и приверженцы Ватикана. С вхождением Западной Украины в состав СССР встал вопрос о подчинении новых территорий Московской Патриархии. Все православные архиереи бывшей Польской православной церкви должны были оформить свое присоединение к Русской православной церкви (РПЦ). Летом 1940 г. три из пяти волынских церковных иерарха сделали это: архиепископ Алексей (Громадский), епископы Антоний (Марченко) и Симон (Ивановский). Архиепископ Александр (Иноземцев) и епископ Поликарп (Сикорский) уклонились. Так наметился раскол в рядах украинского епископата, спровоцированный трудностью выбора того, что важнее: национальная идея и независимость от Московского патриархата или религиозные каноны.

Великая Отечественная война радикально изменила обстоятельства существования церковных структур Украины. Группа иерархов, во главе с митрополитом Алексеем (Громадским), взяла на себя управление церковными делами оккупированной Украинской ССР. Была создана Украинская автономная православная церковь — принципиально подчиненная Московской Патриархии, но назвавшая себя автономной, так как от Москвы ее отделяла линия фронта. Одновременно, в конце 1941 г., епископ Поликарп (Сикорский) с группой мирян и духовенства обратился к митрополиту Варшавскому Дионисию с просьбой благословить хиротонию новых епископов для создания Украинской автокефальной православной церкви. Дионисий благословение дал и тем самым сделал себя соучастником новой церковной смуты. Когда германские войска оккупировали Восточную Украину, митрополит заявил юрисдикционные права на всю Украину, в чем его поддерживали приехавшие из Польши украинские националисты.

Хиротония первых архиереев УАПЦ состоялась 8—10 февраля 1942 года. К лету того же года УАПЦ занимала кафедры (частью параллельно с епископами Автономной церкви) в следующих городах: Киев, Екатеринослав, Умань, Николаев, Елизаветград, Мелитополь, Лубны, Дубно Переяслав, Ровно.

Проведение тематической классификации писем из коллекции епископа Ровенского Платона и их источниковедческая критика показывают, что насущнейшими вопросами в жизни УАПЦ, согласно корреспонденции епископа, были вопрос трудоустройства в церкви, приобретение (повышение) собственного церковного статуса и оправдание в обвинениях нарушения трудового порядка. Одновременно переписка демонстрирует практику взаимоотношений епископата с подчиненными в УАПЦ.

При обосновании собственной претензии на должность приверженцы «автокефалистов» использовали довольно противоречивые аргументы. Так, епископ Григорий, заявляя свои права администратору УАПЦ (Поликарпу Сикорскому) на пост викария («должность управляющего УАПЦ, что находится на территории всей Житомирской генеральной округи» ³), занятый епископом Фотием путем назначения оккупантами, писал: «Фотий... под запретом был назначен управляющим Житомирской епархией», «это вмеша-

тельство в догматичную и каноничную жизнь церкви, что противоречит закону об отделении церкви от государства», и с запрещенным Фотием автор «не может иметь молитвенного единения, да и вообще ничего общего»⁴. Здесь мы видим смешение самого разнородного толка: письмо к главе УАПЦ с претензиями изменить действия оккупантов сочетается со ссылками на советский закон и теологические идеи. Григорий активно критикует своего соперника еп. Фотия (Филиппа Тимошука). По его мнению, для исправления работы последнего в «Винницкой церкви... необходимо много поработать», «для чего и необходимо явиться туда во всей силе с надлежащими мандатами»⁵. Именно с просьбой о наделении его администраторскими полномочиями и обращался к Поликарпу автор письма. Григорий, претендуя на место главы всей Житомирской округи, желал полномочий сверху, дабы «меня за такого признало духовенство, да и вообще для пользы нашей святой церкви»⁶.

Неуверенность в поведении епископа проявлялась в желании как властного одобрения сверху собственных жизненных претензий, так и признания «снизу» коллегами по церковной работе.

Историческим феноменом была возможность длительной деятельности (с мая 1942 по 1944 г.) автокефального епископа Фотия, хиротонисанного с нарушением канонов, который одновременно был Филиппом Тимошуком и Николаем Автономовым, бежавшего в 1932 г. из СССР в Польшу, выдававшего себя за пострадавшего от большевистских репрессий священника, разоблаченного как агент НКВД, непризнанного митрополитом Дионисием, пробывшего в заключении до освобождения Галиции в 1939 г. советскими войсками, а впоследствии (январь 1943 г.) пытавшегося присоединиться к автономной церкви. Фотий не скромничал и, самоутверждаясь, заявлял, что «его назначили старшим епископом автокефальной церкви, на Житомирском генерал-комиссариате... 5.12.1942 г. вручено ему было про это постановление»⁷. Данное заявление содержится в черновике отчета Платона о разговоре с последним. Платон был возмущен таким нескромным заявлением и выступал с претензиями, обосновывая их множественными нарушениями канонов со стороны коллеги («принимая в запрещенном состоянии епископский сан, Фотий совершил новое каноничное преступление»⁸). Кроме того, для должности руководителя необходимы «требование образования, опыта, такта» и «во всем... требуется хорошо разбираться, чтобы не навредить святому делу»⁹. Платон явно намекал на некомпетентность Фотия. Желание сделать карьеру, самоутвердиться, использовать подходящий момент в свою пользу иллюстрировало ситуацию, сложившуюся в религиозной жизни оккупированной Украины. Кроме того, церковная атмосфера того времени — это широко представленные в корреспонденции епископа Платона оправдания.

2 января 1943 г. Фотий разослал письма ко всем епископам УАПЦ (имя вписывалось от руки) как ответ на «очерняющее мою прошлую жизнь заявление, которое мне предъявлено митрополитом Поликарпом». Изложение было очень эмоциональное, но косвенное, возмущения и видимость обиды автора не подтверждались фактами. Фотию предъявлялись обвинения в «шпионаже в пользу Советов», в нарушении канонов («приступил в освящение епископом, будучи мирянином»), в краже («будто при переходе в Польшу выкрал чужие документы»), в обмане («при посвящении в епископы... скрыл от собора епископов... все то, что со мной было в прошлом»¹⁰). Автор письма явно хотел за эмоциями скрыть действительность (которая была не в его пользу) или же

вообще оставлял обвинение без комментариев (в краже документов). В то же время Фотий пытался выглядеть достоверным: «все обвинения, направленные против меня, являются ничем иным, как клеветой, что подтверждаю документами»¹¹. Все обвинения в свой адрес Фотий пытался объяснить завистью людей. «С особой жестокостью обрушился на меня владыка тогда, когда немецкая власть назначила меня старшим епископом», «рассылает своих агентов, которые с пеною у рта распространяют среди моих верующих... клевету, выдуманную... высокопреосвященнейшим Поликарпом». Обращает на себя внимание эмоциональность высказываний и желание не потерять авторитет среди собственных прихожан. При этом обязательной была ссылка на оккупантов как вариант социальной и моральной поддержки: «всю эту грязь... немецкая власть запретит выливать на мою голову»¹².

Обвинения в шпионаже Фотий отвергал тем, что, будучи осужденным на 12 лет, он был оправдан и освобожден через 5 лет с прекращением дела Высшим судом. «И тут выяснилось, что причастны к этому наши “каноничные” православные священники, которые верой и правдой служили польской разведке». «Те священники и сегодня возглавляют автономную церковь»¹³, — восклицал Фотий.

Пытаясь «прикрыть» нарушения собственной хиротонии, он задавал риторические вопросы: «Позвольте мне спросить высокопреосвященнейшего митрополита Поликарпа: кого по канонам Св. Православной церкви посвящают в епископы? Сдается, мужа известного, авторитетного, проверенного... На каком поприще происходило мое посвящение в епископы? Сдается мне, на том самом поприще, где... я стал жертвой неслыханной “каноничной грязи”, которой... ваша духовная особа ... меня обдает»¹⁴. Перед нами обратный перевод обвинений. Подразумевалось, что Поликарп должен был все знать, раз сам проводил посвящение в епископы, и в настоящий момент претензии к неканоничности должны быть претензиями к самому себе. Фотий ссылался на наличие свидетелей, на знание о польском суде по шпионажу администратора УАПЦ, который, «не считаясь с этим доводом, как украинца... посвятил меня в епископы»¹⁵. Указывалось, что, когда была нужна национальность, на нарушение правил закрывали глаза, а когда потребовалось свести счеты, о канонах вспомнили.

Кроме Фотия были в УАПЦ и другие, желавшие повысить собственный церковный статус. Так, священник Емельян Завируха сообщал: «... вызвался до меня дьяк Юркевич Алексей и просил написать от имени его отца протоирея Юркевича Иоанна, настоятеля прихода в Шиборивке ... два прошения». Первое — о принятии в лоно УАПЦ, а второе — «о рукоположении... Алексея Юркевича в священники с назначением его в помощники в Шиборивском приходе»¹⁶. Сразу отметим запутанность ситуации: сын просил от имени отца третье лицо написать епископу Платону.

Закрадывается сомнение в добросовестности дьяка Алексея, который претендовал на социальный рост, не имея ни образования (просил третье лицо писать записку), ни опыта («что касается подписи... с этим делом зайдет до церковного управления и объяснится»), ни рекомендаций (на замечание «было б лучше, чтоб сам отец переслал эти прошения до управления, он ответил, что это очень трудно»¹⁷). Этот эпизод вызвал подозрение у автора документа «Признания», и он решил донести в ведомство епископа Платона. Письмо хорошо характеризует священников — членов УАПЦ — как доносчиков, безграмотных, безосновательно претендовавших на должность, а, возможно, и как лжецов, оставлявших за собой возможность под-

делок (подписи не было), не желавших нести ответственность (ссылались на церковное управление).

Дает характеристику духовенству и отражает практику взаимоотношений епископата с подчиненными в УАПЦ и другое письмо. Оно адресовано «его преосвященству, преосвященнейшему Платону, епископу Ровенско-Кременецкому..., милостивейшему архипастырю и отцу». Это письмо — просьба протоиерея, настоятеля прихода Рождества Пресвятой Богородицы в с. Заречке от имени прихожан «пристроить... сына Степана при Архиерейской кафедре послушником». Данное желание появилось после посещения прихода епископом — последний производил благоприятное впечатление и привлекал к УАПЦ сторонников. Родители видели перспективу для единственного сына («украинской национальности», «закончил в 1941—1942 уч. году первое полугодие шестого класса... с хорошей успеваемостью») на данной церковной кафедре¹⁸.

Взаимоотношения с «автономистами» были второй болезненной темой в корреспонденции епископа Платона. Это были постоянные обвинения в пособничестве и ставленничестве Москвы и голословные претензии статусного и имущественного характера. Так, в «Пожеланиях о нормализации церковной жизни на Украине» в августе 1942 г. утверждалось, что «в результате векового господства Москвы над церковью в Украине все ценные материальные блага церкви... заняты теперь духовенством автономной церкви, которая по наследству старается вести... московскую политику в церковной жизни». Автономную церковь обвиняли в том, что она пытается жить по-старому, хотя уже произошло «освобождение Украины немецкими войсками от большевистского ярма». Материальные блага, «имущество должно быть передано настоящему его владельцу — Св. Православной автокефальной украинской церкви»¹⁹ — заявлял Платон, ничем не обосновывая свои претензии и даже не предлагая конкретных мер по передаче благосостояния.

Отметим, что, если по количеству приверженцев той или иной кафедры среди приходского духовенства, у историков могут быть какие-то споры (чаще всего ссылаются на М.В. Шкаровского с его заключением, что в 10 епархиях Украины количество «автокефальных» приходов составляло не более 25% от общего числа православных общин²⁰), то монастырей, принадлежавших УАПЦ, были единицы²¹. Именно поэтому «дело Белевского монастыря» заняло большой процент писем к епископу Платону. Это пример раздела полномочий управления скитом между УАПЦ и Автономной украинской церковью и борьбы за собственное преимущество, разногласий между простыми монахами и верхушкой по этому вопросу, кражи (спасения) вещи одним из игуменов — Владимиром — отражал варианты взаимоотношений между престолами и отношение ко всему этому черного духовенства. «Дело» тянулось с октября 1942 по октябрь 1943 г., как это видно по датам рапортов, писем, актов, описей пропавших вещей, прошений. Один из первых документов — рапорт иеромонаха Антонина, сторонника УАПЦ, с 9.10.1942 г. исполнявшего обязанности настоятеля Белевского монастыря. Согласно документу, он «вступил в фактическое управление монастырем, приняв от игумена Константина... собственность монастыря, а также застал должную быть открытой келью настоятеля замкнутой иеромонахом Владимиром, в присутствии комиссии и составлении акта... вещей, находящихся там»²². Очевидно, на основе этого акта, потом и был составлен список украденного. Пробыл Антонин начальником недолго: 16 октября 1942 г. «представители немецкой власти» заявили: «...собирайтесь, поедете с нами в

Ровно», а «за что арестовано, не сказано»²³. Игумен Константин как представитель УАПЦ в управлении монастыря остался без поддержки, но вернулся к продвижению идеи собственного престола. Иеромонах Владимир через несколько месяцев, не желая видеть в качестве руководителя скита ставленника УАПЦ, все запер и «ушел в неизвестном направлении»²⁴.

Игумен Константин в своем акте излагал епископу Платону, что знал о пропаже, и называл виновницу. «Сестра Поликсенья начала тюками выносить церковные вещи из монастыря людям, что живут на хуторах», «забрала из монастыря всю кухонную и столовую посуду» и вещи, что завещал обители архимандрит Мелитон²⁵. Сразу бросается в глаза отсутствие взаимопонимания между монашеством и управлением УАПЦ. Константин, как и ранее Антонин, искал поддержки наверху, в епископате (указывал в своем рапорте, что «разговор с братией не проводил»²⁶), а простые иноки шли за помощью к жителям ближайших хуторов. Перед нами противостояние, переросшее в преступление. Однако, думается, инокиня не считала свои действия проступком, а интерпретировала их как спасение имущества монастыря от претендовавших на главенство приверженцев УАПЦ. Еще чуть раньше (24.02.1943 г.) был рапорт игумена Константина, который обнаружил «пропажу в церкви дароносицы» с мощами для причащения больных. И снова сразу же в документе следовало обвинение иеромонаха Владимира, который «от всего отпирался»²⁷. Вновь Константин искал поддержки у высшего церковного руководства, сразу же инкриминируя представителям Автономной церкви все проступки.

Игумена Константина отличал довольно низкий уровень образования (это видно по документам от 17 октября 1942 г., 10 марта и 13 июля 1943 г., в которых практически полностью отсутствует пунктуация — лишь точки в конце трудночитаемых, размером с абзац, фраз) и одновременно попытки самоутверждения. Описывая дело с кражей, он заявлял: «...я ничего не боялся, т.к. монаху ничего не страшно, за ним жена не будет... плакать», «сколько я всего перенес и слава Богу, все стерпел»²⁸.

Сам епископ Платон, не видя опоры снизу, также обращался к вышестоящим, к оккупационным властям, генеральному комиссару Волыни и доносил о «ненормальных отношениях в церковной жизни в монастыре в Белеве... который... был передан в [совместное] управление автокефальной и автономной церквями в 1942 г.» «Ненормальным» было то, что «застали монашек Корецкого монастыря, которые... должны были немедленно выехать, но долгое время находились в монастыре и систематически крали при соучастии иеромонаха Владимира Носова, ставленника Автономной церкви, вещи монастыря... наичценнейшие и наинужнейшие». Платон пытался обосновать свои требования передачи имущества монастыря не в совместное владение с Автономной церковью, а в исключительную собственность УАПЦ, вторичными обстоятельствами (монахини незаконно находились в монастыре) и, главное, заботой о прихожанах, о народе. «Окрестные набожные люди, знали про это (кражи. — *О. Т.*)... и просили об устранении... иеромонаха Носова»²⁹. Этот прием — прикрываться заботой о народе и одновременно реализовывать собственные цели — был заимствован из советской политической практики. Ссылался Платон и на отсутствие реакции со стороны автономной церкви, которую обо всем проинформировали.

«7 марта 1943 года иеромонах Носов... выехал в неизвестном направлении». Последовал рапорт в криминальную полицию от игумена Константина, обыски, арест Носова и в итоге «нашли часть украденных из монастыря вещей,

спрятанных на частных помещениях в Ровно». Однако тот факт, что были прихожане, согласившиеся укрыть пропавший инвентарь, не дает оснований утверждать, что весь набожный люд шел за УАПЦ. Иеромонаха Владимира освободили через некоторое время за признание, что «на кражу вещей монастыря имел приказ начальника митрополита Алексия». Ради таких свидетельств в собственную пользу УАПЦ пошла на уступки. Прикладывая бумаги криминальной полиции, епископ Ровенский просил генкомиссара Волыни «издать распоряжение о полной передаче монастыря в Белеве автокефальной церкви»³⁰. Документ демонстрирует претензии и тенденциозность деятелей УАПЦ, противоречия в отношениях церковных кафедр, двоякое толкование одного и того же поведения, ссылки во всем на немецкую администрацию, которая и должна была разрешить проблему.

Епископ Платон пытался расширить свою сферу влияния. 13 марта 1943 г. он составил список пропавшего, 22 и 23 марта сделал к нему дополнения и отправил коменданту криминальной полиции в Ровно. При этом, если первое содержало «церковные вещи» и «вещи покойного архимандрита Мелитона», то второе представляло собой список простого гражданского инвентаря с указанием количества пропавшего (рукомойник, эмалированные миски, самовар, ножи, кастрюли и др.)³¹ Претендуя на хозяйственный инвентарь, делая списки, дополнения к ним, указывая количество, духовенство УАПЦ давало собственное определение: думать о материальной составляющей церковной службы и пытаться утвердиться в ней как можно прочнее.

Сразу же после переговоров об объединении УАПЦ и Автономной церкви³² епископ Платон, не теряя времени, в письмах к Алексию (Громадскому) высказал свою позицию в тянущемся деле о краже. «Прошу... иеромонаха Владимира удалить и все им самовольно забранные вещи вернуть»³³. Он пытался задействовать все возможности для ослабления конкурентов. Платона не смущали ранее имевшиеся противоречия между престолом, и он без стеснения обращался к главе Автономной церкви.

Вмешательство немцев в дела церкви на оккупированной Украине рассматривалось в корреспонденции епископа Платона как форма «нормализации» религиозной жизни, направления которой можно увидеть из письма епископу Фотию. Данный документ без подписи и без даты, как понятно из содержания, был написан от имени генерал-комиссара генерального округа Житомир (генеральные округа входили в рейхскомиссариат «Украина») Курта Клемма.

Фоном всего письма выступала антисоветская пропаганда: «Немецкая империя после освобождения Украины от большевистского врага человеческого поставила... задачу обеспечить... свободу религиозной деятельности». Одновременно обосновывалось отсутствие этой свободы («поскольку мы находимся в состоянии войны») и оправдывалось вмешательство в дела и каноны церкви. Откровенная пропаганда («немецкое правление желает единства украинских церквей и прекращения церковных распрей») ретушировалась отсрочкой реальных действий («час для чего настанет лишь тогда, когда вся Украина будет освобождена и утихомирена»)³⁴.

Оккупанты активно использовали лесть и противопоставление друг другу конкурентов в церковной карьере (как, например, Фотия и Поликарпа Сикорского), стравливание их путем пустых обещаний. Корысть немцев видна, например, в восхвалениях Фотия: «...один вы, как епископ находитесь в равной позиции с митрополитом Поликарпом... Администрации митрополита Поликарпа пан рейхскомиссар никогда не признавал», «пользуетесь до-

верием немецкого правления, во всех ваших делах ответственны только перед генерал-комиссаром... и перед вашей совестью», «я расширяю ваши полномочия... на целую область Житомир»³⁵. Столь откровенно ложными заверениями (немцы признавали администрацию Поликарпа Сикорского и не собирались распространять чьи-либо полномочия на большие территории) оккупанты использовали для того чтобы иметь покорного церковного деятеля.

Немцы допускали в определенных пределах самостоятельность церковных структур, поощряя, таким образом, послушание. Так, например, отмечалось, что «как законодательный орган, пан епископ, можете в пределах своего округа созвать собор, предоставив перед этим на мое (генерал-комиссара Курта Клемма. — *О.Т.*) одобрение его членов»³⁶. С одной стороны, эту организацию в письме обозначили как «законодательный орган», а с другой, очевиден контроль его состава и ограничение деятельности пределами одного округа.

Сдерживание и ущемление были и в функциональном плане. Так, сообщалось, что «назначения священников после предварительного одобрения гебит-комиссара вы можете проводить, как и раньше, сами», при этом требовалась «обязательность предоставления кандидата на предварительное одобрение тщательно скрывать». А «потребуется устранить с должности священника, который делает помехи немецким интересам, такие устранения проводятся моей властью как генерал комиссара»³⁷. Назначения на церковные посты проводились только с одобрения сверху, а снятие организовывалось без привлечения религиозных структур, что доказывало контроль, ограничение, подотчетность и видимость свободы совести.

Существовала и другая направленность немецко-украинских церковных отношений, когда к оккупантам обращались сами религиозные деятели. Епископ Платон в марте 1943 г. писал: «...те ненормальные и аморальные отношения, которые до этого времени господствуют в Белевском монастыре... заставляют меня снова обратиться к вам, пан комиссар, с просьбой помочь нормализовать жизнь этого православного объекта». Ожидая «издания распоряжения»³⁸ от гебиткомиссара, Епископ заявлял о необходимости юридических поправок, если это было на пользу УАПЦ. Немцам же было не до того — им нужна была лишь покорность.

Платон претендовал на придание особого статуса социальной группе «духовенство», которая, по его мнению, не должна была трактоваться как «обычное крестьянство или рабочие». Он подразумевал, что недопустимы «случаи высылки священников на работы, аресты, выселения из помещения». Одновременно, требующим изменения выдвигался «факт материальной необеспеченности духовенства». «Малое количество земли... зернопоставка... на общих условиях, случайный доход от церковных служб» он считал ненормальным. Обоснования тому приводились зыбкие: «возникают недостатки в душепастырском труде»³⁹.

Как очередная тема корреспонденции епископа Ровенского и Кременецкого Платона может быть выделен переход институтов церкви в лоно УАПЦ, а также организационные и функциональные преобразования, связанные с этим.

Переход в подчинение автокефалистов со стороны монастырей был единственным явлением, поэтому настоятелю Дерманского православного мужского монастыря были даны письменные указания от Ровенского церковного управления «в связи с присоединением части Дерманского автокефального прихода к Дерманскому монастырю». Письмо содержало 7 предписаний в духе органи-

зационных изменений оккупации, что делать в связи с переменной статуса монастыря⁴⁰.

Первое же предписание начинается с необходимости «пересмотреть... со старшей братией весь монастырский общежитийный устав и приблизить его до требований современного жития». Вменялось в обязанность быть адекватными времени. Второе предписание давало прямое указание, с чего брать пример для преобразований: «поднять уровень монашеского жития, взяв за образец для этого деятельность западных чинов»⁴¹.

Третье предписание — «дать больше красоты и почета внешней стороне монашеского жития, обращая внимание на внешний вид монахов, на чистоту... в кельях братии»⁴² — возможно, было рекламой правильности автокефального толка для укрепления позиции в отношениях с верующими Ровенско-Кременецкой епархии.

Следующие два предписания касались контроля и порядка: требовалось «поднять приходскую дисциплину» (не нарушать канонов и обрядов) и «следить, чтобы братия не допускала отрицательных поступков (пьянство, свары и т.д.)»⁴³. Очевидно, только такие по качеству монастыри и шли в УАПЦ. Контроль предполагалось осуществлять в духе советского идеологического опыта, его влияние было всепроникающим. Как следует из очередного предписания, необходимо «проводить культурно и национально-осведомительные парады, чтения с послушниками и проводить последовательную и плановую украинизацию богослужения»⁴⁴.

Весь набор указаний можно объединить тремя идеями: модернизация, поднятие дисциплины (внешнего вида) и украинизация.

Источники отражают процесс перехода в лоно УАПЦ. Так священника Валерьяна с. Осники Лановецкого района «Ровенское церковное управление... уведомляет, что по благословлению высокопреосвященнейшего Поликарпа, митрополита-администратора СПАУЦ... Платон, епископ Ровенский... резолюцией своей... вследствие прошения, принял вас и набожных прихожан в лоно СПАУЦ... про что просит довести до ведома прихожан». Таким образом, для перехода требовалось обращение прихожан, потом благословление самых высших церковных чинов (Поликарпа), затем резолюция епископа и после этого церковное управление доводило до сведения прихожан, что их прошение удовлетворено. В то же время, все упиралось в решение прихожан как главных действующих лиц — без их инициативы не произошло бы ничего. Признавать этого не хотели. Напротив, «церковное управление просит прислать... жизнеописания и послужные списки для отчета по составу прихожан»⁴⁵, то есть сделать социальный срез и делать выводы о приверженцах автокефалистов. Священник Валерьян же искал собственной выгоды в присоединении к УАПЦ и просил «найти богослужебных книг, в которых сильно нуждаются в моем приходе»⁴⁶. Что же касается прихожан (77 чел.), подавших прошение о принятии в УАПЦ, то многие из них являлись членами одной семьи (так, Полянка были Аверин, Андрей, Тарас, Кирилл, Иван, Анисия, Илья). Одновременно их количество было искусственно расширено (по два раза были подписаны Бенедюк Григорий и Бенедюк Иван), употреблялось замещение («за Полянка Андрей», «за Якобчука Володимира») ⁴⁷. Очевидно, желаемое (расширение собственного влияния) выдавали за действительное.

После дела с кражами в Белевском монастыре решили проводить ревизию, которая в июне 1943 г. констатировала, что «счета были составлены примитивно за браком времени и опыта у отца настоятеля, оправдывающие

документы на расходы имеются»⁴⁸. После скандала проверка была вполне логична, и отмеченный примитив понятен — монахи не должны быть бухгалтерами. Иметь расходы, оказавшиеся меньше доходов (на 961 карбованец), для монастыря на оккупированной территории было большим достижением⁴⁹. Одновременно, карбованец, начавший хождение с марта 1942 г. и выпускаемый центральным эмиссионным банком Украины (под контролем оккупантов) в г. Ровно, был очень скверного качества по бумаге и печати и имел натянутый курс к рублю (1:1). Кроме того, доход монастыря, исходя из цен (на рынках Восточной Украины 1 кг хлеба стоил 100—170, обед в кафе — 25—60 карбованцев, 1 десяток яиц — 120—150 руб.), был крайне мал. Правда, расходы у монастыря были еще меньше.

В ответ на проведенную ревизию епископ Платон отдал распоряжение по пересмотру полномочий монастырских должностей с целью расширения взаимоконтроля и повышения уровня ответственности. Полагалось «поручить псаломщику... ввести надлежащую приходно-расходную тетрадь..., аккуратно записывая доходы и расходы церковного и хозяйственного характера... Прибыль записывать на основании ведомостей, поданных ключником, а затраты — на основании подтверждающих счетов, поданных через настоятеля монастыря». «Ключник... совместно с церковным старостой пересчитывает каждый раз наличные и записывает... в своей книжке и подает ее до ведома... псаломщика, а наличку передает на сохранение настоятелю монастыря». Перед нами активное расширение канцелярских полномочий и занятых в бухгалтерии должностей: ключник, псаломщик, церковный староста, настоятель. «Все затраты монастыря церковного характера делаются через настоятеля в совете с церковным старостой и ключником, а хозяйственного в совете с поселенцами монастыря»⁵⁰. Епископ Платон делал ставку на коллективизм, взаимоконтроль и привлечение всех должностей к финансовой ответственности.

Доказательства собственной правоты пытался организовать игумен Белевского монастыря (ставленник УАПЦ) Константин, который в июле 1943 г. обращался к епископу Ровенскому с просьбой «скорее прислать мне человека, ибо много вам доносят лжи и неправды». Константин просил поддержки и опоры. Одновременно, игумен предъявлял собственные претензии к конкурентам по религиозной деятельности: отцу Иоанну, который утверждал: «...я только могу служить», а когда «пан Скрипник сказал идти в церковь, то он [ответил] я не пойду, буду лучше... пасеку приглядывать»⁵¹.

Сам же Константин кооперировался лишь с паном Скрипником («только мы... прибираем церковь»), остальным монахам предъявлял претензии к их поведению — прикрываются деятельностью, что не осуществляют («пустой улей», «рамы не повешены»). Игумен, пытаясь призвать к порядку, вынужден был обращаться к вышестоящим чинам, так как его самого ни монахи, ни послушники в расчет не брали. Это иллюстрирует как поведение в рядах приверженцев УАПЦ, так и практику отношений со сторонниками других церковных структур. В качестве доказательства игумен использовал стандартный метод устных свидетельств и изображения своих сторонников как пострадавших за правду («свидетель сему пан Скрипник, поэтому то его люди и не любят»). В своих рядах Константин имел отнюдь не однозначных сторонников — о пане Скрипнике обычно давали отрицательные отзывы, да и сам игумен оговаривался, что «медом его мазать не буду». Складывалось впечатление, что для игумена главное — пожаловаться, найти слушателя своим страданиям, предстать всепрощающим страстотерпцем. Он, «Константин дерет

последний заложенный подрясник на славу Божию, чтоб заработать хлеб, чтоб пришел о. Иоанн и не был голоден», «руки ушли в кровавый пот, вскормил врагов»⁵².

Таким образом, анализ корреспонденции епископа Платона демонстрирует содержание взаимоотношений между Украинской автокефальной православной церковью и окружающими, а также внутрицерковные контакты. К последним относится порядок трудоустройства (претензии на должность, карьерный рост, оправдания и взаимные обвинения, ложь). Источники демонстрируют взаимоотношения с «автономистами» (постоянные обвинения в пособничестве Москвы и безосновательные претензии статусного и имущественного характера) с прямо противоположной интерпретацией одного и того же, упованием на заботу о большинстве и одновременной реализацией собственных целей. Документы отражают вмешательство оккупантов в дела церкви на основе антисоветской пропаганды, использование лести и противопоставления конкурентов в церковной карьере, ложных заверений с одновременной угрозой наказания, хотя и допущением в строгих рамках самостоятельности церковных структур. Помимо этого, к оккупантам обращались сами религиозные деятели по причине законодательной аморфности и желания собственной «особости». Практика перехода церквей в лоно УАПЦ состояла в указаниях по изменению структуры институтов, практике контроля и информированности, перераспределения должностных обязанностей и личностных притязаниях.

Примечания

1. ВИШИВАНЮК А.В. Об отношениях между Украинской Автономной Православной Церковью и «Украинской автокефальной православной церковью» в годы немецкой оккупации. // <http://www.sedmitza.ru/lib/text/5122580>. ЕЕ ЖЕ. Межконфессиональная ситуация на Западной Украине в 1939—1941 гг. (после «первого» присоединения к УССР) — Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2011, вып. 5 (42), с. 48—65; ПЕТРУШКО В. Автокефалистские расколы на Украине и проблема их преодоления: канонический аспект. http://www.edrus.org/index2.php?option=com_content&task=view&id=250&pop=1&page=0&Itemid=70; СМИРНОВ А. Мстислав (Скрипник): громадсько-політичний і церковний діяч. 1930—1944. Київ. 2008; ВЛАСОВСЬКИЙ І. Нарис історії Української православної церкви. Т. 4. Киев 1998, ч. 2; ВОЛОШИН Ю. Українська православна церква в роки нацистської окупації (1941—1944 pp.) Полтава. 1997.
2. <http://www.ukrhec.org/collections/archives/finding-aids/bishop-platon-papers>.
3. Письмо епископа Житомирского, vicария администратора Григория к высокопреосвященнейшему владыке от 2 февраля 1943 года. In: Bishop Platon papers. Subcollection I. Ukraine, 1942—1943. Seria 3. Correspondence. 1942—1943. Box 1. Folder 5. Regarding Bp. Fotii. 1942—1943. Correspondence with Polikarp, Nazi, okkupation authorities and other, p. 9—10.
4. Ibidem.
5. Ibidem.
6. Ibidem.
7. Отчет о разговоре с епископом Фотием в Ровно. 01.01.1943. In: Bishop Platon papers, p. 28—29.
8. Ibidem.
9. Ibidem.

10. Письмо епископу Платону Ровенскому-Заславському от 02.01.1943. In: Bishop Platon papers, p. 12—13.
11. Хотя в письме есть ссылка на прилагающиеся документы, самих их нет в архиве. Допустима вероятность исторической утраты.
12. Bishop Platon papers, p. 12—13.
13. Ibidem.
14. Ibidem.
15. «При посвящении меня в епископы я высокопреосвященнейшему владыке представил свою автобиографию и там все написано». Ibidem.
16. Признание. 20.09.1943. Ibid., p. 30.
17. Ibidem.
18. Рапорт протоиерея Василия Лукашевича. 2.07.1943. Ibid., p. 59.
19. Пожелания о нормализации церковной жизни на Украине. 31.08.1942. Ibid., f. 3, p. 1.
20. ШКАРОВСКИЙ М.В. Нацистская Германия и православная Церковь. М. 2002, с. 467.
21. Согласно М.В. Шкаровскому, 45 монастырей принадлежали к Автономной церкви и только Белевский и Дерманский монастыри в 1943 г. перешли в УАПЦ. ШКАРОВСКИЙ М.В. Ук. соч., с. 466—467.
22. Рапорт его преосвященства, преосвященнейшему Платону, епископу Ровенскому, от иеромонаха Антонина, исполнявшего обязанности настоятеля монастыря на Белевских хуторах Ровенской округи. 13.10.1942. In: Bishop Platon papers, f. 3, p. 99.
23. Рапорт до его преосвященства преосвященнейшего Платона, епископа Ровенского, от игумена Белевского монастыря Константина. 17.10.1942. Ibid., p. 91.
24. До пана генерального комиссара Волыни и полиции в Луцке... пана гебитскомиссара в Ровно. Ibid., p. 63—64.
25. Акт игумена Константина. 3.11.1942. Ibid., p. 90.
26. Рапорт до его преосвященства преосвященнейшего Платона, епископа Ровенского, от игумена Белевского монастыря Константина. 17.10.1942. Ibid., p. 91.
27. Рапорт игумена Константина до его преосвященства, преосвященнейшего Платона, епископа Ровенского. 24.02.1943. Ibid., p. 81.
28. Письмо от игумена Константина с почтением до вас о. Антонин. 10.03.1943. Ibid., p. 78.
29. До пана генерального комиссара Волыни и полиции в Луцке. Ibid., p. 63—64.
30. Ibidem.
31. До пана коменданта криминальной полиции в м. Ровно. 22.03.1943. Ibid., p. 61—62.
32. Без ведома оккупантов 8 октября 1942 г. в Почаевской лавре на встрече митрополита Алексия с двумя «автокефальными» епископами был заключен «акт объединения».
33. Его высокопреосвященству высокопреосвященнейшему Алексию, митрополиту Волынскому и Житомирскому в Кременце, от епископа Ровенского. 19.10.1943. In: Bishop Platon papers, f. 3, p. 85.
34. Письмо епископу Фотию. Ibid., f. 5, p. 18.
35. Ibidem.
36. Ibidem.
37. Ibidem.
38. До гебиткомиссара в Ровно от Платона, епископа Ровенского. 06.03.1943. In: Bishop Platon papers, folder 3, p. 82.
39. Ibidem.
40. Временно исполняющему обязанности настоятеля Дерманского монастыря. Ibid., p. 31—32.
41. Ibidem.

42. Ibidem.
43. Ibidem.
44. Временно исполняющему обязанности настоятеля Дерманского монастыря. Ibidem.
45. Настоятелю прихожан в с. Осниках Лановецкого района священнику Валерьяну Возняку от Ровенского церковного управления. Ibid., p. 13.
46. Рапорт до его преосвященства преосвященнейшего Платона, епископа Ровенского и Кременецкого. 27.07.1943. Ibid., p. 14.
47. Прошение до его преосвященства преосвященнейшего Платона, епископа Ровенского и Кременецкого. 04.07.1943. Ibid., p. 15—16.
48. Акт ревизии счетов и касс Белевского Свято-Богородичного монастыря. 20.06.1943. Ibid., p. 105.
49. «Доходы с 1.12.1942 г. по день ревизии составляют 20 757 карбованцев. Расходы на то же время — 19 796, остаток найден наличными в кассе — 961 карбованец». Акт ревизии счетов и касс. Ibid., p. 105.
50. Без названия. Распоряжение епископа Ровенского, управляющего Кременецко-Ровенской епархией от 21.06.1943. Ibid., p. 104.
51. Прошение владыке Платону Ровенскому и Кременецкому. 13.07.1943. Ibid., p. 112—113.
52. Ibidem.

Догоняющая урбанизация и городское хозяйство в истории России (размышления по поводу работ немецкого историка Т.М. Бона)

А.Ю. Ильин

Аннотация. Статья посвящена анализу вопросов, рассматриваемых в книге германского историка Т. Бона «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после второй мировой войны». Основой исследования стало развитие городского хозяйства в так называемых средних «среднестатистических» русских городах Рязани, Пензе, Тамбове. Делаются выводы о непоследовательности и противоречивости советской модели урбанизации. В стране, где десятилетиями урбанизация была побочным продуктом индустриализации, человек стал «винтиком» огромной государственной машины. Он не получал удовлетворения своих разнообразных потребностей и возможностей, что было связано с отставанием СССР (России) от принятых в развитых странах норм и стандартов качества жизни горожан, состояния городской среды и т.д. Урбанизационный переход в России не закончился и в начале XXI века. Образцовый «социалистический» город в значительной мере был бумажным проектом. Старинные русские города только отчасти подверглись социалистическим градостроительным экспериментам. Во многом они продолжали эволюционизировать на своей дореволюционной основе. При этом многие российские города в XX в. пережили не рурализацию как движение назад, а просто противоречиво развивались в русле мирового урбанизационного процесса, сохраняя отдельные черты «преиндустриального» города.

Ключевые слова: Бон Т.М., Советский Союз, урбанизация, городское хозяйство, социалистический город.

Abstract. The article is devoted to further analysis of the issues addressed in the book of the German historian T. Bona «Minsk phenomenon». Urban planning and urbanization in the Soviet Union after World War II». The basis of the study was the development of the urban economy in the so-called secondary «average statistical» Russian city of Ryazan, Penza, Tambov. Conclusions about the inconsistencies and contradictions of the Soviet model of urbanization. In a country where decades of urbanization was a byproduct of industrialization, people have become a «cog» huge state machinery. He did not get to meet their diverse needs and capabilities, which was due to the lag of the USSR (Russia) from those in developed countries, the norms and standards of quality of life of citizens, the state of the urban environment, etc. urbanization transition in Russia has not ended at the beginning of XXI century. Exemplary «socialist» city was largely paper projects. Ancient Russian city only partly undergone socialist urban planning experiments in many ways, they continued to evolve to its pre-revolutionary basis. However, many Russian cities in the twentieth century survived not ruralisation as backward movement, but simply a contradiction developed in line with global urbanization processes, retained some features «pre-industrial» city.

Key words: Bon T.M., the Soviet Union, urbanization, urban economy, the socialist city.

В 2009 г. на страницах журнала «Российская история» была опубликована статья германского историка Т.М. Бона «Социалистический город» или «европейский город»: урбанизация и рурализация в Восточной Европе»¹. Чуть позже появилась статья о советской системе закрытых

Ильин Алексей Юрьевич — кандидат исторических наук, профессор, директор Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: auiylin@yandex.ru.

Ilyin Alexey Y. — candidat of historical sciences, professor, director of Tambov branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: auiylin@yandex.ru.

городов², и наконец, в 2013 г. в издательстве «РОССПЭН» вышла его монография, посвященная Минску как образцовому «социалистическому городу»³.

Пока мы сумели выявить только один факт обсуждения этих работ. Еще до публикации русскоязычного варианта книги в Минске, в 2009 г. состоялся «круглый стол» по ее обсуждению в рамках совместного проекта «Диалог экспертных сообществ» журнала ARCHE и сайтов «Наше мнение» и «Новая Эуропа»⁴. В обсуждении помимо самого автора приняли участие немецкие и белорусские историки. По понятным причинам речь, главным образом, шла об истории Минска и других городов Республики Беларусь. Но поскольку в книге Бона затрагиваются многие вопросы истории российских городов вообще, вероятно, полезным могло бы стать более широкое обсуждение этой и других работ германского коллеги.

Хотелось бы поразмышлять об этих публикациях, опираясь на свой многолетний опыт работы в качестве одного из руководителей типичного российского областного города Тамбова, ассоциации муниципальных образований Тамбовской области, участия в Совете по местному самоуправлению в РФ при Президенте Российской Федерации, используя исследовательские разработки последних лет по истории городского хозяйства провинциальных региональных центров России.

Публикации Бона отражают типичную историографическую ситуацию. С одной стороны, западные специалисты по российской истории демонстрируют прекрасное знание мировой теории и историографии городской истории, справедливо ставят вопрос о применении к истории России понятийного аппарата урбанистики, выработанного историками многих стран. С другой стороны, в этих публикациях проявляется недостаточное использование российской источниковой базы и наблюдений реалий повседневной жизни россиян. Поэтому объяснение возможностей применения урбанистических понятий к конкретной истории городов России не всегда выглядит убедительно.

Можно согласиться с участником минского обсуждения белорусским историком З.В. Шибeko, утверждавшим, что работы Бона являются хорошим примером для того, чтобы внедрять в урбанистику новейшие методологии исследования⁵. В частности, существенное методологическое значение имеет утверждение Бона о том, что урбанизация являет собой не просто количественный рост населения городов, но и формирование качественно нового (несельского) образа жизни⁶. Отсюда, по нашему мнению, вытекает важность изучения городского хозяйства, имеющего глубокие исторические корни. Миллионы российских горожан продолжают жить в домах, построенных 100 и более лет назад, пользоваться коммуникациями, чей возраст исчисляется десятками лет. Практикам, работающим в сфере жилищно-коммунального хозяйства, постоянно приходится обращаться к историческим документам в справочном порядке. Задача ученого-историка заключается в том, чтобы выяснить условия и факторы появления тех или иных исторических источников и соответствующих фактов, вписать их в длительный процесс урбанизации.

По словам самого Бона, в некоторых его работах концептуальным проблемам отдается предпочтение перед эмпирикой⁷. Это порождает некоторое противоречие: в книге о Минске показано прекрасное знание конкретных опубликованных и архивных источников по истории белорусской столицы. Однако недостаточно зная фактический материал по другим городам СССР, особенно его российской части, германский историк не всегда обоснованно переносит свои обобщения на все советские города.

Интересно замечание его немецкого коллеги Ф. Акерманна: результатом первоочередного послевоенного восстановления Минска как столицы союзной республики стало то, что в другие областные центры Белоруссии не доходило никаких инвестиций, несмотря на то, что имелись планы их реконструкции. Такие города, по словам Акерманна, должны быть благодарны Минску за то, что они сохранили свой исторический облик⁸. Однако в отличие от Гродно и других белорусских городов, где остались «прелести» ухоженного западноевропейского города, большинство русских городов сохранили лишь черты захолустья. Другими словами, Минск являлся нетипичным городом. Поэтому выводы по его истории нужно переносить на другие советские, особенно собственно русские города, с большой осторожностью.

Германский историк специально изучал Минск, из которого власти пытались сделать «парадную витрину», образец «социалистического города». Он также привлек материалы по истории Москвы, совершенно особому по российским меркам столичному мегаполису, упомянул Магнитогорск как образец новостройки периода индустриализации, однако ни слова не сказал об огромном числе старинных губернских и уездных городов, десятки из которых в советское время стали центрами автономных республик и областей Советского Союза. Почти все эти города после 1917 г. долгое время развивались на своей дореволюционной материально-хозяйственной основе и только в определенной мере включали в себя элементы «социалистического города».

Хотя Бон знает об исторически и географически разнообразных типах российских городов, он утверждает, что в советское время чуть ли не все города СССР приобрели единый социалистический облик⁹. Непонятно, почему ни он, ни его российские редакторы не прислушались к словам авторов «похоронного марша» советским соцгородам, опубликованного в том же издательстве РОССПЭН и в той же серии «История сталинизма» за два года до выхода в России книги о Минске. М.Г. Меерович, Е.В. Коньшина, Д.С. Хмельницкий четко отделили соцгородановостройки как не выжившие детища градостроительной политики в СССР периода «сталинской» индустриализации¹⁰. Мы считаем, что для большинства старых российских городов определяющим моментом было сохранение и в советское время своих исторических особенностей, прежде всего в сфере городского хозяйства. Социалистическая унификация внешнего облика городов Советского Союза смогла реализоваться только фрагментарно.

Следует учесть также разницу между городами, непосредственно пострадавшими от войны, и сугубо тыловыми городскими поселениями. Первые из них не просто восстанавливались, но и строились на новых, в значительной мере современных, архитектурно-строительных и хозяйственных принципах, вторые (а их было явно большинство) продолжали развиваться на прежней, во многом еще дореволюционной основе, как минимум лет 15 после войны.

Бон отмечает, что в Минске в первой половине XX в. еще в какой-то мере сохранились гражданские традиции бывшего «вольного города» и особенно большая роль еврейской культуры¹¹. Поэтому, по его мнению, Минск можно в какой-то степени сравнить с Одессой и Киевом, а с городами «великорусских» губерний имперского периода и Российской Федерации советского времени — с большой натяжкой.

В конце XIX — начале XX в., по словам Б.Н. Миронова, «среднестатистический» русский город стал по величине средним. Именно в таких городах наиболее явственно проявлялись черты городского образа жизни¹². К этой категории относятся и изучаемые нами Пенза, Рязань и Тамбов. Они, как и десятки подобных им губернских и областных городов России, долгое время являлись административными центрами со слабо развитой промышленностью. До 1960-х гг. здесь почти не было крупных промышленных предприятий и сопутствующих им жилищно-коммунальных объектов.

Трудно полностью согласиться с утверждением Бона о невозможности описания истории российских городов с опорой на классические городоведческие теории, в частности, теории М. Вебера¹³. Попытаемся объяснить, что выделенные Вебером функциональные черты «западного города» можно найти и в России.

Оборонительные сооружения и их «старые площади» до сих пор играют заметную роль во многих российских городах. В Рязани каменный кремль продолжает стоять в центре города, поблизости от него, как и столетия назад, располагаются административные учреждения. Тамбовский деревянный кремль разрушился еще в середине XVIII в., но его площадь многие десятилетия была местом расположения кафедрального собора, главных губернских учреждений. Даже в первые годы Советской власти на площади проходили революционные праздники и митинги. В 1960-е гг. здесь по образцу многих западноевропейских городов был возведен мемориал «вечный огонь» в память о погибших в Великой Отечественной войне. Примерно так же дело обстояло и в Пензе, где до 1959 г. главной площадью города была бывшая Соборная. Некий идеологический парадокс состоял в том, что в 1918 г. на площади с немарксистским названием был установлен памятник К. Марксу¹⁴.

Как и в Западной Европе, важным местом городской жизни России служили базары. Даже в советское время центральные колхозные рынки со своими ограниченными возможностями, оставаясь на тех же местах, что и в дореволюционные годы, были главными центрами торговли в городах. Более того, в некоторых случаях с базарными площадями сливались административные центры. Так было в Пензе, где Дом Советов в конце 1950-х гг. был построен рядом с Центральным рынком. Тамбовский обком КПСС вплоть до 1991 г. располагался в сотне метров от старой Базарной площади. Бон, как и многие западные историки, отмечают недостаточную политическую автономию российских городов и общественную активность горожан, что существенно отличало их от городов Западной Европы¹⁵.

Действительно, в России не существовало «вольных» городов, оформленных союзнических отношений коронных властей и городских коммун. Но все-таки во многих случаях российские городские сообщества были самостоятельны и активны в отстаивании своих хозяйственных интересов. Миронов называет городские общины неофициальными демократическими организациями и отмечает, что в хозяйственном отношении они были самодостаточными¹⁶.

Нельзя забывать, что десятки городов-крепостей, возникших в XVII—XVIII вв. (в том числе Пенза, Рязань, Тамбов) долгое время были окружены слободами, то есть поселениями вольных людей. Слободы находились в городской черте, но в вопросах повседневной жизни управлялись своими выборными органами.

В XVIII в., после утраты такими городами оборонительных функций, жители слобод получили статус однодворцев, крестьян по занятиям, но еще долго помнили свое военно-служилое прошлое. Когда в конце XVIII — первой половине XIX в. в связи с нехваткой сельхозугодий на городской земле местные администрации стали выводить слободы за пределы городов, многие однодворцы пожелали остаться горожанами. Они получили статус государственных крестьян, но при этом обрели городские занятия. Постепенно многие из них перешли в городские сословия мещан, купцов, почетных граждан. Другими словами, значительную часть жителей целого ряда российских городов составляли специфические крестьяне, никогда не жившие в сельской местности и соответственно не являвшиеся мигрантами. Для таких крестьян Миронов предложил термин крестьяне-горожане. Уже в дореформенный период они имели в городах собственные домовладения, другую собственность, платили в городскую казну налог с недвижимости, различные сборы на городские нужды¹⁷.

В этой социальной среде еще в первой половине XIX в. формировались элементы гражданского общества. Тамбовские авторы исследования о «холерном бунте» 1830 г. привели немало фактов о вполне организованных действиях местных однодворцев, мещан и купцов в защиту своих экономических интересов, которые выразились в устных дискуссиях с представителями гражданских и церковных властей и даже подаче письменных прошений вплоть до петиции на имя Императора¹⁸. Миронов привел несколько примеров проявления городской общественностью протестной активности цивилизованного, небунтарского характера в разных городах России первой половины XIX века. Все они касались хозяйственных вопросов¹⁹.

Следующие поколения бывших однодворцев — и сохранивших крестьянский сословный статус, и перешедших в городские сословия — активно работали в органах городского самоуправления. Даже в условиях относительной бедности социумов средних городов в пореформенные десятилетия они смогли решить многие важные вопросы коммунального хозяйства: выровнять низменные места, вымостить километры дорог и тротуаров, создать водопровод, ассенизаторские обозы, городские скотобойни, значительно улучшить городское освещение и озеленение, упорядочить работу извозчиков и т.д. При этом по ряду вопросов средние российские города не отставали от мировых темпов урбанизационного благоустройства²⁰.

Бедой российских муниципалитетов имперского периода был не недостаток прав, как полагают многие авторы (немало прав было жаловано Екатериной II, еще больше Городовым положением 1870 г.), а обремененность городов и горожан государственными обязанностями. В дореформенный период городские однодворцы и мещане платили подушную подать, наряду с купцами 3-й гильдии несли рекрутскую повинность, зажиточная и среднеобеспеченная часть

горожан выполняла постоянную повинность. После реформ 1860—1870-х гг. на городском обществе лежала обязанность по содержанию воинских казарм, полицейских участков, тюрем, других казенных объектов. Именно это, а не нехватка прав, не давало возможности городским думам и управам в должной мере решать вопросы городского благоустройства.

Другой проблемой российского среднего города дореволюционного времени была его недостаточная капитализация. Дело было не только в малой доле крупных капиталов в «мелкобуржуазных» городах, но и в существенных противоречиях модернистских и традиционалистских элементов в менталитете горожан²¹. Одним из самых главных противоречий российского менталитета вообще и городского в частности было своеобразное отношение населения к своим правам и обязанностям. Это особенно явно проявилось в советское время, когда власть конституционно провозгласила множество прав и обязанностей советского человека. Люди хорошо знали, что им положено, но часто забывали о своих обязательствах перед государством и обществом. Как известно, в Конституции 1977 г. было гарантировано даже право каждого советского человека на получение бесплатного жилья от государства.

Депутаты городских советов не были безмолвными «голосователями» за приготовленные чиновниками горисполкомов решения. Именно в вопросах городского хозяйства они нередко реально выполняли наказания избирателей. Обычным явлением было «выбивание» ими средств из городского бюджета для ремонта домов, коммуникаций, прокладки водопровода и канализации, изменений маршрутов городского транспорта в интересах жителей своих избирательных округов.

На протяжении всего советского и постсоветского времени в городах России действовали и продолжают действовать домовые и уличные комитеты, главным образом занятые поддержанием в надлежащем состоянии жилищно-коммунального хозяйства своих домов и территорий. Возглавлявшие их председатели были, как тогда выражались, неравнодушными людьми, решительно отстаивавшими интересы своих жильцов и предъявлявшими им требования по добросовестному отношению к домовому имуществу и коммунальным объектам. Автор этих строк сам в 1990—2000-е гг. регулярно встречался с представителями этих общественных структур, а также с более широкими сходами граждан. Участники таких встреч активно поднимали волнующие их вопросы, прежде всего, связанные с городским хозяйством. Поскольку они были, как правило, люди немолодого возраста, есть все основания говорить о том, что их активная гражданская позиция, пусть и в ограниченной сфере, сложилась еще в советское время.

Нужно помнить и то, что заявления о своих правах люди высказывали даже во время «единодушных» выборов в советские органы власти. В десятые и сотые доли процента голосовавших против кандидатов в депутаты Советов, а чаще просто не явившихся на выборы попадали как раз те, кто возмущался тем, что ему не дали квартиру, не отремонтировали крышу дома, не наладили работу водопровода или канализации. С другой стороны, те, кто получил государственное жилье, частенько не выполняли обязанности по его содержанию в надлежащем состоянии. В 1967 г. Совет Министров СССР вынужден был принять специальное постановление «О мерах по улучшению эксплуатации жилищного фонда и объектов коммунального хозяйства»²².

Следует признать, что образец необязательности демонстрировало и само государство. Бон очень хорошо показал это на примере невыполнения всевозможных планов республиканских властей Белорусской ССР и города Минска²³. Мы также попытались показать противоречивость и недостаточную эффективность советских государственных планов и решений партии и правительства в области развития городского хозяйства. Поэтому, еще раз подчеркнем, что особенностью российского, в том числе и советского города, было не отсутствие прав у городских самоуправлений, а «причудливое» их сочетание с обязанностями, которые часто не выполняли и сами горожане, и государство.

В противовес образу западноевропейского города, которого, по мнению Бона, в России не было, он предлагает понятие «социалистический город». В ходе обсуждения своей книги в Минске Бон заявил, что ему было важно использовать это понятие как объясняющее советскую историю и феномен гражданского общества в СССР. Говоря о фразе «Минск — образцо-

вый город социализма», он подчеркивал, что рассматривает это утверждение с достаточной долей иронии²⁴. Методологически ценной представляется мысль Бона о том, что уровень прежних научных исследований можно будет превзойти лишь при всестороннем анализе не только архитектуры, но и городского образа жизни. В частности, он призывает особо изучать проблемы урбанизации обществ с запаздывающей модернизацией. В этом контексте, по его мнению, аналитическое понятие «социалистический город» получает эвристическую ценность при рассмотрении обществ советского типа.

Выбрав в качестве образцового «социалистического города» Минск послевоенного периода, немецкий историк попытался определить принципы социалистического планирования и черты идеального советского города вообще. Перечисляя черты «социалистического города», Бон признает, что они возникали в различной культурной среде и имели различные исторические корни²⁵. Для нас главное в этом абзаце заключено в последней фразе, которая опровергает особую роль социалистического планирования и проектирования городов. Как мы уже отмечали, Бон в книге о Минске писал о постоянной перекройке Генпланов города послевоенного периода. Немецкий историк признал вывод российской исследовательницы Ю.Л. Косенковой о том, что Генеральный план Москвы 1935 г., который рассматривался как образцовый для других советских городов, оказался мифом. Сам он согласился с тем, что в послевоенном Советском Союзе рост городов вышел из-под контроля, а планирование их оставалось хаотичным. М.В. Князева на материалах Рязани показала, что за 200 с лишним лет не один Генеральный план в этом губернском, а затем областном городе не был полностью выполнен²⁶.

Трудно полностью согласиться с формулировкой Бона о том, что в советских городах не было землепользования, основанного на имущественных отношениях, что он считает основной чертой «социалистического города». Действительно, в СССР с 1930-х гг. формально не существовало частной собственности на землю. Но в повседневном землепользовании многие жители российских городов фактически распоряжались землей как своим имуществом. В городах, типа Пензы, Рязани, Тамбова, до сих пор существуют большие массивы не просто стареньких частных домов, но и домов с немалыми участками земли. Фактически они достались их потомкам по наследству. По неофициальной традиции советского времени частные дома продавались вместе с земельными участками, то есть земля выступала как рыночный товар.

Более того, земля в частных землевладениях советского периода являлась основой товарного производства некоторых видов сельхозпродукции (овощей, фруктов, цветов, меда, мяса кроликов, кур, свиней и т.д.) В этом явлении не было движения назад, а лишь сохранение традиций досоветского города. На частных усадьбах в сараях-мастерских нередко велось и товарное ремесленное производство: изготовление мебели, окон, дверей, половых досок, ворот, ремонт различной домашней утвари, бытовых вещей, автомобилей и многого другого.

Проблемы для городского хозяйства возникали и в связи с противоречиями в государственном землепользовании. Прежде всего, они появлялись потому, что крупные заводы и воинские части пользовались выделенной им землей как собственным имуществом. Городские власти зачастую не могли «командовать» этими представителями могучих ведомств и вынуждены были обходить их территории при строительстве дорог, линий различных коммуникаций и т.д.

Характерной чертой «социалистического города» Бон называет структурирование пространства путем построения транспортных магистралей и улиц. Но в Пензе, Рязани, Тамбове до сих пор главными улицами являются остатки средневековой Астраханской дороги, которая через эти города связывала южные европейские степи с Москвой. Прямые дороги появились здесь еще в конце XVIII в. при реализации екатерининских планов регулярной застройки. Их ширина изначально определялась необходимостью прохождения кавалерийских частей (как писал М.Ю. Лермонтов в поэме «Тамбовская казначейша», в шеренгу «справа по-шести»). С тех пор ширина этих улиц практически не изменилась. Единичные магистральные улицы появились в Пензе, Рязани, Тамбове в 1960—1980-е годы. Их строительство было связано не с социалистическим планированием, а с выходом городов на пустые земли, где можно было проложить дороги любой ширины.

Следующей чертой «социалистического города» Бон называет возведение монументальных административных и правительственных зданий в центре города. Но так было не во всех городах. В Тамбове, например, «партийный штаб» области вплоть до 1991 г. находился в старинном здании Дворянского и Крестьянского поземельного банков. В аналогичном по первоначальным функциям здании до 1986 г. располагались Пензенский городской комитет КПСС и горисполком. Тамбовский облисполком все годы своего существования находился в здании, построенном в 1910-е гг. губернским земством. Как отметила тамбовская исследовательница А.С. Лобанова, многие другие городские дореволюционные казенные и общественные здания Тамбова продолжали играть важную роль и в советское время. Получается, что советские учреждения не смогли в достаточной мере обеспечить себя помещениями для собственной работы²⁷, и поэтому сложно говорить о создании ими «социалистических городов».

В качестве еще одной черты «социалистического города» Бон называет созданию общественных мест церемониального характера. Однако центральные площади многих советских городов вовсе не сооружались в ходе социалистического планирования, а являлись приспособлением старинных градостроительных элементов к новым условиям. Как мы уже писали, в Пензе и Рязани центральными оставались бывшие Соборные площади. В Тамбове центральная площадь Ленина стала таковой в 1930-е гг. (до этого центральной была Соборная) после сноса в центре города одного из храмов и высвобождения места для большой площади.

Бон не совсем точен, когда пишет о такой черте «социалистического города», как открытие в советское время в городах парков культуры и отдыха. Они часто возникали на местах дореволюционных общественных садов. В Пензе Центральный парк культуры и отдыха им. В.Г. Белинского располагается на месте публичного сада, возникшего еще в 1820-е годы. В Рязани городской Центральный парк находится на месте «Рюминой рощи», принадлежавшей местному меценату Рюмину, который еще в XIX в. позволял горожанам использовать для отдыха его зеленое владение. В Тамбове Горсад советского времени был создан на основе Губернаторского сада и соседнего сада Купеческого собрания. При этом мы не отрицаем, что советские парки культуры и отдыха были насыщены идеологизированной скульптурой и стендами коммунистической наглядной агитации.

К чертам «социалистического города» Бон относит строительство жилых районов из идентичных элементов. Действительно советское государство планировало создавать такие районы. Но по причине недостатка средств, особенно в средних и малых городах, эти планы никогда не доводились до конца. Поэтому в областных центрах до настоящего времени даже в районах новостроек 1960—1980-х гг. существуют явно неидентичные здания, построенные в разные годы, в зависимости от возможностей муниципалитетов и ведомств.

Особой чертой «социалистического города» Бон считает сегрегацию по местонахождению жилья (центр или окраина), его характеру (общежитие, коммунальная или отдельная квартира и т.д.), по качеству домов²⁸.

Особые вопросы вызывает утверждение Бона о деревянных домах как строениях худшего качества. Во-первых, дерево для большей части территории России по климатическим условиям было самым подходящим материалом для строительства жилья: оно сильно не остывало зимой и не перегревалось летом. Не случайно у зажиточных горожан уже с конца XVIII в. началась практика оштукатуривать дома «под камень» или обкладывать кирпичом. Получалось «экологично» изнутри и престижно снаружи. Такая практика в частных домах многих городов России используется и сейчас²⁹.

Во-вторых, невозможно согласиться с тем, что в российских городах второй половины XX в. строились деревянные дома сельского типа. Российские этнографы, специалисты по материальной культуре города, показали, что уже в середине XIX в. преобладающую часть составляли мещанские и купеческие дома, которые, будучи деревянными, по конструкции существенно отличались от крестьянских жилищ³⁰.

Количество домов крестьянского типа в российских городах в значительной мере сократились уже в конце XVIII века. В начале XIX в. в некоторых губернских городах власти в целях

борьбы с пожарами требовали заменить соломенные крыши слободских крестьянских домов огнеупорными материалами³¹. В дальнейшем крестьянские избы сохранились только в бывших пригородных слободах, оказавшихся в городской черте.

После второй мировой войны новые индивидуальные деревянные дома в городах в первую очередь строили офицеры-фронтовики, которые получали государственную ссуду и возможность приобрести дефицитные строительные материалы. «По благу» разрешения на строительство собственных домов получали работники торговли, снабжения, общественного питания и т.д. Такие дома в разы превосходили по площади даже трехкомнатные квартиры в многоэтажных зданиях. Учитывая наличие при таких домиках садиков, возможности постепенно подключиться к городскому водопроводу, канализации, газовым линиям, можно утверждать, что в 1970—1980-е гг. проживание в них было комфортнее, чем в блочных домах. В 1970-е гг. в Тамбове в такого рода «особнячке» проживал первый секретарь обкома КПСС.

Спорными представляются и утверждения Бона о том, что элитное жилье располагалось в центре советских городов, а худшее — на окраинах. Выдававшиеся в послевоенные годы земли офицерам — участникам Великой Отечественной войны и другим группам населения часто находились на городских окраинах, весьма комфортных по природным условиям. Здесь же в 1950—1960-е гг. стали массово строиться многоэтажные дома. А в центре многих городов оставались и остаются кварталы старых ветхих домов.

Наконец, еще одной чертой «социалистического города» Бон считает отсутствие субурбанизации и агломерации. Возражая против точности такого утверждения, мы скажем, что подобные разговоры применительно к истории большинства российских городов до середины XX в. лишены смысла. Преобладание в средних городах частных домовладений с садиками-огородами при почти полном отсутствии промышленного и транспортного загрязнения вовсе не побуждало к «бегству на природу».

Только в с 1960-х гг. в период массового переселения привыкших к земле жителей городских частных усадеб «на этажи», в средних городах России началась субурбанизация в специфической форме освоения пригородных дачных участков³². Причем дача стала не только подсобным хозяйством и местом для отдыха, часть горожан проживала здесь постоянно.

Конечно, Бон прав, говоря об отсутствии в России городских агломераций в их западноевропейском варианте. Но мы считаем, что это было не столько недостатком «социалистического планирования» развития городских поселений, сколько следствием огромных размеров страны, в которой не было необходимости «лепить» поселения друг к другу. С тем же Тамбовом фактически были «агломерированы» поселок Строитель (5 км от областного центра) и город Котовск (15 км от областного центра). Большинство жителей этих населенных пунктов повседневно были связаны с Тамбовом работой, учебой, досугом.

Фактически исторически сложившимися «агломерациями» с Пензой, Рязанью, Тамбовом, являются возникшие одновременно с этими городами пригородные села, жители которых «тысячами нитей» связаны с городами.

Так, в Тамбове долгое время крупнейшим был вагоноремонтный завод, который находился буквально в нескольких сотнях метров от с. Покрово-Пригородное (бывшая Покровская слобода). В 1960—1970-е гг. в северной части была создана промышленная зона, которая во многом обеспечивалась рабочей силой из пригородного с. Донское (в прошлом опять-таки слободы). При этом рабочие из сельских пригородов почти никак не влияли на городскую жизнь. Они приходили только на работу в расположенные на окраине города заводы и фабрики, а время отдыха проводили в своих сельских домовладениях. Напротив, они втягивались в городскую жизнь, посещая городские магазины, предприятия и учреждения сферы услуг и культуры. Многие из них являлись пациентами городских поликлиник и больниц. Их дети нередко учились в городских школах. Отдельные члены семей обитателей пригородов служили в городских учреждениях.

Как мы увидели, в типичных средних областных городах России черты «социалистического города» выглядели не очень «выпукло». Скорее, речь нужно вести о продолжении их эволюционного развития с напластованием элементов социалистического планирования на крупные

остатки городского хозяйства дореволюционного периода. Для оценки этого явления больше подходит упоминаемое Боном выражение Р.Э. Френча, который описывал советский город как смесь из капиталистических реликтов и элементов социалистического планирования³³.

Думается, что понятие «социалистический город» можно использовать не только метафорически или иронически, но и всерьез. Мы имеем в виду реальное существование тенденции к развитию градостроительства и жилищно-коммунального хозяйства за счет государства. Такая тенденция не раз проявлялась в политике правивших в ряде стран Западной Европы социал-демократических и социалистических партий (Швеция, Голландия, Финляндия и др.). Но государственное участие в строительстве жилья в этих странах имело свои границы, которые зачастую определялись избирателями на выборах. В частности, известный историк градостроительства и архитектуры В.Л. Глазычев обратил внимание на ситуацию в Англии 1970-х гг., где городские власти были вынуждены учитывать мнение горожан при реконструкции старых кварталов³⁴.

Особенностями реализации политики по строительству социального жилья в СССР являлись постановка вопроса о том, что государство должно полностью само решить жилищно-коммунальную проблему, а также практическое отсутствие в Советском Союзе гражданского общества, которое могло хоть как-то корректировать эту политику. Гражданская неразвитость городских социумов была оборотной стороной их бедности, недостатка своих средств на развитие городского хозяйства. В таких условиях поддержка государства была благом для российских городов.

Российское государство традиционно вкладывало минимальные средства в развитие городского хозяйства. В имперский период истории жилье для горожан за казенный счет не строилось вообще. Губернские администрации занимались мощением улиц, тротуаров, площадей, главным образом, вокруг государственных учреждений. Первые осветительные фонари устанавливались за казенный счет опять-таки только в центральной части городов. Изредка для горожан открывались губернаторские сады.

Хотя советское государство декларировало более широкую жилищно-коммунальную заботу о гражданах, ему никогда не хватало средств на строительство жилья и коммунальных инфраструктур. Поэтому оно искало «суррогатные» средства решения жилищного и связанного с ним вопросов.

Когда коллеги говорят о том, что российский «социалистический город» развивался в «капиталистическом городе», они правы только отчасти. Унаследованный советским обществом город во многом был еще раннекапиталистическим или прединдустриальным. Бон неоднократно обращает внимание на то, что большевики на практике не всегда следовали лозунгам К. Маркса и Ф. Энгельса относительно противоречий большого капиталистического города. Советской власти приходилось иметь дело с подавляющим большинством средних и малых городов с «недозрелыми» противоречиями капитализма.

Печально знаменитые коммуналки, о которых любят писать зарубежные и многие отечественные авторы, объективно были распространены только в небольшом числе крупных городов, где можно было поделить большие дома с многокомнатными квартирами. Но в средних, даже губернских городах, таких домов было мало. Жилищный вопрос здесь решался путем, так называемого, уплотнения «среднего класса»³⁵. На практике это выглядело как разделение небольших «мещанских» домиков и флигелей на 2–3 части, к которым жильцы пристраивали собственные (не общие) кухоньки, веранды, сени. На отдельных, опять-таки индивидуальных кусочках двора, каждой семьей строились свои сарайчики. «Головной болью» советских городских властей были многочисленные разбирательства частых соседских склок по поводу захвата общей земли.

Проблему жилищной тесноты, ставшей с 1930-х гг. на многие десятилетия острой социальной проблемой советских городов, ярко описали Л.А. Гордон и Э.В. Клопов³⁶.

Знаковой чертой советской урбанизации в средних городах были заводские и другие ведомственные общежития и бараки. Подчеркнем, что общежития существовали не только как «приложения» к заводам и проявления периода ускоренной индустриализации, о чем пишут

многие российские и зарубежные историки, но и у самых разных ведомств, которые не имели средств для постройки полноценного жилья. «Социализм» для обитателей такого жилья проявлялся в том, что пользование коммунальными услугами оплачивали предприятия и учреждения — владельцы общежитий и бараков.

Особые проблемы с общежитиями и бараками возникли в постсоветский период в связи с тем, что разоряющиеся промышленные и другие предприятия были не в состоянии их содержать и стремились передать в собственность муниципалитетов. Городские власти вынуждены были брать на себя заботу о гражданах, хотя содержание этих жилищ существенно опустошало городскую казну. Выход из такой напряженной хозяйственной ситуации нашелся в том, что их обитатели получили право приватизировать свои комнаты, возложив тем самым расходы по их содержанию на свой семейный бюджет.

Бон выбрал для сравнения комфорта коммунистический «образцовый город» Москву и социалистический «образцовый город» Минск. В частности, он привел примеры, что в Минске на начало 1960-х гг. водопровод имели только 38,4% квартир, а центральное отопление 23,5%, а в Москве соответствующие показатели составляли уже 96% и 71%³⁷.

Очевидно, немецкий коллега понимает, что Москва всегда существенно отличалась по жизненному комфорту от остальной части страны. Однако и Минск в этом отношении отличался от других городов Советского Союза.

Некоторое время назад мы провели специальное изучение темпов развития городского хозяйства Тамбова и городов СССР в целом. Интересно «вписать» в такой же контекст данные о городском хозяйстве Минска, опубликованные в работах Бона, и определить минскую специфику с помощью количественных показателей.

Темпы прироста новых жилых площадей в Тамбове вплоть до конца 1970-х гг. были значительно ниже, чем по стране в целом. Причины таких различий объяснить несложно. Городам типа Тамбова, которые не являлись крупными промышленными центрами и не пострадали в годы Великой Отечественной войны, долгое время выделялось мало государственных средств на жилищное строительство. В связи с этим в городе происходило некоторое «попятное» движение в соотношении вновь построенного общественного и личного жилья. В 1940 г. оно составляло 59% к 41%. В послевоенные десятилетия в Тамбове наблюдался спад удельного веса нового муниципального и ведомственного жилья и соответственно рост новых частных построек. В таких городах, как Тамбов, государство перекладывало решение жилищного вопроса в большей мере на самих граждан. Поэтому доля частного жилья во всем жилищном фонде города до 1960-х гг. оставалась преобладающей (1960 г. — 55%)³⁸.

Минские данные говорят о том, что, несмотря на громадные разрушения в военные годы, жилищный фонд белорусской столицы уже к началу 1960-х гг. превзошел свои довоенные размеры, а по темпам развития заметно опережал общесоюзные и, тем более, тамбовские показатели. Даже «большой скачок» Тамбова в строительстве жилья заметно уступал минским темпам³⁹.

Явная нетипичность Минска на фоне городов Советского Союза в целом видна и по другим показателям городского хозяйства. Самое интересное состоит в том, что по целому ряду коммунальных показателей государственного жилого фонда Минск к концу советского периода достиг почти 100-процентного уровня. Процент старинного частного жилья сократился в Минске до 5. На всесоюзном уровне его доля в городах составляла 28%

В уже упомянутой статье мы установили, что темпы развития городского хозяйства Тамбова 1950—1970-х гг. в основном совпадали с темпами развития городов СССР в целом. Поэтому можно говорить о типичности Тамбова как среднестатистического города в плане развития городского хозяйства. Его сравнение с Минском как почти состоявшимся «социалистическим городом» может показать, насколько продвинулось в сторону такого типа большинство советских городов.

Мы уже упоминали, что государственное жилищное строительство в послевоенном Минске значительно опережало показатели Тамбова и многих подобных ему городов. Еще в 1965 г.

частного жилья в городе было всего 16%. В Тамбове такой показатель только-только стал менее 50% ⁴⁰.

Важно отметить и то, что минское частное жилье было обеспечено большим комфортом, чем в среднестатистическом Тамбове. В 1979 г. обеспеченность газом частных домов Минска (97%) оказалась выше, чем в государственном жилом секторе. Очень высоким был показатель наличия в частных домах центрального отопления — 70%. В Тамбове газификация частных домов и проведение в них центрального отопления составили в это время около 50% ⁴¹.

И все же при всех успехах развития городского хозяйства Минска на пути к «социалистическому городу» в отдельных коммунальных сферах белорусская столица не дотягивала до этого «почетного звания». В 1979 г. только четверть частных домов была обеспечена водопроводом, немногим большая часть канализацией. Лишь в 13% частного жилого фонда Минска в конце советского периода жители имели ванны и душ. Но при этом они практически не получали от города горячей воды. Она поступала только в 0,1% соответствующего фонда. Конечно, на фоне среднестатистического Тамбова Минск выглядел убедительно. Но говорить о достижении в нем полного «социализма» в городском хозяйстве невозможно.

Бон начинает свою статью в «Российской истории» с анализа фотографии, запечатлевшей крестьянскую семью, которая едет по центральному проспекту Минска в запряженном лошадей фургоне рядом с автобусами и автомобилями. Эту фотографию, по его мнению, можно считать символом перехода от аграрного к индустриальному обществу, происходившего в большинстве регионов Восточной Европы после второй мировой войны в процессе интенсивной урбанизации ⁴².

С общеисторической точки зрения его оценку визуального источника в принципе можно признать верной. Германский историк, которого постоянно тянет к рассуждениям о рурализации советских городов, возможно, не знает, что гужевой транспорт в российских провинциальных городах долгое время был не движением назад, а сохранившимся с дореволюционного времени средством «малой механизации» в городском хозяйстве.

Судя по одной из пензенских фотографий начала 1950-х гг., запечатлевшей конную коляску с возчиком у административного здания, даже советские начальники продолжали разъезжать по служебным делам на гужевом транспорте ⁴³. Доказательствами использования такого транспорта для разных нужд городского хозяйства служат и другие пензенские фотографии 1940—1950-х гг., на которых отразились перевернутая по нечаянности конная повозка с хлебным фургоном или запряженная лошадью телега с грунтом для укрепления берега р. Суры в черте города ⁴⁴.

Вплоть до 1970—1980-х гг. даже в областных центрах СССР мусор с обочин дорог вывозился на тележках, запряженных лошадьми, которые были экономичнее, чем маленький трактор и могли спокойно передвигаться по улицам и заезжать в тесные городские дворики.

Мы сознательно подробно остановились на сюжете, связанном с использованием лошадей в городском хозяйстве. Во-первых, недопустимо упрощенно подходить к этому сюжету только в контексте влияния сельской округи на городскую жизнь. И тем более считать это проявлением движения назад. В действительности это было органичным продолжением досоветского этапа развития российских городов.

Во-вторых, западным коллегам стоило бы помнить известный факт о том, что вопрос перегруженности западных городов лошадьми широко обсуждался их общественностью еще в конце XIX века. Поэтому применительно к России середины XX в. правильнее говорить об очередном проявлении «догоняющей» урбанизации, а вовсе не об отбросе городского хозяйства назад вследствие революционных потрясений и социалистических экспериментов.

Особо заметим, что в Минске, как и других городах СССР, не происходило рурализации городского хозяйства. Вряд ли всерьез можно говорить о разборе в городах дорог, покрытых булыжником, и превращении их в сельские проселочные дороги, замене водоразборных уличных колонок колодцами или покрытии соломой крыш во вновь строящихся домах.

Другое дело, что во времена после российских социально-политических катаклизмов происходило обветшание существовавшего до того жилищно-коммунального комплекса, а также откладывание внедрения новаций в ЖКХ⁴⁵.

Наиболее точной мы считаем оценку уровня урбанизации в современной России, предложенную известным специалистом по социологии российского города Ю.Л. Пивоваровым. Он отмечает незавершенный, переходный, двойственный характер советского варианта модернизации вообще и урбанизации в частности, которая приобрела ущербный характер. Это проявилось в том, что радикальные изменения происходили при сохранении многих звеньев традиционалистского социального устройства. Очевидной оказалась непоследовательность советской модели урбанизации. Проявилось противоречие между серьезными количественными и недостаточными качественными изменениями. Быстрый рост городского населения, формирование значительной сети городских поселений после 1917 г. заметно опережали процессы адаптации сельских жителей к городскому образу жизни. В стране, где десятилетиями урбанизация была побочным продуктом индустриализации, человек стал «винтиком» огромной государственной машины. Но он не получил удовлетворения своих разнообразных потребностей и возможностей, что было связано с отставанием от принятых в развитых странах норм и стандартов качества жизни горожан, состояния городской среды и т.д.⁴⁶

Исходя из этого, позволим себе заявить, что урбанизационный переход в России не закончился и в начале XXI века. До сих пор даже в областных центрах встречается такое явление, как соседство современной многоэтажки с домами, жильцы которых традиционно отапливаются печкой, берут воду из уличных колонок, пользуются «удобствами» во дворе и т.п. Иное, наверное, невозможно при догоняющей модели урбанизации, при которой «социалистический город» в значительной мере был бумажным проектом.

Надеемся, что наше исследование станет напоминанием о том, что изучать надо судьбу не только экспериментальных соцгородов-«кладбищ», но и старинных русских городов, которые только отчасти подверглись социалистическим градостроительным экспериментам. Во многом они продолжали эволюционировать на своей дореволюционной основе. При этом многие российские города в XX в. пережили не рурализацию как движение назад, а просто, развиваясь в русле мирового урбанизационного процесса, сохранили отдельные черты «прединдустриально» города.

Примечания

1. БОН Т.М. «Социалистический город» или «европейский город»: Урбанизация и рурализация в Восточной Европе. — Российская история. 2009, № 1, с. 65—75.
2. ЕГО ЖЕ. Советская система закрытых городов. Прописка и недостаток жилья как показатели социального неравенства. URL: <http://belhist.ru/2012/11/tomas-m-bon-sovetskaja-sistema-zakrytyh-gorodov/>
3. ЕГО ЖЕ. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. М. 2013.
4. Минск — образцовый город социализма? URL: http://n-europe.eu/article/2009/05/05/%E2%80%9Cminsk_%E2%80%93-obraztsovyi_gorod.
5. Там же.
6. БОН Т.М. «Социалистический город» или «европейский город», с. 65—66.
7. ЕГО ЖЕ. Советская система закрытых городов.
8. Минск — образцовый город социализма?
9. БОН Т.М. «Минский феномен», с. 39—40.
10. МЕЕРОВИЧ М.Г., КОНЬШИНА Е.В., ХМЕЛЬНИЦКИЙ Д.С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928—1932 гг.) М. 2011.
11. БОН Т.М. «Минский феномен», с. 82.

12. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) Т. 1. СПб. 1999, с. 289.
13. БОН Т.М. «Социалистический город» или «европейский город», с. 66; ЕГО ЖЕ. «Минский феномен», с. 18.
14. Пенза. Листая старинный альбом... Фотографии 1940—1960-х гг. Пенза. 2012, с. 9.
15. БОН Т.М. «Социалистический город» или «европейский город», с. 66; ЕГО ЖЕ. «Минский феномен», с. 18.
16. МИРОНОВ Б.Н. Ук. соч., с. 293, 424—426.
17. Там же, с. 324.
18. КАНИЩЕВ В.В., МЕЩЕРЯКОВ Ю.В., ЯКОВЛЕВ Е.В. Тамбовский бунт 1830 г. в контексте холерных кризисов в России в XIX в. Тамбов. 2009.
19. МИРОНОВ Б.Н. Ук. соч., т. 1, с. 254—255.
20. Подробнее см.: ЧЕРНОВ А.С. Глоток чистой воды. Тамбов. 2002; ЕГО ЖЕ. «Нобели: взгляд из старого Тамбова». Тамбов. 2005; ПЕТРИНА С.В. Экологические проблемы старой Пензы. В кн.: Городское пространство в исторической ретроспективе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 350-летию основания города Пензы. Пенза. 2013, с. 146—147.
21. МИРОНОВ Б.Н. Ук. соч., т. 1, с. 331—332, 336—377; ЛЯМИН С.К. Менталитет населения преиндустриального города 1860—1870-х гг. (По материалам Тамбова). Дисс. канд. ист. наук. Тамбов. 2003.
22. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов за 50 лет. Т. 6. М. 1968. 1966—1968, с. 576—587.
23. БОН Т.М. «Минский феномен», с. 60, 92—93.
24. Минск — образцовый город социализма?
25. БОН Т.М. «Минский феномен», с. 10.
26. Там же, с. 9; БОН Т.М. «Социалистический город» или «европейский город», с. 75; КОСЕНКОВА Ю.Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства. М. 2000; КНЯЗЕВА М.В. История генерального планирования провинциального российского города: замыслы и реализация (1780—1991 гг., на примере г. Рязани). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 2013.
27. ЛОБАНОВА А.С. Деятельность административных и общественных институтов Тамбова по созданию условий для функционирования подведомственных им учреждений (конец XVIII — начало XX вв.). Дисс. канд. ист. наук. Воронеж. 2013.
28. БОН Т.М. «Минский феномен», с. 21—22, 329.
29. ЖЕРЕБЯТЬЕВ Д.И., КАНИЩЕВ В.В., КОНЧАКОВ Р.Б. Место дворянства в формировании городского социального пространства (по материалам Тамбова конца XVIII в.) В кн.: Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в. М. 2012; РАБИНОВИЧ М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М. 1988, с. 46.
30. АНОХИНА Л.А., ШМЕЛЁВА М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем: На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М. 1977; РАБИНОВИЧ М.Г. Ук. соч., с. 87.
31. См., например, статью о тамбовском губернаторе А.Б. Палицыне: Тамбовская энциклопедия. Тамбов. 2006, с. 426.
32. ЧЕХОВСКИХ И. Невидимые грани социальной реальности. Сб. статей по материалам полевых исследований. Труды ЦНСИ. Вып. 9. СПб. 2001, с. 73—83; ВАГИН В.В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства. — Мир России. 1997, № 4, с. 53.
33. FRENCH A.R. Plans, Pragmatism and People. The Legacy of Soviet Planning for Today's Cities. L. 1999.
34. ГЛАЗЫЧЕВ В.Л. Город без границ. М. 2011, с. 374.
35. КУРЦЕВ Л.Н. Повседневная жизнь провинциального города в годы гражданской войны (по материалам Ярославской и Костромской губерний). Дисс. канд. ист. наук. Ярославль. 2006; РЯЗАНОВ Д.С. Революция и обыватель. Тамбов. 2006.
36. ГОРДОН Л.А., КЛОПОВ Э.В. Что это было? М. 1989, с. 109—111.

37. БОН Т.М. Советская система закрытых городов. Прописка и недостаток жилья как показатели социального неравенства.
38. АВРЕХ А.Л. Эпизод из региональной социальной политики советского периода (жилищные условия населения Тамбова накануне развернутого строительства коммунизма). В кн.: Город Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. Тамбов. 2011, с. 193—195.
39. БОН Т.М. «Минский феномен», с. 353.
40. Там же, с. 351.
41. Народное хозяйство Тамбовской области за 70 лет. К 70-летию Великого Октября. Статистический сборник «Экономическое и социальное развитие Тамбовской области за годы Советской власти». Тамбов. 1987, с. 159—161.
42. БОН Т.М. «Социалистический город» или «европейский город», с. 65.
43. Пенза. Листая старинный альбом..., с. 14.
44. Там же, с. 169, 194.
45. Подробнее см.: АВРЕХ А.Л. Ук. соч., с. 193—195.
46. ПИВОВАРОВ Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность. — Общественные науки и современность. 2001, № 6, с. 101—113.

А. БАЖЕНОВА. *Историки Императорского Варшавского университета: просвещение, наука, политика.* Люблин. Institut Europy Środkowo-Wschodniej. 2014. 408 с.

Автор рецензируемой книги — научный сотрудник Института Центральной и Восточной Европы в Люблине (Польша), получившая за свое сочинение звание доктора философии после защиты диссертации в Люблинском Католическом университете Иоанна Павла II.

Работа представляет собой подробное изложение истории создания Императорского Варшавского университета (ИВУ) и научно-учебной деятельности его историко-филологического факультета. Рассматриваются программы преподавания исторических и филологических дисциплин, состав кафедр, научно-исследовательская работа профессорско-преподавательского состава. Значительное внимание уделяется вопросу взаимоотношений университета с польской общественной средой, которая автором определяется формулой: «свой для русских, чужой — для поляков». Во введении характеризуется литература об ИВУ вообще и его историко-филологическом факультете в частности.

В истории российского высшего образования ИВУ занимает особое место. Он был открыт 12 октября 1869 г. и, по сравнению с другими университетами Российской империи, имел особый устав, в котором было указано, что ИВУ учреждается взамен «существующей

ныне в Варшаве Главной школы и что в ИВУ как в преподавании, испытаниях, сочинениях, публичных актах и в делопроизводстве употребляется русский язык. Все диссертации пишутся и защищение их производится не иначе как на русском языке»¹. Устав также предусматривал, что лекции о польском языке и словесности, а также новейших иностранных языках могут читаться на этих языках. В целом устав ИВУ содержал основные положения либерального устава российских университетов 1863 г., но с определенными ограничениями автономии: например, в ИВУ ректор и деканы назначались МНПР, а не избирались, исключалась возможность создания научных обществ при университете, ограничивался состав приват-доцентов и т.д. Однако в новом университете существовал ряд преимуществ. Поскольку базой ИВУ была Варшавская Главная школа, в распоряжение университета передавалась богатейшая библиотека, что было чрезвычайно важно для историко-филологического, юридического, физико-математического и медицинского факультетов, лаборатории и клиники². Преподавание на русском языке привело к тому, что прежний, работавший в Главной школе профессорско-преподавательский состав, оказавшийся неспособным

читать лекции на русском языке, отсеивался, и на его место приглашались профессора и магистры из других российских университетов, а также несколько ученых, не служивших раньше в высшей школе. Все приглашенные получали материальные, служебные и научные льготы. Последние состояли в предоставлении большого числа заграничных командировок для подготовки магистерских и докторских диссертаций и вообще научной работы.

Задача русского университета в Варшаве официальными лицами Российской империи определялась как желание «доставить жителям этого края всевозможные средства к образованию, но, разумеется, с тем, чтобы оно служило не во вред, а на пользу государству... не отчуждению, а к сближению его (края. — Л.Л.) с остальными частями империи». Университету не следовало стоять «враждебным особняком на окраине государства», он должен был войти «в общую почетную семью российских императорских университетов»³. Польская общественность, то есть интеллигенция, духовенство, шляхта — все, кто был как-то образован и имел национальное самосознание, встретили учреждение русского университета враждебно. ИВУ был открыт спустя всего несколько лет после подавления восстания 1863—1864 г., в котором Главная школа играла важную роль, и факт замены ее русским университетом расценивался как курс российского правительства на русификацию поляков. Особенно агрессивно против русского университета была настроена публицистика, подогреваемая польской эмиграцией, которая после подавления восстания расселялась по всей Европе. Таким образом, русский Варшавский университет должен был существовать во враждебной национальной политической среде.

В польской историографии в XIX в. история ИВУ относилась к числу фактов, стертых из исторической памяти. Демонстративное замалчивание роли и значения этого учебного заведения было способом критики, полного его неприятия польскими историками. Историографический обзор, который присутствует в рецензируемой книге Баженовой, показывает, что первые работы, посвященные прошлому ИВУ, принадлежат русским историкам. При этом оценка его значения зависела от

эпохи. Первые 50 лет в русской советской историографии по понятным причинам не встречается работ не только об ИВУ, но и об его историках и вообще профессорах. Довоенные репрессии и послевоенные идеологические погромы в СССР покончили с существованием немарксистской, буржуазной историографии, допустив только изучение истории революционных контактов между русскими и поляками. В тех немногих работах, которые были посвящены университетам России в целом, прошлое ИВУ воспринималось как часть агрессивной и вражеской политики, как инструмент русификации Привислинского края.

В настоящее время уже имеется значительная русская литература обо всех периодах существования ИВУ, однако в ней еще встречаются и прежние оценки. Так, в статье А.Е. Иванова, опубликованной в 1995 г., автор утверждает, что для поляков было «подневольной необходимостью» учиться в Варшавском университете, «где господствовали колониальные порядки, при которых русское меньшинство студентов пользовалось привилегией слушать лекции на родном языке по программам, игнорировавшим историю и культуру Польши, учиться у профессоров, набранных из России. Это обстоятельство больно било по национальному достоинству польского студенчества, что приводило к протесту против национального неравноправия»⁴. Нельзя отрицать тот факт, что русский университет в Варшаве имел задачу подготовить из польской молодежи верноподданных Российской империи и кадры для управления Привислинским краем. Но, как показывает история, создание такого типа учреждений в наименьшей степени помогает осуществлять замыслы их организаторов. Ведь университет не только выполняет задачи государства по подготовке кадров в нужном для политического режима духе, но и дает образование определенной части общества, формирует мышление учащихся. В результате получения знаний часто вырабатывается мировоззрение не в том направлении, которое предполагалось при создании учебного заведения. Ярким примером этому является Пражский университет. Созданный в 1348 г. императором Священной Римской империи Карлом IV в самой тесной связи с римской курией и католической

церковью, он в течение нескольких десятилетий превратился в центр оппозиции церкви и светской власти, что в начале XV в. привело к ранней реформации церкви и социальному движению в Чехии, известному под названием «гуситской революции». Хорошо известна роль германских университетов как идеологических центров оппозиции в период европейской реформации XVI века. И в новое время в европейских университетах не было недостатков в мыслителях и «вождях», способных возбудить среди учащейся молодежи протестные настроения.

Тем менее, Варшавский университет был способен выполнять присваиваемые ему историографией функции. Прежде всего, он существовал во враждебной национальной политической среде. Несмотря на предписание «сверху» «обрусителям» трудно было справиться с высококомерной польско-шляхетской интеллигенцией, в традициях которой была вражда к русским за участие России в разделах Польши в XVIII в. и подавлении антирусских восстаний.

В рецензируемой книге Баженовой русификаторская роль ИВУ не подчеркивается. Автор считает, что историю ИВУ следует изучать комплексно, в направлении выявления значения образовательной стороны университета для польского общества и русского контингента учащихся, а также научного вклада профессорско-преподавательского состава. Эти задачи на примере историко-филологического и частично юридического факультета и пытается решить автор книги. При этом отмечается, что подобные тенденции подхода к истории ИВУ наблюдаются и в современной польской историографии, что проявляется в интересе к источникам об истории ИВУ и стремлении отойти от давних стереотипов исключительно негативной оценки прошлого этого учебного заведения.

Источниковую базу книги Баженовой составляют материалы, хранящиеся в архивах Польши (пять хранилищ), Российской Федерации (семь архивов) и Украины (два архива). В основном это материалы делопроизводства, преимущественно относящиеся к историко-филологическому факультету, а также документы личного характера — корреспонденция, неизданные труды некоторых профессоров и т. д.

На основании официальных документов в книге хорошо проработаны вопросы о структуре университета в целом и особенно историко-филологического факультета. Рассмотрены учебные программы исторического отделения и исторических дисциплин на юридическом факультете, большое внимание уделено программам преподавания классических языков, древнеримской и древнегреческой литературы и истории античности. Однако для более объективной картины процесса преподавания следовало бы пояснить, в какой мере программы соответствовали практической реализации в студенческой аудитории. Для этого можно было использовать тексты лекций профессоров, студенческие работы, учебные пособия и т. д.

Историко-филологический факультет ИВУ имел сложный кадровый состав. До 80-х гг. XIX в. польский элемент в университете преобладал как среди студентов, так и в профессорской коллегии. Профессор В.В. Макушев (1837—1883), которому довелось открывать преподавание славистических дисциплин в ИВУ, так характеризовал русских профессоров Варшавского университета: «Навербованные ректором в разных концах России русские профессора привезли с собой в Варшаву провинциальные нравы и обычаи, и, не имея никаких политических и религиозных убеждений, никаких высших стремлений (за исключением двух-трех человек), они смотрели на работу в университете как на хорошую синекуру, стараясь более всего угождать начальству, чтобы получать награды, пособия и прибавочные проценты... К полякам относились индифферентно. Каждый думал только о себе, о своей шкуре, о своем кошельке, интересы университета и государства были им чужды или недоступны. Поэтому польским профессорам, на стороне которых была нравственная и научная сила... было легко парализовать всякое влияние русских не только на студентов, но и в университете»⁵. Подобная ситуация породила вражду между польской и русской частями профессорской коллегии историко-филологического факультета. Приведенная характеристика профессорской коллегии ИВУ принадлежит профессору Макушеву, человеку очень критичному, порой желчному, не признающему никаких авторитетов, ни на-

учных, ни в жизни. Но и другие русские профессора были не лучшего мнения об отношении между русскими и поляками в профессорской коллегии. Так, доцент юридического факультета Г.В. Демченко писал в 1898 г. в Харьков своему коллеге П.А. Максименко: «На факультете и в совете у нас, и везде, нелады и часто дело доходит чуть ли не до ругани»⁶.

С других идеологических и политических позиций характеризует качество преподавания и обстановку в ИВУ Н.А. Дубровский, издавший в 1908 г. брошюру «Официальная наука в Царстве Польском». Сочинение вышло в свет в период, когда ИВУ переживал острейший кризис и был на грани закрытия. Под влиянием революции 1905—1906 гг. в России ИВУ фактически прекратил осуществлять свою деятельность ввиду бойкота его студентами, демонстраций учащихся и общественности, требующей ликвидации русского университета и открытия польского. Автор брошюры, представитель одного из направлений социалистов, обучавшийся в ИВУ, указывает на низкий уровень преподавания на филологическом факультете. Большинство русских профессоров он называет реакционерами и невеждами, десятилетиями читавшими один и тот же курс, не внося в него никаких изменений. К числу таких невежд Дубровский относит крупного ученого-историка Н.Н. Любовича, а также И. Филевича, И. Сазановича, П.А. Кулаковского и особенно В.А. Францева, которого упрекает в том, что он в своей деятельности не предпринимал «ни единого сколько-нибудь смелого шага за пределы чисто археологического копания в груде материалов», что он — ученый, «превращающий факты, материалы, даты и имена в исписанный аккуратный лист бумаги, мертвый, скучный, никому не нужный, до крайности стереотипный и холодный», что он представляет науку, «которая находится где-то вне времени и пространства»⁷.

Каждая из приведенных здесь характеристик качества преподавания на историко-филологическом факультете ИВУ субъективна и продиктована политическими убеждениями авторов. В действительности Варшавский университет ни в учебном, ни в кадровом отношении не отличался от других российских университетов. Более того, высшие власти понимали, что этот западный пункт им-

перии должен выглядеть лучше, чем провинциальные вузы Центральной России, так как по нему можно судить о культуре империи и уровне развития науки в ней. Конечно, преподавательский состав был сложным, но это не означает, что каждый русский профессор был реакционер и невежда. Напротив, кадры преподавателей русского университета заполнялись лицами, прошедшими обучение за границей, благодаря существовавшей системе «профессорских стипендиатов», и имеющими магистерскую степень. Это были люди со знанием иностранных языков, знакомые с достижениями современной науки и методами исследования. В Варшавском университете они приобретали возможность научных командировок за границу и внутри России и, следовательно, своего профессионального роста. Как правило, основная масса преподавателей равнодушно относилась к политике, не была негативно настроена к полякам, уделяя главное внимание занятиям в своей научной области. Кроме того, среди профессорского состава историко-филологического факультета ИВУ было немало лиц нерусского происхождения. Так, здесь в свое время работали Й. Первольф и Ф. Езбера — чехи из Австрии, проф. А. Павинский являлся поляком немецкого происхождения, Ф. Зигель был немцем русского происхождения, из обрусевшей немецкой семьи был К. Грот, у В. Макушева и В.А. Францева матери происходили из польской шляхты и были католического вероисповедания. Значительное число специалистов по древним и новым языкам также были не русского и не польского происхождения. Все они сторонились политики и активно в ней не участвовали, возможно, им были чужды интересы, которые разделяли русских и поляков на враждующие стороны. Интернациональный состав профессорской коллегии историко-филологического факультета, в зависимости от способностей, конечно, честно выполнял свои профессиональные обязанности, подчиняясь законам того государства, в котором они жили и служили.

Конечно, университет управлялся ректором, который был неукоснительным проводником политики царского правительства, и подчинялся попечителю, назначаемому из Петербурга. Ректор и попечитель подбирали остальной штат

управленцев. Но и это обстоятельство не означает, что все управление ИВУ находилось в руках реакционеров и невежд, а сам университет являл собой центр мракобесия. Тяжелая внутренняя ситуация была связана вовсе не с активной обрусительной политикой России, проводимой через Варшавский университет, а с противостоянием поляков и русских, имеющим глубокие исторические корни. Создание в Варшаве русского университета просто стало поводом для обострения противоречий и крайнего развития польского национализма, когда подверженные ему определенные слои общества не могли и не хотели разбираться в том, кто из русских является их притеснителем, а кто им сочувствует. К сожалению, в рецензируемой работе отсутствует характеристика внутривнутриполитического положения в Варшавском университете, которая объясняет большую текучесть кадров, в частности на историко-филологическом факультете. В книге приводится статистика продолжительности работы русских профессоров в ИВУ. Она показывает, что, несмотря на определенные привилегии, русские профессора, волею судеб попавшие в Варшаву, старались оставить ее при любом удобном случае и перейти на службу в центральную часть России. И хотя в разное время в университете работали крупные русские ученые, поляки не давали себе труда разбираться в их политических взглядах, травили их в печати, а студенты бойкотировали их лекции. Поэтому даже дружелюбно настроенные к полякам русские профессора стремились оставить ИВУ. Так, известный историк Д.М. Петрушевский называл Варшавский университет помойной ямой, а в письме к медиэвисту В.К. Пискорскому заметил: «Эмансипировав себя от дурного воздуха, я остался всего лишь в безвоздушном пространстве»⁸.

А слышавший полонофилом и удостоенный позитивной характеристики в польской историографии конца XX в. А.Л. Погодин писал харьковскому профессору Н.Ф. Сумцову 7 марта 1904 г.: «До меня дошло известие, что у Вас в Харькове объявлен конкурс на кафедру славянской филологии, занимаемую мною в Варшаве. Но так как здесь при современных польско-русских отношениях уж очень тошно жить, то я не прочь был бы перебраться в Харьков, махнуть рукой на некоторые привилегии, связанные со службой в Царстве Польском».

А через год — 5 марта 1905 г. — в письме к тому же адресату ученый повторяет: «Условия жизни в Варшаве очень тяжелы, и хотя я считаю свою деятельность здесь полезной для настоящего русского дела, но все же я с удовольствием ушел бы из Варшавы»⁹. К такому же решению пришел в свое время и известный ученый Н.И. Кареев.

Следует, однако, отметить, что не только отношения с поляками портили жизнь русским профессорам. В Варшаве отсутствовала общественная жизнь интеллигенции, к чему русские привыкли дома. Здесь не было ученых обществ, существовавших в каждом университете в России, не проводилось обсуждений научных проблем, диспутов и т. д. Отсутствовала практика неформальных встреч с дискуссиями о научных и общественных вопросах и обмена мнениями. Каждый был предоставлен сам себе, что в общем не свойственно русскому национальному характеру. Жизнь текла скучно и тускло, во враждебной атмосфере. Коллег по университету разделяли религия, обычаи, убеждения. Однако власти заботились о том, чтобы обеспечить учебный процесс кадрами. Если в провинциальных университетах центральной части России, например, на кафедре славянской филологии, работал лишь один ординарный профессор, который преподавал весь цикл славистических дисциплин, как теоретических, так и практических, то в ИВУ славянские древности читал один специалист, славянские литературы — другой, славянское языкознание — третий, а специальные преподаватели обучали славянским языкам. На юридическом факультете функционировала кафедра истории славянского права, которая была единственной в России, так как в других университетах империи эта кафедра, учрежденная в 1863 г., оставалась вакантна за неимением специалистов. В Варшаве ее занимал единственный профессиональный профессор Ф.Ф. Зигель вплоть до ликвидации самого университета. Но, несмотря на тяжелую обстановку, русский университет в Варшаве выполнял образовательные задачи. По сведениям польского историка Е. Рузевича, через ИВУ прошли 7 тыс. поляков и около тысячи студентов еврейского и немецкого происхождения, ассимилированных польской культурой. Он

воспитал много учителей. Те, кто не митинговали и не устраивали обструкции русским профессорам, а посвящали себя науке, добились в ней больших результатов, о чем свидетельствуют около сотни поляков — членов Польской и Краковской академий. В межвоенное двадцатилетие около 80 выпускников русского Варшавского университета были профессорами и преподавателями высших учебных заведений Польши¹⁰.

Материал, представленный в рецензируемой книге, показывает, что ИВУ не выполнял русификаторской роли, которую ему приписывают польская историография и некоторые их подражатели среди советских историков. По личному составу историко-филологического факультета можно судить, что по убеждению или приказу свыше официальная линия правительства усердно осуществлялась администрацией — то есть ректором, попечителями учебного округа и высшим начальством. Основной профессорский состав выполнял свои обязанности и занимал пассивную позицию по причине равнодушия к политическим вопросам или позицию невмешательства, как чехи, немцы, польские конформисты и другие иностранцы. Кроме того, в русской части профессорского состава не было такой агрессии, как у поляков. Поэтому русификаторы из них были плохие.

В книге, о которой идет речь, показано, что свою главную функцию — давать молодежи образование — ИВУ выполнял удовлетворительно. Для подтверждения этого положения приводится характеристика научного творчества каждого профессора историко-филологического факультета ИВУ в зависимости от его достижений. Однако эта часть книги вызывает некоторое недоумение. Если структура, организация историко-филологического факультета и других подразделений ИВУ, а также управление и назначение кадров освещены на основании архивных материалов, часто еще не использованных в историографии вопроса, то описание научной работы многих русских профессоров не имеет прямого отношения к их преподаванию предмета. В книге характеризуются труды ученых, созданные ими до периода их работы в ИВУ или уже после ее окончания. Так, Кареев, автор важнейших трудов по всеобщей истории, свои основные ра-

боте по истории Польши написал после варшавского периода, который продолжался всего пять лет. При этом, по словам самого ученого, многие его сочинения явились результатом контактов с польскими учеными Австро-Венгрии, то есть в Кракове и Львове. Никакого влияния ИВУ не оказал и на творчество широко известного русского историка-медиевиста М.Д. Петрушевского. Характеристика его главных работ по истории Средневековой Англии, предпринятая в рецензируемой книге, не имеет отношения к Польше, поскольку они написаны после пребывания в Варшаве.

В целом, третья глава рецензируемой книги, повествующая о научной деятельности, представляет собой перечень статей, причем весьма невысокого научного уровня. Кроме того, здесь допущен целый ряд фактических ошибок и понятийная путаница. Вероятно, следовало бы ограничиться характеристикой творчества тех ученых, которые были связаны с ИВУ в течение всей деятельности. К таким ученым относятся В.В. Макушев, В.А. Францев, А.Л. Погодин, профессор юридического факультета Ф.Ф. Зигель и некоторые другие. Так, талантливым преподавателем был профессор кафедры славянской филологии В.В. Макушев, проработавший в ИВУ с его основания и до конца жизни. По сведениям современников, он большую часть своего времени посвящал обработке лекций по преподаваемым им предметам, то есть истории славянских литератур, в том числе польской. Все курсы созданы по источникам и изобилуют выдержками из них. В его лекциях всегда были новые сведения, новые оценки, свидетельствующие об основательном знакомстве с наукой, критическом отношении к источникам. Макушев читал специальные курсы, вел практические занятия. В автобиографии он писал, что пользовался уважением со стороны студентов и общался с ними по-братски, без различия народностей и вероисповедания. Методика преподавания профессора была результативной, и студенты подавали хорошие диссертации. В отличие от многих профессоров ИВУ, не оставивших после себя учеников, Макушев воспитал целую плеяду лиц, принесших пользу польской и русской культуре. К их числу принадлежат будущий известный ученый В. Вержбовский, а также бу-

дущий профессор Казанского университета и Нежинского историко-филологического института В.В. Качановский, Август Лагодовский, В. - Недзвецкий, А.И. Маркевич (в советское время член-корр. АН СССР), Х.П. Ящуржинский. Таким образом, Макушев был талантливым педагогом — воспитателем молодых научных кадров, а также крупным ученым. Он является родоначальником изучения истории Албании в русской историографии, ему принадлежат труды по истории южных славян, русско-славянских отношений, многочисленные и разнообразие сочинения о польской истории и литературе.

Он стоял на позициях русского самодержавия, безоговорочно осуждал польское революционное и освободительное движение, защищал православие как религию, поддерживающую славянскую народность, и был убежденным монархистом. При таких политических взглядах Макушев мог рассчитывать только на враждебное отношение к нему поляков, что отразилось и в польской историографии, где не встретишь ни одной статьи об этом крупном ученом и прекрасном педагоге.

Отсутствует характеристика педагогической и научной деятельности Макушева и в рецензируемой книге. Зато здесь много говорится о творчестве Кареева, который по объективным причинам внес значительно меньший вклад в дело образования студентов ИВУ, чем профессор Макушев. Причиной такого предпочтения, по-видимому, является разное отношение Макушева и Кареева к полякам, их борьбе против России и разница в мировоззрении ученых. Но в оценке научной работы критерием не должны быть политические убеждения. Ученые консервативных взглядов очень часто создают научные труды, которые служат не одному поколению потомков. Кроме того, в характеристике творчества Макушева отразилось недостаточное знакомство автора книги с его сочинениями и литературой о нем, что явилось причиной ошибок и противоречий. Баженова утверждает, что Макушев был славянофилом (с. 252). Это утверждение не соответствует действительности. Ученый решительно отвергал все постулаты современного ему славянофильства, а в его взглядах отражалось то общее, что объединяло славянофильство с охранительством. Его

понимание истории и современности вообще нельзя отнести к какому-либо определенному направлению в русской историографии его времени. Макушев индивидуален. Автору книги не удалось до конца разобраться в сложном мировоззрении Макушева. Приведем примеры резко отрицательного отношения ученого к полякам как нации, автор говорит, что варшавский профессор «не был безоговорочным полонофобом» (с. 253). Здесь явная путаница. В сочинениях по истории Польши Макушев действительно резко осуждает как политику, так и бытовые стороны жизни польской шляхты и другие пороки польского общества. Без особой симпатии он относился и к современным полякам. Но полонофобом ученый не был. Просто его принципом была историческая объективность, как она представлялась в источниках.

Еще один «славянофил» автором книги обнаружен в ИВУ в лице профессора В.А. Францева (1869—1942). Имя этого крупного слависта-филолога упоминается в ряду учеников известного русского ученого-славянофила В.И. Ламанского (с. 311). Францев родился в Польше, получил образование в ИВУ и до конца существования университета работал в этом учебном заведении. У Ламанского Францев не учился, и вообще его деятельность относилась к тому времени, когда славянофильство как направление общественной мысли уходило в прошлое, во всяком случае, в том варианте, как его исповедовал Ламанский. Францев проявлял себя как сторонник романтической теории славянской взаимности, также уже уступившей место другим оценкам межславянских связей. Ошибка автора произошла, вероятно, по причине недостаточного знания литературы о Францеве и его творчестве. Между тем, продолжительная педагогическая и научная деятельность Францева могла бы быть показателем того, какая сумма знаний сообщалась учащимся в ИВУ и какой вклад внес этот профессор в изучение польской культуры и межславянских научных связей в XVIII—XIX веках. Большое число ценных работ, среди которых важное место занимает монография «Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст.» (1906 г.), а также издание источников по истории славяноведения, до сих пор служат главной базой каждому

занимающемуся историей и культурой славян. Труды Францева получили высокую оценку у современников. Он был избран в Чешскую Академию наук и искусств, а в 1915 г. стал членом-корреспондентом РАН.

Для выяснения вопроса о том, какие знания давались студентам ИВУ на юридическом факультете, большую помощь оказало бы исследование педагогической и научной деятельности профессора Зигеля (1845—1921), в течение 47 лет занимавшего кафедру истории славянского права. Ученый представлял западническое направление в науке и позитивистский подход к историческому процессу, хотя в студенческий период был учеником Ламанского. В ИВУ он не принадлежал ни к партии «обрусителей», ни к партии «польских патриотов», занимал позицию, отстраненную к враждующим сторонам, и ставил интересы науки выше политической деятельности. Он читал лекции, прорабатывал юридические памятники со студентами на практических занятиях, писал пособия по истории славянского права, имел значительное число учеников. Изучение наследия Зигеля также позволило бы расширить представление об образовательном значении русского университета в Варшаве и в истории польско-русских связей.

Подводя итог суждениям о книге Баженовой, можно сделать ряд выводов. Об истории ИВУ в настоящее время уже имеется некоторая литература. Книга Баженовой существенно дополняет этот список как своим содержанием, так и объемом. Важно отметить, что автор в значительной мере отошел от стереотипов, имевших место в нашей историографии. В книге видно стремление оценивать значение ИВУ не как инструмент репрессивной политики России по отношению к полякам, не как центр русификации, но и рассмотреть позитивные стороны существования ИВУ, которые принесли пользу русско-польским отношениям.

Удачной частью сочинения являются разделы, относящиеся к организации ИВУ, его структуре управления, кадрового состава. Сведения об этих сюжетах автором извлечены из польских и российских архивов и представляют наиболее полную картину, нежели во всей предшествующей литературе. Однако характеристика научного и педагогического творчества историков ИВУ, предложенная в книге,

определенно не удалась. Если автор считает, что ИВУ выполнял наряду с русификацией и другую функцию — образовательную — которую следует оценивать как позитивный момент в польско-русских отношениях соответствующего времени, то эту точку зрения нужно подтвердить конкретным материалом. А для этого необходимо показать, как профессора ИВУ передавали свои знания учащимся. Ведь они не только читали лекции и издавали пособия, но и выступали с докладами в «Обществе истории, филологии и права», разрешенном в ИВУ в начале XX в., печатали свои статьи, рецензии, сообщения в научных органах университета — «Варшавских университетских известиях», «Филологическом вестнике», не говоря уже о столичных журналах и изданиях других стран. Варшавские профессора историко-филологического факультета активно сотрудничали с европейскими учеными. Так, проф. Францев пользовался большим авторитетом и уважением в Чехии. В 1906 г. он, по поручению Венской Академии наук, издал корреспонденцию Й. Добровского и польского ученого С. Бандтке. Проф. Макушев имел тесные научные контакты с немецким ученым К. Гопфом, с Сербской Академией и т.д. Зигель приглашался для чтения лекций в Оксфорде и в США, а также в университетах Германии, Австрии и Чехии. Эти и другие ученые печатали свои работы за границей, их труды переводились на европейские языки, и сами они способствовали обмену научной информацией, переводя на русский язык труды иностранных ученых. Профессора ИВУ представляли русскую науку на торжественных мероприятиях за границей.

Таким образом, Императорский Варшавский университет отнюдь не являлся средоточием «мракобесия и невежества», как его квалифицировала националистическая польская историография. В книге Баженовой эта оценка встретила позитивное отношение. Но здесь недостаточна только аргументация. Научное творчество профессоров гуманитарных факультетов ИВУ необходимо рассматривать на основании их сочинений, а педагогическую деятельность оценивать методом сравнения научных трудов с текстами лекций, которые, кстати говоря, хорошо сохранились в литографированном или печатном виде в личных архивах ученых. Такой метод

даст возможность составить более полное представление об образовательном значении историко-филологического факультета ИВУ для западных губерний Российской империи, главным образом, их населения польской национальности. Метод компиляции материалов справочного характера из случайной литературы, избранный автором книги, не может удовлетворить поставленным задачам.

Л.П. ЛАПТЕВА

Примечания

1. Устав Императорского Варшавского университета. Подписан Его Императорским Величеством в Царском Селе 24 июня 1869 г. Опубликовано в кн.: МИХАЛЬЧЕНКО С.И. Юридический факультет Варшавского университета. 1869—1917. Краткий исторический очерк. Брянск. 2000, с. 83—111 (приложение).

2. ИВУ состоял из четырех факультетов.
3. СИДОРОВ А.А. Русские и русская жизнь в Варшаве (1815—1845). Варшава. 1901, с. 154—155.
5. ИВАНОВ А.Е. Варшавский университет в конце XIX — начале XX века. В кн.: Польские профессора и студенты в университетах России (XIX — начало XX в.). Варшава. 1995, с. 199.
6. Автобиография В.В. Макушева. Прага. 11 сентября 1880 года.
7. МИХАЛЬЧЕНКО С.И. Ук. соч., с. 11.
8. ДУБРОВСКИЙ Н.А. Официальная наука в Царстве Польском. СПб. 1908, с. 90—91.
9. ИВАНОВ Ю.Ф. К истории докторской диссертации Д.М. Петрушевского. В кн.: История и историки. М. 1990, с. 302.
10. Центральный государственный архив Украины (ЦГАУ), ф. 794 (Н.Ф. Сумцов), оп. 1. д. 924; д. 922.
11. RÓZIEWICZ E. Polsko-rosyjskie powiązania naukowe (1725—1918). Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Lódź. 1984, s. 281—282.

Всемирная история в 6 томах. ИВИ РАН. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. М. 2012. 894 с.

В ходе состоявшегося 11 декабря 2013 г. в Институте всеобщей истории РАН обсуждения третьего тома «Всемирной истории» ее авторами было подчеркнуто, что в основу этого многотомного издания положен мир-системный подход (МСП). Понятие «Мир-Система» было использовано в главах, написанных П.Ю. Уваровым во втором и третьем томах «Всемирной истории». Поскольку это понятие вводится Уваровым вместе с определением обозначаемого им объекта, целесообразно кратко проанализировать данную концепцию.

Во Введении сделана многообещающая констатация: «Мы предпочли пойти по пути синхронизации исторического материала... Для нас важнее было показать всех основных участников всемирно-исторического процесса» (с. 7—8).

Далее определяются критерии системности социального мира в его исторической эволюции (системность всемирно-исторического процесса): «Речь не идет лишь о калейдоскопе сменяющих друг друга самобытных цивилизаций. Синхронный подход к изменениям в мире за этот период показывает, что там, где

общества жили не в изоляции, а в более или менее постоянном взаимодействии друг с другом, они образовывали единую систему, в которой существенные изменения в одной из ее частей так или иначе сказывались на состоянии других ее сегментов» (с. 8).

Таким образом, критериями системности всемирно-исторического процесса автор считает постоянные взаимодействия между обществами и синхронизацию существенных изменений в мире. «Цивилизации» и «общества», которые названы здесь, по-видимому, подразумеваются в качестве «основных участников всемирно-исторического процесса» (это автор не уточняет). Выделенные критерии системности соответствуют отдельным основным критериям системности объектов, выделяемым в системном подходе и социально-системной теории, но являются критериями первичного, наименее развитого, уровня системности.

Наконец, вводится само понятие «Мир-Система»: «“Пояс цивилизаций”, растянувшийся от Западной Европы и Северной Африки до Дальнего Востока вполне можно назвать сред-

невековой Мир-Системой, охватывающей уже к началу данного периода большинство населения Старого Света».

Таким образом, под «средневековой Мир-Системой» понимается один единственный объект, состоявший из цивилизаций Старого Света и соответствовавший, по мнению Уварова, установленным выше критериям системности (то есть обладавший эмпирически выявляемыми признаками системности). «Общества», о которых сказано выше, по-видимому, понимаются как компоненты цивилизаций, либо отождествляются с последними.

Поскольку понятие «мир-система» было первоначально введено в рамках МСП, необходимо обратиться к этому подходу и выделяемым им объектам исследования. Такой экскурс позволит оценить концепцию Уварова с теоретико-методологических позиций МСП. Следует отметить, что в рамках МСП сложилось два основных направления.

Первое (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, Дж. Арриги, Т. Хопкинс, С. Амин, К. Чейз-Данн, Т.Д. Холл и др.) определяет объекты исследования как «исторические системы» (по Валлерстайну это догосударственные неолитические «мини-системы» и «мир-системы» государственной эпохи; у Броделя — «мир-экономики»). Исторические системы такого типа как «мир-системы» выделяются в соответствии с определенными критериями. Причем, соответствие отдельных друг от друга объектов этим критериям позволяет рассматривать каждый из них как мир-систему. На этом основании данное направление МСП выделяет во всемирной истории некоторое множество мир-систем. Считается, что они сосуществовали друг с другом на разных территориях Земли и сменяли друг друга со времени генезиса общественного разделения труда и его политического оформления государственностью в IV—III тысячелетиях до н. э. и вплоть до рубежа XV—XVI вв. н. э. Эти мир-системы существовали преимущественно в форме мир-империй — экономически самодостаточных систем общественного разделения труда, политически оформленных в рамках единых имперских государств, сосуществовавших друг с другом. Затем, согласно Валлерстайну, в «долгом 16 в.», в Европе возникла Современная капиталистическая мир-система в форме мир-экономики

— экономически самодостаточной системы международного разделения труда, политически оформленной в рамках системы межгосударственных отношений. Включая в капиталистические отношения международного разделения труда и торговли общества и территории мира, современная мир-система поглотила к концу XIX в. остальные исторические системы и стала единственной исторической системой на Земле¹.

Второе направление МСП (А.Г. Франк, Б.К. Джиллс, а также сближающиеся с ними при сохранении содержательных и терминологических различий Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев) определяет объект исследования как «мировую систему» (у Гринина и Коротаева «Мир-Система»), в которой выделяются определенные признаки системности. Этот объект рассматривается как единственная «мировая» система во всемирной истории, которая, согласно Франку и Джиллсу, существует на протяжении пяти тысяч лет. Поэтому данное направление образует, в сущности, уже не мир-системный, а миросистемный подход. Причем важно отметить, что Франку и Джиллсу присуще сугубо материалистическое, экономцентричное видение мировой системы на протяжении всех 5000 лет: «Процесс накопления капитала — движущая сила истории (мировой системы)», существующей пять тысяч лет².

Поэтому Франк и Джиллс не видят качественной новизны нововременного капитализма XVI—XX вв. как отдельной исторической системы в сравнении с предшествующей историей.

Как отмечает по этому поводу Валлерстайн, «Способ анализа А.Г. Франка устранял (современный. — *Р.З.*) капитализм из общей исторической картины. Я же обосновывал, что 16 в. обозначал образование капиталистической мир-экономики»³.

В отличие от этих авторов Валлерстайн считает, что капиталистическая логика накопления определяла развитие только капиталистической мир-экономики, возникшей в XVI в., которую он и назвал «современной мир-системой». На этом основании Валлерстайн делает вывод, что не существовало в течение пяти тысяч лет мировой системы, которая была бы сформирована процессами накопления капитала как движущей силой ее эволюции⁴.

Свою интересную версию МСП, идущую в принципе в русле его второго направления, предложили сравнительно недавно российские авторы Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев⁵. По их мнению, в процессе мировой социальной макроэволюции происходит нарастание уровня надобщественной социальной сложности и появление надобщественных систем, высшим уровнем которых становится так называемая «Мир-Система», постепенно охватывающая все человечество. Ее возникновение авторы относят к VIII—IV тысячелетиям до н. э. Они считают, что эта «Мир-Система» первоначально сформировалась в виде «афроевразийской мир-системы» как «главной» на фоне второстепенных «доколумбовых мир-систем Нового Света»⁶. То есть авторы рассматривают ее как единую и единственную до конца XV в. Мир-Систему Старого Света, которая затем стала превращаться в общемировую «Мир-Систему». Данную «Мир-Систему» авторы определяют как «обладающую системными характеристиками предельную совокупность человеческих обществ, заметным образом прямо или опосредованно связанных между собой. При этом важно, что за границами данной совокупности уже не имеется значимых контактов и взаимодействий между обществами (и их элементами) и другими компонентами, входящими в эту мир-систему, и обществами и прочими компонентами, входящими в другую мир-систему, а равно не входящими ни в какую мир-систему»⁷.

В сущности, объектом у Гринина и Коротаева является мировая система (первоначально Старого Света, а затем глобальная), которую они называют заимствованным у Валлерстайна термином «Мир-Система», что не соответствует в строгом смысле тому содержанию, которое Валлерстайн вкладывает в это понятие. Авторы подчеркивают связь своей концепции со вторым направлением МСП (идеями Франка). При этом, по их мнению, с XVI в. развитие объекта, который они называют «Мир-Система», шло уже «по Валлерстайну». То есть названные авторы, в отличие от Валлерстайна, считают, что в XVI в. не возникла новая мир-система, а лишь произошла дальнейшая глобализация «афроевразийской мир-системы», которая трансформировалась на основе возникшего в Европе капитализма. В

целом работа Гринина и Коротаева заложила основы нового течения в рамках МСП, которое выводит этот историко-социологический подход на более высокий уровень теоретических изысканий и обобщений. МСП в версии Гринина и Коротаева выступает в качестве довольно хорошо проработанной макроисторической теории и сближается с философией истории.

В библиографии рассматриваемой «Всемирной истории», к сожалению, нет ссылок ни на представителей первого (за исключением Броделя), ни на представителей второго направления МСП. В тексте глав, в которых говорится о Мир-Системе, представители МСП также ни разу не упомянуты, хотя само понятие, которое использует Уваров, было введено не им, а Валлерстайном.

Итак, используемое Уваровым понятие «средневековая Мир-Система» употребляется в единственном числе как у представителей второго направления МСП, но для обозначения другого, чем у них, объекта исследования: «пояса цивилизаций» Старого Света. Само же применение валлерстайновского термина Уваровым для обозначения данного объекта является не вполне корректным (как и у Гринина с Коротаевым). Для единственного системного объекта мирового масштаба, не сосуществующего с подобными ему, корректным, с позиций МСП, является термин «мировая система». Что касается Современной мир-системы (по Валлерстайну), то она сосуществовала с другими мир-системами, но так как стала единственной в мире, то, например, Арриги предпочитает называть ее «современная мировая система».

Теперь о сущностной стороне трактовки «пояса цивилизаций» Старого Света в качестве «средневековой Мир-Системы».

Автор концепции начинает с постановки правомерного вопроса: «Вправе ли мы говорить о своеобразном “мировом Средневековье”, то есть о таком периоде в развитии если не всех, то многих регионов, который обладал качественным отличием от предыдущих и последующих эпох?» (с. 8). Далее Уваров подчеркивает: «Самым главным отличием Средневековья от античной и восточной древности явилась роль мировых религий... Претензия на единственную правильность превращала вероучения в мировые религии. При этом они

удачно справлялись с задачей поддержания единства больших цивилизационных ареалов, даже после утраты последними былого политического единства» (с. 13). «Главное... состоит в том, что мировые религии успешно играли роль станового хребта средневековых обществ» (с. 14).

Таким образом, качественным отличием Средневековья от предыдущих и последующих эпох автор признает ключевую, возможно, системообразующую, роль мировых религий в социальной жизни. То есть здесь речь, в сущности, идет о локальных цивилизациях, духовно-культурной (религиозной) основой которых являлись мировые религии. До «утраты ими политического единства» цивилизации выступают, говоря словами Валлерстайна, в качестве мир-империй. Иначе говоря, с позиций первого направления МСП, они могут рассматриваться в качестве отдельных региональных мир-систем мир-имперского типа. После же утраты политического единства, но при условии сохранения системного разделения труда и устойчивых торговых связей, они могут считаться политически разделенными мир-экономиками.

Как отмечает сам Уваров, Номады (кочевники) придавали «мировому Средневековью» фактор системности. Монгольские завоевания обеспечили «второе смыкание цивилизаций». Вынужденные соседствовать с кочевыми империями государства либо находили адекватный ответ на этот вызов, либо погибали. Регионы, географически удаленные от кочевой угрозы, могли рано или поздно ощущать опосредованное влияние ритмов пульсации Великой степи (с. 11). Причем Латинский Запад сумел избежать соседства с кочевыми империями (с. 813).

Основной вопрос, таким образом, заключается в том, составляли ли региональные мир-империи (в политическом отношении) и мир-экономики (в экономическом отношении), и они же локальные цивилизации (в духовно-культурном отношении) единую «средневековую Мир-Систему» Старого Света.

Если Франк и Джиллс кладут в основу развития на протяжении 5000 лет того объекта, который они считают «мировой системой», материальное экономическое явление — накопление капитала в качестве детерминанты,

то Уваров подчеркивает в качестве главного отличия Средневековья особую роль мировых религий в социальной жизни. С этим утверждением Уварова можно согласиться. Но в этом случае, поскольку социальную жизнь Средневековья (в христианском, исламском, индуистском, буддистском, конфуцианском мирах Старого Света) определяли мировые религии, устройство и жизнь этих «миров» детерминировались не логикой капиталистического накопления, а духовно-культурными — религиозными — идеологиями и ценностями. А так как каждая религия в мире всегда претендовала и претендует на единственную правильность (с. 13), поэтому они были и до сих пор остаются взаимоисключающими. В системах же составные части сосуществуют и предполагают существование друг друга, то есть не могут обходиться друг без друга, выступая в качестве необходимых функциональных компонентов системы. Следовательно, в духовно-культурной сфере, которая являлась детерминирующей социальную жизнь (социальный «базис», употребляя марксистский термин в немарксистском применении), Средневековье было не единой мировой системой (Мир-Системой), а разделенным на отдельные миры — цивилизации, несовместимые в этой, определяющей в ту эпоху, религиозной сфере. Что касается материальных сфер жизнедеятельности, то есть основания считать локальные миры Средневековья самодостаточными — то есть вполне способными существовать друг без друга. Основанием для этого мнения является преобладание аграрного натурального хозяйства в жизни основных масс преимущественно сельского населения Средневековья («материальная цивилизация» по Броделю) наряду с мелкотоварным ремесленным производством для местных рынков. Исключение (подтверждающее правило) составляла дальняя торговля предметами роскоши, которая удовлетворяла потребности незначительной части населения. Проявлением самодостаточности локальных миров Средневековья является, например, отказ Китая со второй четверти XV в. от продолжения плаваний государственного флота к побережьям Индийского океана и ограничение контактов с внешним миром. Даже в Новое время проявлениями самодостаточности были, например, отказ Китая Англии в

конце XVIII в. вести торговлю на его территории, а также «закрытие» Японии от внешнего мира с XVII до середины XIX века.

Фактически экономическую самостоятельность локальных миров Средневековья признает в третьем томе «Всемирной истории» и сам Уваров, выделяя «некоторые общие для XV в. тенденции»: «Это период бурного развития денежной экономики, особенно на Дальнем Востоке, в латинской Европе, регионах, омываемых Индийским океаном. Вероятно, это стало результатом действия механизмов, запущенных давно, но к XV в. многократно усиленных кумулятивным эффектом от начавшегося процесса складывания межрегиональных товарных связей» (т. 3, с. 32).

Самодостаточность социального объекта выступает в концепции Валлерстайна одним из основных критериев для выявления той или иной исторической системы (мир-системы). На этом основании локальные миры Средневековья вполне могут быть признаны региональными мир-системами: мир-империями при условии политического единства, мир-экономиками при отсутствии политического, но при наличии экономического единства и самостоятельности.

Кроме того, в концепции Уварова остается непонятным, каким образом в Средневековье вдруг «появляется» единая Мир-Система Старого Света, тогда как в древности авторы «Всемирной истории» ее не обнаруживали (в первом томе, посвященном древней истории о такой системе ничего не говорится). В этом проявляется, по-видимому, отсутствие концептуального и методологического единства между авторами.

Вышесказанное позволяет сделать следующий вывод. По отношению к тому объекту, который рассматривает Уваров, — «поясу цивилизаций» Старого Света — определение «средневековая Мир-Система» представляется некорректным и, следовательно, неприменимым. Это обусловлено тем, что в духовно-культурной (религиозной) сфере, на основе которой выделяются локальные цивилизации, Старый Свет, взятый в целом, не обладал признаками системности, то есть не являлся системой. Старый Свет гипотетически мог войти в еще весьма слабо интегрированную внутренне, формирующуюся единую систему

(как полагают Гринин и Коротаев). Но, при этом отдельные системные свойства могли периодически проявляться в Афро-Евразийском масштабе не в духовно-культурной (религиозной) сфере, а в иных сферах жизнедеятельности, таких, как информационно-коммуникационная, технологическая, торгово-экономическая (последняя по Франку, хотя его мнение убедительно оспаривается первым направлением МСП) — то есть в чисто материальных сферах. Однако условием для формирования единой средневековой Мир-Системы в масштабах всего Старого Света должна была являться несамодостаточность локальных миров-цивилизаций. Однако, поскольку они были, по-видимому, в основном самостоятельны в материальных сферах жизнедеятельности, не было необходимого стимула для формирования устойчивой единой исторической системы Старого Света. Таким стимулом стал, по мнению сторонников первого направления МСП, капитализм, возникший в Европе, который через формирование мирового рынка, в том числе с опорой на силу, вскрыл незападные общества для торговли и включил их в неэквивалентные (центро-периферийные) торговые отношения в рамках капиталистической мир-системы.

Таким образом, с учетом детерминирующей роли в средневековых обществах несовместимых друг с другом мировых религий понятие «средневековая Мир-Система» как «пояс цивилизаций» Старого Света, по мнению автора настоящей рецензии, не выдерживает научной критики.

Вот как, например, характеризует противоречивое устройство даже современного нам мира конца XX — начала XXI в., гораздо более целостного, чем средневековый мир, видный специалист по теории и истории цивилизаций Б.С. Ерасов, подводя итог своим исследованиям: «Справедливой следует признать основную антиномию мироведческих исследований “мир един и не един”, которую следует понимать в том плане, что мир един в одних отношениях, прежде всего в своих постиндустриальных экономических связях и совместимой с ними глобальной культуре, но он не един (и вряд ли в ближайшей перспективе станет единым) в цивилизационном устройении»⁸.

Что же касается использования автором глав Всемирной истории понятий из МСП, то целесообразно было бы предварительно начать с углубленного изучения самого МСП и овладения его теоретико-методологическим инструментарием для практического применения в научных исследованиях. Причем для того угла зрения, под которым автор смотрит на всемирную историю эпохи Средневековья, более плодотворным кажется альтернативный теоретико-методологический подход — цивилизационный. Помимо классических исследований Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина, К. Ясперса, Л. Гумилева, Ш. Эйзенштадта, Г. Померанца появляются и новые теоретические разработки этого подхода. Например, указанный труд Ерасова и исследование Б.Н. Кузика и Ю.В. Яковца⁹.

Указанные концептуальные недостатки рецензируемой монографии, тем не менее, не умаляют ее фактологической ценности как энциклопедического источника знаний по всемирной истории.

Р.С. ЗУЙКОВ

Примечания

1. ВАЛЛЕРСТАЙН И. Исторические системы как сложные системы. В кн.: Философские перипетии. Вестник Харьковского государственного университета. № 409'98. Серия: Философия. ХГУ. 1998, с. 198—203.
2. FRANK A.G., GILLS B.K. A Structural Theory of the Five Thousand Year World System, p. 1. <http://rrojasdatabank.info/agfrank/index.html>.
3. WALLERSTEIN I. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. Berkeley. 2011, p. XXIX.
4. EJUSD. World System versus World-Systems: A Critique. In: Critique of Anthropology. 1991, vol. 11 (2), p. 189—194. Фрагменты и краткий анализ дискуссии между обоими направлениями МСП см.: Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М. 1998, гл. XVII.
5. ГРИНИН Л.Е., КОРОТАЕВ А.В. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. М. 2009.
6. Там же, с. 31.
7. Там же, с. 9.
8. ЕРАСОВ Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М. 2002, с. 511.
9. КУЗИК Б.Н., ЯКОВЕЦ Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. М. 2006.

C. WEBER. *Krieg der Tater. Der Massenerschiessungen von Katyc.* Hamburg. Verlag des Hamburger Instituts für Sozialforschung. 2015. 471 S.

К. ВЕБЕР. *Война преступников. Массовые расстрелы под Катыню.* Гамбург. Изд-во Гамбургского института социальных исследований. 2015. 471 с.

Катынская трагедия продолжает привлекать к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей, которые пытаются найти и рассмотреть новые, малоизученные аспекты из истории массовых расстрелов польских военнопленных под Смоленском¹. В этом плане рецензируемая книга германской исследовательницы Клаудии Вебер представляет значительный научный и общественный интерес.

Уже в самом начале повествования автор четко определяет общественно-политический фон своего исследования: «С нападением Советского Союза и Третьего рейха на Польшу в сентябре 1939 г. началась Вторая мировая

война» (с. 13). Показательно, что СССР поставлен Вебер на первое место так, как будто именно наша страна и является инициатором войны. Насколько объективным может быть автор таких слов? Этот вопрос неизбежно встает перед любым читателем этой книги.

Рецензируемая книга явилась результатом многолетней работы германского историка в архивах России (АФВП, ГА РФ, РГАСПИ), Германии, США, Украины, Польши. Ею использованы основные источники и исследовательская литература по теме, что подтверждает солидный список библиографии (с. 446—463). Справедливости ради, следует отметить, что

Вебер достаточно избирательно подходит к выбору основных источников по теме, делая акцент в сторону мемуаров и воспоминаний современников событий в Катыни. Их историческая критика при этом носит достаточно вольный характер, что не могло не отразиться на самом содержании рецензируемого издания.

Во Введении автор подчеркивает, что новое обращение к истории Катыни является оправданным, так как «настоящее меняет историю» (с. 25). Налицо, таким образом, попытка рассмотреть эту трагедию с учетом современной общественно-политической обстановки.

Первая глава «Договоры и преступления» начинается с трогательной истории польки Марии Чапской, ждавшей в начале 1940 г. на вокзале Варшавы поезд, который должен был вернуть из советского плена ее брата графа Юзефа Чапского (1896—1993), известного польского художника и писателя, двоюродного брата Г.В. Чичерина (с. 26—27). История этой семьи красной нитью проходит через всю книгу, а мемуары Чапского, которому посчастливилось пережить все ужасы второй мировой войны и остаться живым, стали одним из основных источников, которые использовала Вебер².

Чапский оставил подробное описание лагеря для интернированных польских офицеров в Осташкове, в котором он содержался, акцентируя внимание как на переполненности лагеря (16 тыс. заключенных вместо 10 тыс. по плану), так и на бесчеловечном отношении к полякам со стороны сотрудников НКВД, везде видевших шпионов и предателей (с. 34—46). Впоследствии он был переведен в Старобельский лагерь.

Нужно отметить, что именно такие активисты, как Чапский, В. Андерс и др., определили последующую политическую линию эмиграционного руководства, не желавшего сотрудничать с властями СССР из-за Катынской трагедии.

Чапский, происходившей из польско-немецкой семьи, фигурировал в качестве кандидата на обмен военнопленными между Советским Союзом и Германией, который начался в конце 1939 г.: в СССР отправлялись бывшие военнослужащие польской армии украинской и белорусской национальностей в обмен на военнопленных из числа поляков и немцев (с. 78—79). Сестра Чапского Мария

прождала его на границе с середины января по середину апреля 1940 г., но тщетно. Нацистская Германия не желала увеличивать число поляков на территории Генерал-Губернаторства. При этом продолжалось переселение этнических немцев, в том числе и с бывших польских территорий (Галиции и Волыни).

Таким образом, автор возлагает косвенную вину за массовые расстрелы польских военнопленных на власти нацистской Германии, отказавшихся от обмена. Что касается Советского Союза, то решение о ликвидации «убежденных врагов советской власти» было принято, по мнению Вебер, задолго до нападения гитлеровской Германии на СССР — еще в начале марта 1940 года. Ответственность за это она склонна возлагать на Л.П. Берия, убедившего Политбюро ЦК ВКП (б) (с. 86—87).

Вторая глава книги «Катынь. Пропагандистская война за военное преступление» раскрывает попытки нацистского руководства Германии и сталинского СССР «списать» данное преступление на счет противника. Автор справедливо указывает, что официальное сообщение нацистских властей от 13 апреля 1943 г. о якобы обнаруженных массовых захоронениях польских офицеров, было инсценировкой (с. 131). Идея привлечь широкое общественное внимание к Катыни была вызвана неудачами вермахта под Сталинградом и стремлением подорвать растущий международный престиж и авторитет Советского Союза и его победоносной Красной Армии. В целом, эта акция нацистов к успеху не привела, но им удалось обострить и без того непростые взаимоотношения польского эмиграционного руководства и СССР.

Аналогичным же образом автор оценивает и попытки советской стороны обвинить в катыньском расстреле нацистов. Это нашло отражение в работе так называемой «комиссии Н.Н. Бурденко», результаты расследования которой были положены в основу советских обвинений на Нюрнбергском трибунале.

Этой теме посвящена третья глава «Катынь перед судом. Нюрнбергский трибунал и политика Сталина», в которой Вебер приходит к выводу о том, что «вождь народов» потерпел в Нюрнберге сокрушительное поражение (с. 345).

Заключительная глава рецензируемого издания «Разделенная история — Катынь в годы холодной войны» вновь возвращает нас к истории семьи Чапских. Юзеф имел счастье избежать расстрела. После начала Великой Отечественной войны, по соглашению Сикорского-Майского, все интернированные поляки подлежали освобождению. Сам Чапский 3 сентября оказался в Тощке, где возглавил Комитет поиска и помощи интернированным полякам. Автор приводит данные о том, что Чапский практически с самого начала получал информацию о массовых расстрелах соотечественников, в которую он и многие поляки просто отказывались верить.

Объяснение этому Вебер находит в том, что массовые убийства не были типичны для сталинского СССР. Она пишет: «Массовые расстрелы являются одной из типичных репрессивных форм, характерных для “Большого террора” 1930-х гг. Но при этом, в отличие от систематической практики массовых уничтожений в нацистских концентрационных лагерях, они были не характерны для сталинской лагерной системы, в которой заключенные умирали от истощения, голода, болезней, но отнюдь не были жертвами массовых уничтожений» (с. 121).

Известие о массовых расстрелах под Смоленском вызвало у поляков разочарование в Советском Союзе, привело к их отказу сражаться на Восточном фронте и переправке армии Андерса (в нее вступил и Чапский) через Иран в Северную Африку. Некоторое время Чапский находился в Средней Азии, где у него был короткий роман с Анной Ахматовой. Позднее они встречались в Париже, где Чапский стал одним из лидеров польской анти-

коммунистической эмиграции, издававшей журнал «Культура».

В период холодной войны польские эмигранты, как и Чапский, участвовали в деятельности различных организаций, призванных изучить и дать оценку событиям в Катыни (Комитет расследования Катыни, Катыньский комитет), которые создавались на Западе, в том числе — в США. Катынь превратилась в инструмент пропагандистской борьбы между Востоком и Западом.

В заключении автор подчеркивает, что ее книга посвящена истории «войны преступников», прежде всего, сталинского СССР и гитлеровской Германии, которая и привела к катыньской трагедии (с. 437)

Вполне очевидный вывод автора о том, что Катынь стоит в одном ряду с холокостом, представлен в самом общем виде. При этом массовые уничтожения гитлеровцами советских граждан в расчет не берутся.

Книга Вебер представляет собой достаточно профессиональное историческое сочинение, которое, тем не менее, не может быть признано полностью объективным. В своем изложении автор зачастую отходит от главной темы — Катыни — и углубляется в сравнительный анализ гитлеровского и сталинского режимов, пытаясь дать ответ на вопрос, какой из них был наиболее античеловечным и преступным.

С.В. КРЕТИНИН

Примечания

1. ШВЕД В.Н. Катынь: современная история вопроса. М. 2012.
2. CZAPSKI J. Unmenschliche Erde. Köln-Berlin. 1967.

Т.В. ЗОНОВА. *История внешней политики Италии*. М. «Международные отношения». 2016. 350 с.

В последнее время книги, посвященные истории Италии, публикуются в России крайне редко. Именно поэтому выход в свет в начале 2016 г. монографии Т.В. Зоновой «История внешней политики Италии» стал настоящим событием для отечественной итальянистики. В исследовании приведен обширный матери-

ал по целому ряду тем, не только внешней политике, дипломатии и экономике страны, рассматриваемых в свете сложных внутривнутриполитических перипетий, но и международным отношениям, в контексте которых формировалась линия, проводимая Италией на мировой арене. В работе представлены ключевые

моменты внешней политики страны более чем за полторы сотни лет: положение Итальянского Королевства на рубеже XIX—XX вв., Италия накануне и во время первой мировой войны и в период мирного урегулирования, внешняя политика Бенито Муссолини, Италия во второй мировой войне и послевоенное устройство в Европе и мире, основные этапы и направления внешней политики Итальянской Республики до настоящего времени, вопросы территориальных споров и отношения с географическими соседями в целом. Особое внимание уделяется «европеизму» и «атлантизму» как ключевым направлениям внешнеполитической линии страны после окончания второй мировой войны.

Исследование внешней политики Италии автор книги начинает еще с эпохи Рисорджименто. В книге подчеркивается, что в 1861 г. завершился «первый этап объединения» страны, и главным для Италии на тот момент стало стремление встать в один ряд с великими державами (с. 17). Подробно описывается непростой процесс дипломатического признания Королевства Италия европейскими государствами, в том числе — Российской империей. Автор выделяет и основные векторы внешнеполитических интересов Италии в тот период: «европейское», средиземноморское, ближневосточное, африканское, заложившие основы внешней политики страны, сформировавшейся в XX в. и сохраняющейся до сих пор. Примечательно, что, как указывает Т.В. Зонова, существенное влияние на внешнеполитические контакты Итальянского Королевства в конце XIX — начале XX в. оказывал фактор растущей эмиграции (с. 31).

Широкое внимание в работе уделяется формированию военных блоков накануне первой мировой войны. Особая роль в этом процессе отводится колониальным устремлениям страны. Подробно освещаются отношения Италии с Ватиканом: историк подчеркивает, что их сближение повлекло за собой ухудшение отношений последнего с Францией (с. 38). Империалистические идеи и активная колониальная политика этого периода рассматриваются ученым как толчок к росту национализма, в риторике которого преобладали милитаристские мотивы, что способствовало формированию благоприятной почвы для зарождения

фашизма в Италии. Важная роль в колониальной экспансии отводится финансовой составляющей, которая играла не меньшую роль, чем дипломатия (с. 48). Ливийская война (1911—1912 гг.) однако характеризуется как провал Италии в связи с ослаблением экономических, культурных и политических связей на Балканах и Ближнем Востоке (с. 51). Невысокие достижения военной экспансии Италии, по мнению Зоновой, компенсировались в канун первой мировой войны успешной политикой «мягкой силы», в результате которой итальянское влияние начало распространяться на Албанию, Ливию, Малую Азию (с. 55).

В монографии подробно раскрываются широкие дискуссии в стране, предшествовавшие вступлению Италии в первую мировую войну. При этом подчеркивается, что сторонники нейтралитета не уступали числом милитаристски настроенным силам. Мотивом смены политических ориентиров, приведших в итоге к вступлению в войну на стороне Антанты, называется стремление Италии распространить свою экспансию в страны Восточного Средиземноморья (с. 68). Послевоенному урегулированию автор отводит особую роль и останавливается на итогах войны, повлиявших впоследствии на рост германского милитаризма. Отметим, что Рапалльский договор 25 ноября 1920 г., оформивший альпийские границы Италии, определяется в книге как акт завершения эпохи Рисорджименто (с. 79).

На развитие событий в 20—30-е гг. XX в. в Европе в целом и в Италии в частности оказало большое влияние становление фашистской идеологии. Зонова подробно останавливается на этом в книге, указывая на «резвый подход» Бенито Муссолини к военному потенциалу Италии в грядущей войне, благодаря которому внешняя политика страны оставалась достаточно осторожной (с. 88). Сам же Дуче долгое время был заинтересован в сохранении статус-кво в Европе (с. 91).

В качестве географических направлений итальянской дипломатии вновь особо выделяются балканское и восточноевропейское. Отметим, что стремление повысить роль Италии на международной арене, характерное для политики Муссолини, остается одной из главных задач страны и по сей день. В монографии отмечается и особая важность заключе-

ния Латеранских соглашений с Ватиканом, имевших огромное значение для дальнейшего политического развития Италии. При этом указывается на ряд сложностей, сохранившихся в отношениях со Святым Престолом (с. 94).

Поворотным моментом для фашистской эпохи историк считает начало нового экономического курса, проявившегося в провозглашении политики автаркии (с. 95), на фоне которой менялась внешняя политика страны. В свете роста агрессивности в отношении ревизии Версальского договора и усиления колониальной экспансии, неизбежным стало сближение с Германией. В скором времени это усугубилось усилением зависимости от последней, прежде всего — в экономической сфере, что вызывало в итальянском обществе резкое неприятие. Идеологической основой итало-германского сотрудничества исследователь называет Антикоминтерновский пакт (с. 110). Широкое внимание в работе уделяется формированию оси Рим-Берлин-Токио, ставшего результатом военного союза с Германией.

«Параллельная война», которую Италия вела после вступления во вторую мировую войну вне зависимости от военных действий Германии, была, в первую очередь, обусловлена низким военным потенциалом страны: основные операции проводились в условиях слабой сопротивляемости противника на «неприоритетных» театрах военных действий. Это косвенно подтверждается и попытками проведения итало-советских переговоров в 1940 г., пресеченных Германией.

Выход Италии из войны, сопровождавшийся большими трудностями, проходил в условиях тесной взаимосвязи внутриполитической обстановки с действиями на международной арене. Как отмечает автор, вмешательство военной администрации союзников во внутриитальянские дела имело колоссальное влияние на действия единого фронта антифашистских сил внутри страны. Очевидно, что уже на данном этапе оформились основы послевоенной внешней политики Италии, находившейся в фарватере «атлантизма». Говоря о положении Италии на мировой арене в период завершения второй мировой войны, Зонава делает резкое замечание о том, что автономия страны, фактически, была даже меньше,

чем у британских протекторатов и колоний в Азии и на Ближнем Востоке (с. 159). Немаловажная роль в данном контексте отводится установлению «непосредственных отношений» с СССР, как фактору повышения престижа Италии на мировой арене.

Отдельная глава посвящена Итальянской Социальной Республике (так называемой «Республике Сало»). Интересно, что в книге подробно рассматривается и характеризуется ее дипломатия, процесс признания другими странами и отношения с Ватиканом. Исследователь замечает, что все политические силы страны после окончания войны «выступали за непринятие слишком больших обязательств на международной арене» (с. 169). Подробно раскрываются в работе и внутриполитические дискуссии о будущем страны в условиях блокового противостояния. «Атлантический» выбор определялся, главным образом, экономическими причинами: первые послевоенные правительства Италии стремились к получению американской финансовой помощи. Первостепенной задачей внешней политики, однако, называется пересмотр условий мирного договора, который фактически приравнивал Италию к побежденным странам.

Весьма подробно в исследовании освещаются дискуссии внутри самой Италии по поводу присоединения к НАТО, стремление страны вступить в ООН и начало процесса объединения Европы. Все эти темы рассматриваются автором в тесной связи с внутриполитической ситуацией в Итальянской Республике: наличие сильной Итальянской коммунистической партии (ИКП) в стране обуславливало неизменно напряженные процессы принятия внешнеполитических решений. Подчеркнем, что «европеизм» пользовался в Италии большей поддержкой, чем «атлантизм» как в политических сферах, так и среди электората (с. 185). Историк подробно описывает возникновение и развитие идеи «Единой Европы», причем акцент делается на большой итальянский вклад в становление современных общеевропейских ценностей. Отдельное внимание отводится двусторонним отношениям Италии с Югославией и решению территориальных споров.

Значительное место в монографии уделяется переменам во внутриполитической ситуации Итальянской Республики в 1950-е гг.:

«сдвиг влево», изменивший расклад политических сил страны, оказал существенное влияние и на внешнеполитическую линию. Выделяется и возросшая «колониальная активность» Италии — так называемая политика «неоатлантизма», направленная на активизацию североафриканского и средиземноморского векторов внешней политики при сохранении тесного сотрудничества с США. Важная роль в данном процессе отводится энергетической сфере (с. 207).

Изменения во внешнеполитической сфере к 1970-м гг. — ослабление поддержки политики США, более тесные контакты с развивающимися странами, новый курс на отношения с СССР в условиях «разрядки» — оказали, в свою очередь, влияние на внутреннюю ситуацию в стране. При этом нестабильность политической ситуации в Италии в «свинцовые годы» была настолько велика, что оказывала существенное воздействие на международные отношения. В сочетании с пиком популярности ИКП в данный период, внутривнутриполитические проблемы привели к идее «исторического компромисса» — сотрудничеству правящей Христианско-демократической партии (ХДП) с коммунистами, что вызвало серьезные опасения стран западного блока. В работе отмечаются достижения политики согласия ХДП и ИКП, отразившиеся, в том числе, и во внешнеполитической области. Поворот внутренней ситуации с приходом к власти «пятипартийной коалиции» прямо Зоной не критикуется, однако в книге подчеркивается явный отход от политики «разрядки». В качестве доказательства приводится решение правительства Беттино Кракси о согласии на размещение в Италии американских ракет.

Одним из рубежей исторического развития Итальянской Республики исследователь называет начало 1990-х гг., когда страна достигла определенного уровня модернизации, проявившейся, прежде всего, в высоких темпах роста экономики. «Столпами» внешней политики Италии в этот период стали союзнические отношения с США и активная роль в Средиземноморье и на Ближнем Востоке (с. 241). На этот период приходится и начало коренной перестройки партийных структур страны, напрямую связанной с внешнеполитическим фактором — крахом биполярной системы

и процессами глобализации. Новые политические силы делают акцент на вхождение Италии в число «протагонистов» мировой политики — иллюзорную, по мнению ученого, возможность (с. 242). Новым явлением для Италии становится подробно рассматриваемая в монографии «парадипломатия» регионов — широкая автономия в сфере международных связей — получившая активное развитие в последующие годы.

Заметим, что автор, пространно освещая интеграционные процессы в Европе и роль Италии в создании Европейского союза, указывает на то, что в 1990-е гг. именно Итальянская Республика стала одним из самых убежденных сторонников дальнейшей наднациональной интеграции (с. 244). В связи с этим особую важность для страны, как отмечает историк, приобретает важность присоединения к Маастрихтскому договору и вступление в «зону евро» в первом эшелоне стран. Автор подчеркивает, что после Маастрихта происходит значительное «сглаживание» границ между внутренней и внешней политикой (с. 245). Особое значение для Италии, таким образом, приобретает вопрос о европейской конституции. В исследовании замечается, что именно начиная с Маастрихта, внешне- и внутривнутриполитические события в стране неразрывно связаны.

Помимо ключевых для Италии вопросов евроинтеграции в конце XX — начале XXI в. в книге рассматриваются «региональные» направления внешней политики государства: балканское, ближневосточное, средиземноморское и африканское. Подробно характеризуются отношения с Ливией и позиция Италии в отношении косовского кризиса. Примечательно, что политика на Балканах, по мнению Зоной, отвечает сразу нескольким задачам в области международных отношений: стремлению Италии к более активной роли на мировой арене, подготовке стран региона к вступлению в Евросоюз, стабилизации конфликтной зоны и укреплению отношений с Турцией. Для решения первой из данных задач Итальянская Республика стала отдавать предпочтение многостороннему формату отношений (с. 258). Исследователь также приводит описание участия Италии в миротворческих операциях по всему миру и активных действий

страны в рамках Европейской политики безопасности и обороны.

Отдельное внимание в работе отводится российско-итальянским отношениям. Ученый подробно рассматривает их историю с первых шагов в X—XIII вв., анализирует характер взаимного сотрудничества, прошедшего длинный путь от эпизодических контактов в области культуры и торговли до установления полноценных дипломатических отношений и взаимовыгодного сотрудничества в различных областях в настоящее время. Автор подчеркивает, что культурное сближение двух стран произошло гораздо раньше торгового, политического и дипломатического (с. 276). Зонава подробно освещает развитие дипломатических отношений России и Италии в различные периоды истории. Среди причин традиционного взаимоприятия двух стран выделяются экономическая (обоюдовыгодное торговое сотрудничество оказывало серьезное влияние на политические отношения) и культурная составляющие. Историк указывает на непосредственную зависимость климата двусторонних контактов между государствами во второй половине XX в. от ситуации в мировой политике. Поворотным пунктом в российско-итальянских отношениях называется подписание в 1966 г. контракта о строительстве автозавода на территории СССР при участии итальянской компании (с. 307). Таким образом, исследователь подчеркивает главенствующую роль экономических отношений для двусторонних связей. Наиболее важным фактором, повлиявшим не только на отношения между Италией и Россией, но и на всю мировую политику, стали события в СССР конца 1980-х — начале 1990-х годов. В исследовании освещаются

отношения Советского Союза с Ватиканом, как одна из составляющих нового политического курса Москвы. Для современного периода российско-итальянских отношений, по мнению автора, характерна преемственность в основных направлениях сотрудничества, а также интенсивное развитие взаимовыгодных контактов в ряде направлений — торгово-экономическом, энергетическом, культурном. Особые успехи отмечаются в сфере сотрудничества регионов (с. 320). Эти благоприятные тенденции в сочетании с высокими оценками итальянской стороной потенциала России в борьбе с террористическими угрозами, с точки зрения ученого, имеют положительное влияние на возможность продолжения политического диалога даже в условиях сегодняшней непростой ситуации в мире.

Книга Зоновой — не только об истории внешней политики Италии и тесно связанных с ней внутриполитических проблемах страны, оказавших непосредственное влияние на сферу международных отношений, интеграционные процессы в Европе и сегодняшние политические реалии в мире. Монография содержит также анализ ключевых моментов мировой истории, понимание которых невозможно без детальной характеристики конкретных процессов. Именно на примере полуторавековой истории Италии — участницы практически всех значительных событий XX в. — возможно проследить их зарождение и развитие. Монография ученого вносит фундаментальный вклад не только в историографию российской итальянистики, но и в историю международных отношений последних 150 лет.

С.М. ГАВРИЛОВА

Contents

Articles: **I.E. Barykina**. Projects improvement of public administration of the Russian empire the second half of 1860s. Historical profiles: **N.V. Bashnin**. Simon, Archbishop of Vologda and Belozersk. Historical publicistics: **A.V. Maiorov**. A London illuminated manuscript of the Tale of Mamays Battle. Contributions: **V.K. Romanovskij**. The polemic about the essence of nationalism in the Russian liberal press during world war I; **Y.M. Azikova**. Status of Kabarda in interaction with the regional powers in the XVI—XVIII centuries. Diplomacy in history: **N.R. Gozalova**. General Yermolov's embassy in Qajar Iran. History and fates: **L.V. Ponomarenko**, **Nigusie Kassaye W. Michael**. Ivan Felaretovich Babichev. People. Events. Facts: **A.V. Zotova**. Soviet banks during Great Patriotic war; **T.H. Matiev**. Relations between troops and civil population during the Malgobek operation; **E.A. Karpov**. Interethnic relations in the artillery preparatory schools in 1946—1955 years; **A. Khalilov**. Internal contradictions and group struggle in leadership of Az.EC in 1920—1922 years. From history of religions: **O.V. Tereshina**. Ukrainian autocephalous orthodox church in 1942—1944 years. Historiography: **A.Y. Ilyin**. To catch up with urbanization and the urban economy in the history of Russia (reflections on the work of the German historian T.M. Bon). **Reviews on books**: **A. Bazenova**. Historians of the Imperial University of Warsaw: education, science, policy (by L.P. Lapteva); The world history in 6 volumes. Vol. 2. Medieval civilizations of the West and the East (by R.S. Zuykov); **K. Weber**. The war Criminal. The mass shootings near Katyn (by S.V. Kretinin); **T.V. Zonova**. The history of foreign politics of Italy (by S.M. Gavrilova).

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 5, 2016

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.04.2016. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1400. Заказ 217-2016. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2016 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

***Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21***

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**